

ОБЩЕСТВЕННОЕ
МНЕНИЕ
Исследовательский институт

Халықаралық ғылыми-сараптамалық және ақпараттық журнал
International research journal
Международный научно-аналитический и информационный журнал

№1-2 (14-15) 2013

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

INTERNATIONAL RESEARCH

Society. Politics. Economics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общество. Политика. Экономика.

Құрметті оқырмандар!

Сіздердің назарларыңызға «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының кезекті санын ұсынамыз. Бұл басылым әлемдік қоғамдастық үшін аса маңызды тақырып «Орталық Азиядағы қауіпсіздік мәселелеріне» арналған.

Оқырман назарына Орталық Азиядағы аймақтық қауіпсіздік пен тұрақтылықтың қазіргі жағдайы мен болашағы туралы өз көзқарастарын білдірген бірнеше автордың мақалаларын ұсынамыз.

Қызығушылық тудыратын жарияланым ретінде саяси ғылымдарының кандидаты, «Билим карвони» мемлекеттік емес білім беру мекемесінің директоры *Фарход Толиповтың* (Ташкент, Өзбекстан) «*Орталық Азия Еуро-Атлантика және Еуро-Азия арасында: аймақтағы қауіпсіздік нарығы мәселелері*» атты мақаласын атап өтуге болады.

Осы мәселе бойынша қазақстандық сарапшылар да өз көзқарастарын білдірген, олар: әскери ғылымдардың кандидаты, ҚР Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері *Георгий Дубовцев*, заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Қорғаныс Министрлігінің «Әскери-стратегиялық зерттеулер орталығы» АҚ-ның Әскери және қорғаныс зерттеулері департаментінің директоры *Рафик Таиров* және саясаттану ғылымдарының кандидаты, Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ-дің Халықаралық зерттеулер кафедрасының профессоры *Светлана Кожирова*.

Олар журналда талқылаған қазіргі заманның аса өзекті мәселелерінің бірі: «*Ауғанстан 2014 жылдан кейін: Орталық Азияның қауіпсіздігіне төніп тұрған қатер және оны шешу жолдары*».

Оқырмандар үшін саясаттану ғылымдарының докторы, Халықаралық зерттеулер орталығының аға ғылыми қызметкері, (CERI SciencePo, Париж, Франция), Карнеги қорының Таяу Шығыс бағдарламасы бойынша консультанты (Вашингтон, АҚШ) *Байрам Балчидің* мақаласы қызық болары сөзсіз.

Сонымен қатар қытайлық автор, Әлеуметтану ғылымдары академиясының ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының кандидаты *Ху Хунтиннің* (Шыңжаң, Үрімжі) Каспий аймағына төнген қауіптің негізгі қайнар көздері, Каспий аймағын мекендеген 5 елде тұрақты түрде туындап тұратын қарама-қайшылықтар туралы көзқарасы көпшіліктің қызығушылығын тудыруы мүмкін.

Журнал авторлары ішінде жас ғалымдар – Германиядағы Магдебург университетінің Саясаттану институтының докторанты, әлем және шиеленістерді реттеу магистрі (Германия, Тәжікстан) *Акмал Сохибов*, саяси ғылымдар кандидаты, Қырғыз-Ресей Славян университетінің Саясаттану кафедрасының доценті, Қырғыз-Ресей Славян университетіне қарасты Стратегиялық талдау және болжау институтының ғылыми хатшысы (Бішкек, Қырғызстан) *Замира Мураталиева*, «Көкше» академиясының Бейбітшілік, шиеленістер және медиация институтының ғылыми қызметкері, «Көкше» академиясына қарасты Гуманитарлық-педагогикалық департаментінің тарих пәні бойынша оқытушысы (Көкшетау, Қазақстан) *Мұрат Мұхамеджан* бар.

Журнал редакциясы атынан осы номерге мақалалары шыққан авторларға және осы басылымды жарыққа шығаруға атсалысқан мамандарға әріптестік байланыс орнатқандары үшін алғыс білдіреміз!

*Құрметпен,
Журнал баспагері,
әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Ракишева Ботагөз Исләмқызы*

*Журналдың бас редакторы,
саясаттану ғылымдарының докторы
Кожирова Светлана Басейқызы*

Dear readers!

Here is another issue of “International Research. Society. Politics. Economics” journal for your attention. This issue is devoted to the theme relevant in the world community “**Security Issues in Central Asia**”.

We offer our readers articles of the authors, who outlined their vision of the current state and prospects of regional security and stability in Central Asia.

The article of *Farhod Tolipov*, PhD of Political Sciences, Director of the Private Educational Institution “Bilim Karvoni” (Tashkent, Uzbekistan) “*Central Asia between the Euro-Atlantic and Euro-Asia: the market of security services in the region*” are of interest.

Kazakhstan experts: *Georgy Dubovtsev*, PhD of Military Sciences, Chief Researcher at the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of Kazakhstan; *Rafik Tairov*, PhD of Legal Sciences, Director of the Department of Military and Defense Research, Center for Military and Strategic Studies, JSC, Ministry of Defense of the Republic of Kazakhstan; and *Svetlana Kozhirova*, Doctor of Political Sciences, Department of International Studies, L.N. Gumilev ENU shared their points of view. They disclosed one of relevant issues of our time in the journal: “Afghanistan after 2014: security challenges in Central Asia and solution approaches”.

The article by *Bayram Balci*, Doctor of Political Sciences, Senior Researcher at the Center for International Studies (CERI SciencePo, Paris, France), Adviser on the Middle East program at the Carnegie Endowment (Washington, USA) will be interesting to readers. In addition, the journal includes reflections of Chinese author *Hu Hongping*, Researcher of the Academy of Social Sciences, PhD of Economic Sciences (Sinzyan, Urumqi) on the main sources of threats in the Caspian region, the eternal contradictions node of 5 countries of the Caspian region.

Among its authors there are young scientists as: *Akmal Sohibov*, Doctoral student of the Institute of Political Science, University of Magdeburg in Germany, Master of Peace and Conflict Resolution (Germany, Tajikistan); *Zamira Muratalieva*, Doctor of Political Sciences, Assistant professor of Political Science Department, Kyrgyz-Russian Slavic University, academic secretary of the Institute of Strategic Analysis and Prognosis Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan); *Murat Mukhamedzhan*, Researcher, Institute for Peace, Conflict and Mediation of “Academy “Kokshe”, a teacher of history at the Department of Humanities and Education of the Academy “Kokshe” (Kokshetau, Kazakhstan).

On behalf of the editorial board, we thank the authors of articles in this issue and all those who helped us in the course of its publications for cooperation!

Sincerely yours,
Rakisheva Botagoz,
Candidate of Sociological Sciences,
Journal publisher

Kozhirova Svetlana,
Doctor of Political Sciences,
Editor-in-Chief

Дорогие читатели!

Вашему вниманию представляем очередной номер журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика». Данный номер посвящен актуальной в мировой общественности теме: **«Проблемы безопасности в Центральной Азии»**.

Предлагаем вниманию читателей статьи авторов, которые изложили свое виденье современного состояния и перспектив региональной безопасности и стабильности в Центральной Азии.

Представляет интерес статья кандидата политических наук, директора негосударственного образовательного учреждения «Билим карвони» *Фархода Толипова* (Ташкент, Узбекистан), «*Центральная Азия между Евро-Атлантикой и Евро-Азией: рынок услуг безопасности в регионе*».

Поделились своей точкой зрения по данному вопросу казахстанские эксперты: *Георгий Дубовцев*, кандидат военных наук, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, *Рафик Таиров*, кандидат юридических наук, директор департамента военных и оборонных исследований АО «Центр военно-стратегических исследований» Министерства обороны Республики Казахстан и *Светлана Кожирова*, доктор политических наук, профессор кафедры международных исследований ЕНУ им. Л.Н.Гумилева. На страницах журнала ими раскрыта одна из актуальных тем современности: «*Афганистан после 2014 года: вызовы безопасности Центральной Азии и пути решения*».

Интересна будет читателям статья доктора политических наук *Байрам Балчи*, старшего научного сотрудника Центра международных исследований (CERI SciencePo, Париж, Франция), консультанта программы по Ближнему Востоку Фонда Карнеги (Вашингтон, США). Также представлены размышления китайского автора, научного сотрудника Академии социальных наук, кандидата экономических наук *Ху Хунлин* (Синзянь, Урумчи) об основных источниках угроз в Каспийском регионе, вечном узле противоречий 5 стран прикаспийской зоны.

Среди авторов журнала молодые ученые – Акмал Сохибов, докторант Института политологии Университета Магдебурга в Германии, магистр мира и урегулирования конфликтов (Германия, Таджикистан), *Замира Мураталиева*, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Кыргызско-Российского Славянского университета, ученый секретарь Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском Университете (Бишкек, Кыргызстан), *Мурат Мухамеджан*, научный сотрудник Института мира, конфликтов и медиации «Академии «Кокше», преподаватель истории при Гуманитарно-Педагогическом Департаменте Академии «Кокше» (Кокшетау, Казахстан).

От имени редакции журнала благодарим авторов статей данного номера и всех тех, кто помогал нам в ходе его издания за сотрудничество!

*С уважением,
Ботагоз Ракишева,
кандидат социологических наук,
Издатель журнала*

*Светлана Кожирова,
доктор политических наук,
Главный редактор журнала*

Бастырушы:

Ботагөз Ракишева

«Қоғамдық пікір» зерттеу институты
тарапынан шығарылады (Қазақстан)

Бас редактор:

Светлана Кожирова,
саяси ғылымдарының докторы

Бас редактордың орынбасары:

Евгения Руднева,
әлеуметтану магистрі
Алуа Жолдыбалина,
саяси ғылымдарының докторы

Дизайнер:

Ботагөз Исмухамбетова

Корректор:

Венера Әдіханова

Номер редакторы:

Дамиля Жанбурчинова,
әлеуметтану магистрі

Редакция алқасы:

Гүлден Ашкенова,
әлеуметтану магистрі

Ксения Колесник,
әлеуметтану бакалавры

Айнур Мәжитова,
әлеуметтану магистрі

Айгуль Садвокасова,
әлеуметтану ғылымдарының докторы

Анастасия Шандрьга,
әлеуметтану бакалавры

Редакцияның мекен-жайы:

Ш.Уәлиханов көшесі, 3/1, 55 офис
010000, Астана, Қазақстан
Тел/факс: +7 7172 78 35 59, 78 35 49
Электронды пошта: opinion.kz @gmail.com
Сайт: www. publicopinion.kz

Басуға 15 маусым 2013 жылы қол қойылды.
Пішімі 170x260 мм.
Таралымы: 1000 дана

ISSN 2224-0276

Журнал Ақпарат және мұрағат комитеті мен
Қазақстан Республикасы Мәдениет
және ақпарат министрлігінде тіркелген
№ 13492-Ж. куәлігі

Авторлардың көзқарасы мен редакция
ұстанымының үйлесуі міндетті емес.
Журнал материалдарын пайдаланған кезде
міндетті түрде дерек көздер көрсетілуі тиіс.

МАЗМҰНЫ

Редақциядан..... 3

Германия-Тәжікстан

АҚМАЛ СОХИБОВ

Ауғанстанда есірткіге негізделген экономиканы
шектеу үшін экономикалық болашақты және
баламалы бастамаларды дамыту 12

Қазақстан

ГЕОРГИЙ ДУБОВЦЕВ

Терроризм қатерлеріне қарсы өңірлік
қауіпсіздікті қамтамасыз ету бойынша
әскери-саясаттық қызметті жетілдіру туралы.....24

МҰРАТ МУХАМЕДЖАН

Дәстүрлі ислам және исламды түбегейлі
түсіндіру: айырмашылығы неде?26

**БОТАГОЗ РАКИШЕВА,
АЙГУЛЬ САДВОКАСОВА,
ДАНИЯР КОСНАЗАРОВ,
АЙНУР МАЖИТОВА,
ЕВГЕНИЯ РУДНЕВА,
ГУЛЬДЕН ЕМИШЕВА**

Орталық Азиядағы және Қазақстандағы
этносаралық дамудың негізгі беталыстары
жөніндегі сарапшы бағасы(халықаралық
сарапшы сауалнамасының нәтижелері).....36

**РАФИК ТАИРОВ,
СВЕТЛАНА КОЖИРОВА**

Ауғанстан 2014 жылдан кейін:
Орталық Азиядағы қауіпсіздікке төнуші
қатерлер және олардың шешу жолдары54

Қырғызстан

ЗАМИРА МУРАТАЛИЕВА

ШЫҰ эволюциясы және оның
басымдықтарының теңгерімсіздігі.....65

Өзбекстан

ФАРХОД ТОЛИПОВ

Орталық Азия Еуро-Атлантика және
Еуро-Азия арасында: өңір қауіпсіздігі
қызметінің нарығы 69

АҚШ

БАЙРАМ БАЛЧИ

Орталық Азия мен Кавказ үшін Түркияның
саяси дағдарыс салдары қандай?..... 79

Авторлар үшін ақпарат.....87

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС

Редакциялық кеңестің төрағасы:

«Қоғамдық пікір» зерттеу институтының директоры,
әлеуметтік ғылымдарының кандидаты
Ботағоз Ракишева

Александр Алексеев – Шығыс гуманитарлық институты демографиялық зертхана меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Өскемен, Қазақстан)

Анджей Вержицкий – Варшава Университеті Саясаттану ғылымдары институтының қызметкері, Шығыс (Посткеңестік) зерттеулер кафедрасы, Варшава Университетінің профессоры, саяси ғылымдарының докторы (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – Маулан Абул Калам Азад атындағы Азиаттық зерттеулер институтының қызметкері, саяси ғылымдарының докторы, профессор (Калькутта, Үндістан)

Арто Лукканен – Ренвалл Институты Ресей және Шығыс Еуропа зерттеулерін үйлестірушісі, адъюнт-профессор, саяси ғылымдарының докторы (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – Лондон университеті Шығыс және африканық зерттеулер мектебі жанындағы Заманауи Орталық Азия мен Кавказ Орталығының төрағасы, саяси ғылымдарының докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Грегори Глиссен – Нью-Мексико университеті Ұлттық қауіпсіздікті зерттеу бағдарламасының директоры, профессор, саяси ғылымдарының докторы (АҚШ, Германия)

Дмитрий Полетаев – Көші-қон зерттеулер орталығының (Зайончковская орталығы) директоры, Ресей Ғылым Академиясының Халық шаруашылығын болжау институтының Көші-қонды сараптау және болжау зертхана-сының бас ғылыми маманы, экономика ғылымдарының кандидаты (Мәскеу, Ресей)

Жаңылжан Жүнісова – Мемлекеттік саясат кафедрасының меңгерушісі, Мемлекеттік Саясаттың Ұлттық Мектебі, Қазақстан Республикасы Президентінің Жанындағы Мемлекеттік Басқару Академиясы, Саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Астана, Қазақстан)

Донг Янг – Қытай Әлеуметтік ғылымдар академиясының Ресей, Шығыс Еуропа мен Орталық Азия институты директорының орынбасары, профессор (Бейжін, Қытай)

Виктор Дятлов – Иркутск мемлекеттік университеті Әлем тарихы және халықаралық қарым-қатынастар кафедрасының профессоры, «Дiaspora» журналы редакторының орынбасары, «Ішкі Азия» зерттеу орталығының директоры, тарих ғылымдарының докторы (Иркутск, Ресей)

Каюм Кесиджи – Еуропа Қазақ қоғамдары Федерациясының төрағасы, саяси ғылымдарының докторы (Мюнхен, Германия)

Герман Ким – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ корейтану кафедрасының профессоры, тарих ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Коркут Туна – Стамбул университеті Гуманитарлық факультетінің деканы, Түркітілдес елдер әлеуметтанушылары одағының Президенті, профессор (Стамбул, Түркия)

Косимшо Искандаров – Тәжікстан Республикасы Мемлекеттік қызметкерлердің біліктілігін көтеру институты Мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет зерттеу орталығының директоры, Тәжікстан Республикасы Ғылым Академиясының Шығыстану және жазба мұралар институтының Тарих және аймақтық шиеленістерді зерттеу бөлімінің меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы (Душанбе, Тәжікстан)

Санат Кушқумбаев – Қазақстан Республикасы жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Ма Венпу – Бейбітшілік және қарусыздандыру Бүкілқытайлық халықтық ассоциациясының (CPAPD) вице-президенті, Қытай Халық Республикасы Ұлттық Халықтық Конгресінің Сыртқы істер бойынша Комитет төрағасының орынбасары, профессор (Бейжін, Қытай)

Хорхе Боланос Кармона – Гранада университеті Бейбітшілік және шиеленістерді шешу институтының Ғалым хатшысы, математика ғылымдарының докторы, профессор (Гранада, Испания)

Марлен Ларюэль – Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

Михаил Молчанов – Сент-Томас Университетінің саясаттану кафедрасының меңгерушісі, Халықаралық Зерттеулер Ассоциациясының мүшесі (Фредериктон, Канада)

Раса Алишаускиене – Baltic Surveys / The Gallup Organization зерттеу институтының бас директоры, әлеуметтану профессоры (Вильнюс, Литва)

Рубен Азизян – Азия-Тынық мұхиттық қауіпсіздік орталығының профессоры, Ph.D (Гавайи, АҚШ)

Алишер Сабиров – тарих ғылымдарының кандидаты, Өзбекстан Республикасының Жоғары және орта арнайы білім министрлігі жанындағы қазіргі заманғы тарихының мәселелері жөніндегі үйлестіру-әдістемелік орталығының директоры (Ташкент, Өзбекстан)

Сара О'Хара – Ноттингем университеті әлеуметтік ғылымдар факультетінің деканы, география профессоры (Ноттингем, Ұлыбритания)

Себастьян Пейрус – Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

Константин Сыроежкин – Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының аға ғылыми қызметкері, профессор, саяси ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Татьяна Дронзина – Климент Охридский атындағы София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саяси ғылымдарының докторы (София, Болгария)

Уильям Фиерман – Орталық Азия зерттеулер факультетінің профессоры, Индиана штатының университеті, саяси ғылымдарының докторы (Ph.D) (Блумингтон, АҚШ)

Уяма Томохико – Хоккайдо университеті Славян зерттеулері орталығының профессоры (Хоккайдо, Жапония)

Хаяти Тюфекчиоглу – Стамбул университеті Еуразия институтының директоры, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор (Стамбул, Түркия)

Эм Гу-хо – Халықаралық зерттеулер факультетінің профессоры, Азия-Тынық мұхиттық зерттеулер орталығының директоры (Сеул, Оңтүстік Корея)

Published

by Botagoz Rakisheva

"Public Opinion" Research Institute
(Kazakhstan)

Editor-in-chief:

Svetlana Kozhirova,
Ph.D (Political Science)

Deputy Editor-in-chief:

Yevgeniya Rudneva, Master of Sociology
Alua Zholdybalina, Ph. D (Political Science)

Executiv Editor:

Damilya Zhanburchinova,
Master of Sociology

Designer:

Botagoz Ismukhambetova

Proofreader:

Arailym Temirgaliyeva

Editorial Staff:

Gulden Ashkenova, Master of Sociology
Kseniya Kolesnik, Bachelor of Sociology
Ainur Mazhitova, Master of Sociology
Aigul Sadvokassova, Ph.D (Sociology)
Anastasiya Shandryga, Bachelor of Sociology

The journal is issued four times a year.

Address:

3/1 Valikhanov Str. , office 55
010000, Astana, Kazakhstan
Tel/fax: +7 7172 78 35 59, 78 35 49
E-mail: opinion.kz@gmail.com
Website: www. publicopinion.kz

Signed for printing June 15, 2013
Format 170x260 mm.
Circulation: 1000 copies
Printed LLC "ProfiMax DK"

ISSN 2224-0276

The journal was registered by Committee
of Information and Archive, Ministry of
Culture and Information of the Republic of
Kazakhstan.
License № 13492- ZH

The authors' point of view should not always
be concurrent with the publisher's opinion.
No materials of this journal maybe used
or reproduced without reference

CONTENT

From the Publisher 4

Germany-Tajikistan

AKMAL SOKHIBOV

Economic Perspectives and Alternative Development
Initiatives for Reducing Drug Economy in
Afghanistan..... 12

Kazakhstan

GEORGIY DUBOVTSEV

Improvement of military and political activities
to ensure regional security from terrorist threats..... 21

MURAT MUKHAMEDZHAN

Traditional Islam and Radical Interpretations
of Islam: What's the Difference? 26

**BOTAGOZ RAKISHEVA, AIGUL SADVOKASOVA,
DANIYAR KOSNAZAROV, AINUR MAZHITOVA,
YEVGENIYA RUDNEVA, GULDEN YEMISHEVA**

Expert review of the key trends of the interethnic
situation development in Central Asia and
Kazakhstan (results of the international
expert poll)..... 36

RAFIK TAIROV, SVETLANA KOZHIROVA

Afghanistan after 2014: Central Asia's Security
Challenges and Solutions 54

Kyrgyzstan

ZAMIRA MURATALIYEVA

The SCO evolution and imbalance of its priorities 65

Uzbekistan

FARHOD TOLIPOV

Central Asia between the Euro-Atlantic and Euro-
Asia: Security Services Market in the Region 69

USA

BAYRAM BALCHI

What are the consequences of the political crisis in
Turkey for Central Asia and the Caucasus? 79

Information for Future Authors..... 87

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board:

Botagoz Rakisheva,

Director of "Public Opinion" Research Institute
Candidate of Sociological Sciences

Aleksandr Alekseyenko – Head, Demography Laboratory, Eastern Humanitarian Institute, Ph.D (History), Professor (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Alisher Sabirov – Ph.D. in History, Director of Coordination and methodological center on newest history of Uzbekistan under the Ministry of Higher and Secondary Special Education of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan)

Andrzej Wierzbicki – Fellow, Institute of Political Science, Warsaw University, Department of the Eastern (Post-Soviet) Studies; professor of Warsaw University Ph.D (Political Science) (Warsaw, Poland)

Anita Sengupta – Fellow, Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, Ph.D (Political Science), Professor (Kolkata, India)

Arto Luukkanen – Coordinator, Russian and East European Studies, Renvall Institute, Adjunct Professor, Ph.D (Political Science) (Helsinki, Finland)

Bhavna Dave – Chair, Center of Contemporary Central Asia and the Caucasus under the School of Oriental and African Studies, University of London; Ph.D (Political Science), Professor (London, Great Britain)

Dmitry Poletaev – Director of the Center for Migration Studies (Zaionchkovskaya's Center), Laboratory of Migration, Institute of Economic Forecasting of Russian Academy of Sciences, Ph.D., Candidate of Science (Economics) (Moscow, Russia)

Dong Xiaoyang – Deputy Director, Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies under the Chinese Academy of Social Sciences, Professor (Beijing, China)

Viktor Dyatlov – Professor, Department of the World History and International Relations, Irkutsk State University; Deputy Editor-in-Chief, Journal "Diasporas"; Director, Research Center "Internal Asia", Ph.D (History) (Irkutsk, Russia)

German Kim – Professor, Department of Korean Studies, Kazakh National University named after al-Farabi, Ph.D (History) (Almaty, Kazakhstan)

Gregory Gleason – Director National Security Studies Program, University of New-Mexico, Ph.D (Political Science), Professor (U.S.A., Germany)

Jorge Bolanos Carmona – Scientific Secretary of the Institute of Peace and Conflict Resolution at the University of Granada, PhD (mathematical science), professor (Granada, Spain)

Kayyum Kesici – Chair person, Federation of European Kazakh Associations, Ph.D (Political Science) (Munich, Germany)

Konstantin Syroyezhkin – Senior Researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Professor, Ph.D (Political Science) (Almaty, Kazakhstan)

Korkut Tuna – Dean, Humanitarian School, Istanbul University; President, the Union of Turkish World Sociologists, Ph.D (Sociology), Professor (Istanbul, Turkey)

Kossimsho Iskandarov – Director, Research Center for Public Administration and Public Service, Institute of Advanced Training of Public Officers (IAT PO) of the Republic of Tajikistan; Chairman, Division of History and Regional Conflicts, Institute of Oriental Studies and Written Heritage of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan; Ph.D (History) (Dushanbe, Tajikistan)

Ma Wenpu – Vice-President, Chinese People's Association for Peace and Disarmament (CPAPD); Vice-Chairman, Foreign Affairs Committee of the National People's Congress of the Chinese People's Republic, Professor (Beijing, China)

Marlene Laruelle – is a senior staff scientist of the Institute of Central Asia and Caucasus and "Silk Way" Research Program – a joint center which maintain partnership relations with the Faculty for Leading International Researches of James Hopkins University and the Institute of Politics and Development Security, Ph.D (Washington, USA)

Mikhail A. Molchanov – Chair of Department of Political Science, St. Thomas University, member of the ISA (Fredericton, Canada)

Rasa Alisauskiene – General Director, Research Institute, Baltic Surveys /The Gallup Organization, Ph.D (Social Sciences), Assistant Professor (Vilnius, Lithuania)

Rouben Azizian – Professor, Asia-Pacific Center for Security Studies, PhD (Hawaii, USA)

Sanat Kushkumbayev – Chief Researcher of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Ph.D (Political Science) (Almaty, Kazakhstan)

Sara O'Hara – Dean, Faculty of Social Sciences, School of Geography, Nottingham University, Professor of Geography (Nottingham, United Kingdom)

Sebastien Peyrouse – is a senior staff scientist of the Institute of Central Asia and Caucasus and "Silk Way" Research Program – a joint center which maintain partnership relations with the Faculty for Leading International Researches of James Hopkins University and the Institute of Politics and Development Security, Ph.D (Washington, USA)

Tatyana Dronzina – Professor, Department of Political Science, Kliment Ohridski University of Sofia; Ph.D (Political Science) (Sofia, Bulgaria)

Uyama Tomohiko – Professor of Central Asian Studies, Slavic Research Center, Hokkaido University (Hokkaido, Japan)

Hayati Tufekcioglu – Director, Eurasian Institute, Istanbul University, Ph.D (Sociology), Professor (Istanbul, Turkey)

Um Gu-ho – Professor, Graduate School of International Studies; Head, Hanyang University's Asia-Pacific Research Center (APRC) (Seoul, South Korea)

William Fierman – Professor, Department of Central Eurasian Studies, Indiana University, Ph.D (Political Science) (Bloomington, USA)

Zhanylzhan Junussova – National School of Public Policy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Department of Political Strategy of the State, Professor (Astana, Kazakhstan)

Издатель:

Ботагоз Ракишева

Издается при Исследовательском институте
«Общественное мнение» (Казахстан)**Главный редактор:**Светлана Кожирова,
доктор политических наук**Зам. главного редактора:**Евгения Руднева,
магистр социологии
Алуа Жолдыбалина,
доктор политических наук**Редактор номера:**Дамиля Жанбурчинова,
магистр социологии**Дизайнер:**

Ботагоз Исмухамбетова

Корректор:

Венера Адыханова

Редакционная коллегия:Гулден Ашкенова,
магистр социологииКсения Колесник,
бакалавр социологииАйнур Мажитова,
магистр социологииАйгуль Садвокасова,
доктор социологических наукАнастасия Шандрыга,
бакалавр социологии

Журнал выходит 4 раза в год

Адрес редакции:010000 Астана, ул. Валиханова 3/1, офис 55
Тел./факс: +7 7172 783 559, 783 549
Электронная почта: opinion.kz@gmail.com
Сайт: www. publicopinion.kzПодписано в печать 15 июня 2013 г.
Формат 170x260 мм. Тираж: 1000 экз.
Отпечатано в типографии:

ISSN2224-0276

Журнал зарегистрирован
Комитетом информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан
Свидетельство №13492-ЖТочка зрения авторов не обязательно
совпадает с позицией редакции.
При использовании материалов журнала
ссылка обязательна.
Редакция не несет ответственности за
материалы, предоставленные авторами**СОДЕРЖАНИЕ**

<i>От редакции</i>	5
<i>Германия-Таджикистан</i>	
АКМАЛ СОХИБОВ Экономические перспективы и альтернативные инициативы развития для сокращения экономики, основанной на наркотиках, в Афганистане	12
<i>Казахстан</i>	
ГЕОРГИЙ ДУБОВЦЕВ О совершенствовании военно-политической деятельности по обеспечению региональной безопасности от угроз терроризма	21
МУРАТ МУХАМЕДЖАН Традиционный ислам и радикальные интерпретации ислама: в чем разница?	26
БОТАГОЗ РАКИШЕВА, АЙГУЛЬ САДВОКАСОВА, ДАНИЯР КОСНАЗАРОВ, АЙНУР МАЖИТОВА, ЕВГЕНИЯ РУДНЕВА, ГУЛЬДЕН ЕМИШЕВА Экспертные оценки об основных тенденциях развития межэтнической ситуации в Центральной Азии и Казахстане (результаты международного экспертного опроса)	36
РАФИК ТАИРОВ, СВЕТЛАНА КОЖИРОВА Афганистан после 2014 года: вызовы безопасности Центральной Азии и пути решения	54
<i>Кыргызстан</i>	
ЗАМИРАМУРАТАЛИЕВА Эволюция ШОС и дисбаланс ее приоритетов.....	65
<i>Узбекистан</i>	
ФАРХОД ТОЛИПОВ Центральная Азия между Евро-Атлантикой и Евро-Азией: рынок услуг безопасности в регионе	69
<i>США</i>	
БАЙРАМ БАЛЧИ Каковы последствия политического кризиса в Турции для Центральной Азии и Кавказа?	79
<i>Информация для авторов</i>	87

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Ботагоз Ракишева,

Директор Исследовательского Института
«Общественное мнение»,
кандидат социологических наук

Александр Алексеенко – заведующий демографической лабораторией Восточного гуманитарного института, доктор исторических наук, профессор (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Алишер Сабиров – кандидат исторических наук, директор Координационно-методического центра по вопросам новейшей истории Узбекистана при Министерстве высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

Анджей Вержицкий – сотрудник Института политических наук Варшавского университета, кафедра восточных (постсоветских) исследований, профессор Варшавского университета, доктор политических наук (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – сотрудник Института азиатских исследований им. Мауляны Абул Калам Азада, доктор политических наук, профессор (Калькутта, Индия)

Арто Лукканен – координатор исследований России и Восточной Европы Института Ренвалл, адъюнт-профессор, доктор политических наук (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – председатель Центра современной Центральной Азии и Кавказа при Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, доктор политических наук, профессор (Лондон, Великобритания)

Герман Ким – профессор кафедры корееведения КазНУ им. аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Грегори Глиссен – директор Программы исследований национальной безопасности университета Нью-Мексико, доктор политических наук, профессор (США, Германия)

Дмитрий Полетаев – директор Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской), ведущий научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, кандидат экономических наук (Москва, Россия)

Донг Янг – заместитель директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии социальных наук, профессор (Пекин, Китай)

Виктор Дятлов – профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, зам. главного редактора журнала «Диаспоры», директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», доктор исторических наук (Иркутск, Россия).

Жанылжан Джунусова – заведующая кафедрой «Государственная политика» Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук, профессор (Астана, Казахстан)

Каюм Кесиджи – председатель Федерации ассоциации европейских казахов, доктор политических наук (Мюнхен, Германия)

Константин Сыроежкин – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Коркут Туна – декан гуманитарного факультета Стамбульского университета, президент

Союза социологов тюркоязычных стран, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Косимшо Искандаров – директор Исследовательского центра государственного управления и государственной службы Института повышения квалификации государственных служащих (ИПКГС) Республики Таджикистан, заведующий отделом истории и исследований региональных конфликтов Института востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан, доктор исторических наук (Душанбе, Таджикистан)

Санат Кушкумбаев – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор политических наук (Алматы, Казахстан)

Ма Венпу – вице-президент Всекитайской народной ассоциации за мир и разоружение (CPAPD), заместитель председателя Комитета по иностранным делам Национального народного конгресса Китайской Народной Республики, профессор (Пекин, Китай)

Марлен Ларюэль – старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и исследовательской программы «Шелковый путь» – объединенного центра, поддерживающего партнерские отношения с факультетом переводов международных исследований Университета Джонса Хопкинса и Института по политике и безопасности развития (Вашингтон, США)

Михаил Молчанов – заведующий кафедрой политологии Университета Сент-Томас, член Ассоциации Международных Исследований (Фредериктон, Канада)

Раса Алишаускиене – генеральный директор исследовательского института Baltik Sarveys / The Gallup Organization, профессор социологии (Вильнюс, Литва)

Рубен Азизян – профессор Азиатско-Тихоокеанского центра безопасности (Гавайи, США)

Сара О'Хара – декан факультета социальных наук университета Ноттингем, профессор географии (Ноттингем, Великобритания)

Себастьян Пейрус – старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и исследовательской программы «Шелковый путь» – объединенного центра, поддерживающего партнерские отношения с факультетом переводов международных исследований Университета Джонса Хопкинса и Института по политике и безопасности развития (Вашингтон, США)

Татьяна Дронзина – профессор кафедры политологии Софийского университета им. Климента Охридского, доктор политических наук (София, Болгария)

Уильям Фиерман – профессор факультета Центрально-азиатских исследований Университета штата Индиана, доктор политических наук (PhD) (Блумингтон, США)

Уяма Томохико – профессор Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Хоккайдо, Япония)

Хаяти Тюфекчиоглу – директор Института Евразии Стамбульского университета, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Хорхе Боланос Кармона – ученый секретарь Института мира и разрешения конфликтов Университета Гранады, доктор математических наук, профессор (Гранада, Испания)

Эм Гу-хо – директор центра Азиатско-тихоокеанских исследований, профессор факультета международных исследований (Сеул, Южная Корея)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЛЯ СОКРАЩЕНИЯ ЭКОНОМИКИ, ОСНОВАННОЙ НА НАРКОТИКАХ, В АФГАНИСТАНЕ

АКМАЛ СОХИБОВ

Докторант Института политологии Университета Магдебурга в Германии, магистр мира и урегулирования конфликтов (Германия, Таджикистан)

Следующая статья посвящена экономическим условиям* и устойчивому развитию, касающимся перспектив настоящего и будущего в экономическом развитии Афганистана. Более того, эта статья рассматривает общие и традиционные вопросы экономики Афганистана: сельское хозяйство и его роль в Афганистане. Еще одним аспектом для обсуждения в данной статье является вопрос, может ли развиваться сельское хозяйство Афганистана без культивации мака. Кроме того, такие концепции, как Комплексное развитие (КР) и Сотрудничество в целях развития в центральной Азии (СЦРЦА) раскрывают амбициозный характер регионального сотрудничества.

1. Новая экономика Афганистана после крушения режима талибов

Афганистан из-за долгосрочной финансовой поддержки и помощи извне все еще считается одной из беднейших стран – даже с уровнем ВВП в 27 млрд долл. США в 2010 г. Промышленная отрасль экономики развивается очень медленно. Большинство компаний и заводов, построенных в 1970 годах, были разрушены или неконкурентоспособны. Они либо старые, либо не справляются с объемом работы. Несколько существующих компаний остаются в собственности государства. Традиционные отрасли, такие как сельское хозяйство, торговля и ремесла, не могут компенсировать текущий дефицит. Поэтому правительство Афганистана нацелено на вступление в ВТО и проявляет инициативу поддержки страны, внедряя модифицированную и менее сложную систему налогов, облегченный доступ и процесс получения лицензий, регистрации компаний и улучшенные процедуры экспорта товаров. Тем не менее, налоги на импорт для этого конкретного региона по-прежнему низки. Это приводит к импорту дешевых товаров, что, в свою очередь, делает товары и продукты, произведенные в Афганистане, неконкурентоспособными на рынке.¹ Основным аспектом сдерживания экономического развития Афганистана являются его географические условия. Горы, преобладающие в ландшафте, препятствуют

* Во-первых, я хочу выразить свою благодарность моим руководителям – проф. д-р Клаус Шонхте и проф. д-р Хейко Шредер, а также моим друзьям – Сюзанне Швайгель и Себастьяну Шнеку за их академическую поддержку и помощь при публикации этой статьи.

[1] Роль правительства Афганистана в успешном развитии - Начиная открытый диалог о будущей экономике Афганистана. Экономическая конференция, Кабул, 18 - 19 июня 2012 года. Хрестоматия по экономическому развитию Афганистана с 2001 года. Дополнения к Friedrich-Ebert- Foundation (FES) и немецко-афганской сети (ДАН, Deutsch - Afghanisches Netzwerk), page.2, июнь 2012.

развитию транспорта и инфраструктуры. Сухой климат сдерживает развитие производства и сельского хозяйства. Поэтому Афганистан остается зависимым от соседних стран, например, таких как Пакистан².

Так как большая часть экономики все еще полагается на внешнее финансирование или получает поддержку от проектов развития, расположенных вне Афганистана, то нет уверенности в том, насколько устойчив ее рост. Это касается строительных, равно как и транспортных, логистических компаний³. Из-за низких налогов, цен и таможенных правил афганские товары и продукты замещаются дешевыми импортированными товарами, произведенными не в Афганистане⁴. Например, компания в Герате, производящая томатную пасту, стала банкротом из-за низкой стоимости производства в Иране и низких цен, предлагаемых Ираном для того же вида продукции. Еще один хороший пример – печатный бизнес, который едва мог развиваться. Он не мог выжить, так как большие заказы на печать отдавались компаниям в Пакистане, из-за низкой стоимости производства и материалов, а также низких таможенных сборов и стоимости⁵.

Иностранная помощь как двигатель для афганской экономики

Вклад иностранной помощи является решающим для афганской экономики. Общие расходы на иностранную помощь составили 62 млрд долл. США в период с 2001 по 2009 гг. 50% этой суммы было передано Афганской национальной армии и Афганской национальной полиции. 55% от общей суммы, выделенной на развитие, было озвучено на международных конференциях, посвященных Афганистану (Токио, Берлин, Лондон, Рим и Париж)⁶. В 2010 гг., общий бюджет иностранной помощи и поддержки развития составил 6,4 млрд долл. США, и только 10% этой суммы было потрачено на гуманитарную помощь или проекты. Таким образом, Афганистан также является шестым по величине потребителем иностранной помощи и поддержки развития по всему миру по итогам 2010 г. Афганистан получил 45% своего валового национального дохода (ВНД) в виде финансовой поддержки извне, с доходом государства в 3,4 млрд долл. США⁷.

Большая часть экономического развития в Афганистане основана на иностранной помощи, в частности, в таких отраслях, как строительство, логистика и в особенности транспорт. На сегодня 48% расходов правительства финансируются и покрываются иностранной помощью и поддержкой развития. Мировой банк заявляет, что 97% ВВП Афганистана — это расходы, понесенные гуманитарным и военным присутствием стран-доноров⁸. Затронутые страны прилагают усилия по регулированию своих стратегий с учетом реальных условий и фактического развития в Афганистане. Информационная коллегия при Правительстве США предупреждает, что данный тип иностранной помощи может привести к коррупции, нестабильности и небезопасности, а также к искажениям на рынках труда и товаров⁹. А международное сообщество не может воспрепятствовать государственному контролю афганского правительства над иностранной поддержкой. Таким образом, вовлеченные страны в

[2] GIZ Афганистан: <http://liportal.giz.de/afghanistan/wirtschaft-entwicklung.html>

[3] Nijssen, Стефани 2010, Специальный доклад по экономическому развитию в Афганистане, афганской экономики: Краткая история, стр. 5.

[4] Перспективы Афганистана, 15 июня 2011 года: Иностранная импорт убивет афганскую промышленность, стр. 8 и 11.

[5] Роль правительства Афганистана в успешном развитии - Начиная открытый диалог о будущей экономике Афганистана. Экономическая конференция, Кабул, 18 - 19 июня 2012 года. Хрестоматия по экономическому развитию Афганистана с 2001 года. Дополнения к Friedrich-Ebert- Foundation (FES) и немецко- афганской сети (ДАН, Deutsch - Afghanisches Netzwerk). page.2, июнь 2012.

[6] ReliefWeb : Афганистан: Донор Финансовый обзор Доклад , <http://reliefweb.int/node/349355>

[7] <http://www.globalhumanitarianassistance.org/countryprofile/afghanistan>

[8] Грегг Карлстром , экономическая депрессия станки в Афганистане , июнь 2011 .

[9] <http://www.aljazeera.com/news/asia/2011/06/20116812933228775.html>

своих коммюнике пообещали направить 50% поддержки развития через афганское правительство в течение следующих двух лет. Это намерение тщательно обсуждалось в 2010 г. на международных конференциях, посвященных Афганистану, в Лондоне и Кабуле¹⁰. Вывод войск из Афганистана, запланированный на 2014 г., уменьшит размеры поддержки развития и, таким образом, вызовет экономический кризис во многих соответствующих отраслях. Но пока иностранная поддержка расходуется на старые проекты. Европейский союз одобрил выдаче 600 млн долл. США на поддержку развития для обеспечения передачи функций поддержки безопасности Афганистану к концу 2014 года¹¹.

Международное сообщество ожидает закрытия финансового разрыва только посредством иностранной помощи, субсидий и резкого снижения расходов в области безопасности и в гражданском секторе до 2020 г. Кроме того, международное сообщество предложило свою помощь Афганистану в присоединении к мировому рынку, в снятии торговых и транспортных барьеров, равно как и в развитии инфраструктуры и эксплуатации природных ресурсов¹². В то же время, международное сообщество требует изменений в развитии подхода к развитию «от помощи к торговле» (финансовая помощь для поддержки торговли)¹³.

2. Традиционная сельская экономика в Афганистане

Сельское хозяйство все еще остается одним из наиболее значительных источников дохода сельского населения в Афганистане. Согласно данным Азиатского банка развития (АБР), 70% трудоустройства в сельских районах и 85% афганского населения зависят от сельского хозяйства и обработки сельскохозяйственной продукции. Основными товарами являются рис, сахарная кукуруза, ячмень, пшеница, овощи, фрукты и орехи. Пшеница все еще является самым важным пищевым продуктом, с уровнем потребления до 83% урожая и наиболее большой посевной площадью в Афганистане. Промышленно значимые посевные культуры, такие как хлопок, табак, марена красильная, сахарная свекла и клецелина, значительно выросли и продвигаются на рынке¹⁴. Экспортными товарами являются плоды граната, виноград, яблоки, равно как и сухофрукты, орехи, фисташки и изюм. Сегодня наиболее важными садоводческими регионами являются Герат, область к северу от Кабула под названием Шомали, Кандагар и долина Пандшер, где выращиваются виноград, гранаты и абрикосы¹⁵.

Сельское хозяйство без мака?

Уничтожение полей опионого мака увеличило географическое распределение выращивания опионого мака. Впервые фермеры в провинции Гхор (центральный Афганистан) обнаружили, что выращивание мака прибыльно (после запрета талибов, который увеличил цены)¹⁶. В 2004-2005 гг. торговцы наркотиками рассылали финансовых агентов и посредников в другие области, для того чтобы обеспечить достаточные

[10] Оценка американской внешней помощи Афганистану, 2011, стр. 2, http://www.foreign.senate.gov/search/?q=Evaluating+US+Foreign+assistance+to+Afghanistan&as_sitesearch=&x=38&y=18

[11] Коммюнике, Кабул Международная конференция по Афганистану, 20 июля 2010, стр. 2, <http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/355350/publicationFile/51498/100720-Kommunique-Kabul.pdf>

[12] Перспективы Афганистан, 18 июля 2011 года. ЕС обещает 600 м \$ в помощи Афганистану, Front Page & стр. 8.

[13] Роль правительства Афганистана в успешном развитии - Начиная открытый диалог о будущей экономике Афганистана. Экономическая конференция, Кабул, 18 - 19 июня 2012 года. Хрестоматия по экономическому развитию Афганистана с 2001 года. Дополнения к Friedrich-Ebert- Foundation (FES) и немецко-афганской сети (ДАН, Deutsch-Afghanisches Netzwerk), page.2, июнь 2012

[14] см. Там же, стр. 23.

[15] Экономические принципы - Афганистан, 2011, Германия Торговля и Инвест. (Wirtschaftsleitfaden -Афганистан, 2011), Июнь 2012, стр. 15, http://www.gtai.de/GTAI/Navigation/DE/trade_s_cde.html?renderPrint=342842

[16] Роль правительства Афганистана в успешном развитии - Начиная открытый диалог о будущей экономике Афганистана. Экономическая конференция, Кабул, 18 - 19 июня 2012 года. Хрестоматия по экономическому развитию Афганистана с 2001 года. Дополнения к Friedrich-Ebert- Foundation (FES) и немецко-афганской сети (ДАН, Deutsch-Afghanisches Netzwerk), page.2, июнь 2012

поставки. В результате урожай опия в 2005 г. показал наибольшее географическое распределение по сравнению с другими годами¹⁷. Уничтожение или форсированное уменьшение посевных площадей мака не уменьшает возделывание мака. Афганские фермеры выращивают мак по соображениям безопасности, как физической, так и экономической. Когда условия становятся тяжелыми и небезопасными, производство опиума кажется единственной альтернативой для фермеров в сельской местности для получения кредитов, услуг, доступа к рынку и землям¹⁸.

Опиум – это едва ли культурное производство. Более того, это хорошо организованная индустрия. Согласно данным Управления ООН по борьбе с наркоманией и преступностью, 14% населения Афганистана вносят свой вклад в возделывание мака, создавая 20-30% объема экспорта по отношению ко всему опию, производимому в Афганистане. Эти факты не отражают того, что большое количество людей, участвующих в этом бизнесе, работают напрямую на различные отрасли экономики, основанной на наркотиках, а не только на выращивание мака. Большинство людей зарабатывают на жизнь косвенным дополнительным трудом, который соответствует потребностям нарко-индустрии, например, строительство, торговля, ремонт, равно как сфера питания и гостиничного обслуживания¹⁹.

3. Каково альтернативное развитие для Афганистана?

Проекты альтернативного получения средств к существованию обычно основаны на общих представлениях. Эти проекты нацелены на создание сомнительного развития, “развития в наркотической окружающей среде”²⁰. Проекты альтернативного получения средств к существованию или альтернативного развития, пытающегося бороться с экономикой, основанной на наркотиках, в теории являются обещанием иностранной помощи, которая используется как инструмент при переговорах по уменьшению возделывания мака. В данном случае успех измеряется не с точки зрения устойчивых изменений и улучшений условий жизни для сельского населения, но в уменьшении количества гектаров, вместо уменьшения зависимости от опиоидного мака как средства получения доходов и имущества. Данный подход к помощи в развитии расценивается скорее как средство компенсации, нежели инструмент воспитания и укрепления надлежащего благосостояния бедного сельского населения²¹.

В рамках государственной программы бывшего министра финансов Ашрафа Гани «Обеспечение будущего Афганистана» (ОБА) в 2004 г. проводилось исследование эффекта уничтожения маковых посевов. Результаты оценки выявили, что уничтожение экономики, основанной на наркотиках, возможно в течение 15 лет, без ухудшения условий жизни, при уровне роста легитимной экономики 9% в год. Сам по себе уровень роста не облегчит шока, так как потеря опиоидного производства не может преодолеть такой же тип роста в тех же областях социальных групп. Следовательно, требуется политика секторов и перераспределения. Временная стратегия национального развития Афганистана соответствует этой цели. Однако дальнейших шагов по интеграции этой цели в борьбу против наркотиков с макроэкономическим планированием не было сделано. Вместо этого компоненты развития были ограничены до

[17] см. Дэвид Мэнсфилд, «Управление водными ресурсами, животноводство, а также Опиум Экономика», AREU Case Study Series, 2006, стр. 28. <http://www.areu.org.af/Uploads/EditionPdfs/618E-Opium%20Cultivation%20in%20Kunduz%20and%20Balkh%20CS%20web.pdf>

[18] см. Рубин, Барнетт Р. & Sherman, Джейк 2008, по борьбе с наркотиками по стабилизации Афганистана: Ложное обещание ликвидации растениеводства. Центр международного сотрудничества, Нью-Йорк университета. С. 27-28. <http://www.cic.nyu.edu/afghanistan/docs/counternarcoticsfinal.pdf>

[19] см. Там же стр. 28.

[20] см. Там же.

[21] см. Мэнсфилд, Д. и Болл, А. 2005: альтернативные средства к существованию: вещество или лозунг? AREU Справочный документ. стр. 2. <http://areu.org.af/Uploads/EditionPdfs/524E-Substance%20or%20Slogan%20BP.pdf>

малоформатного сельского развития. На встрече с офицерами Агентства по контролю за применением законов о наркотиках фермеры из Хемланда потребовали от государства субсидий для производства хлопка в качестве стимула для смены выращивания мака на хлопок. Даже если хлопок неконкурентоспособен, Ашрафа Гани считает, что текстильная индустрия может быть выгодной. Фиксированная доля Афганистана на текстильном рынке, комбинированная с инвестициями в простое производство, может поднять шансы по возможностям трудоустройства в Афганистане. По словам Ашрафа Гани, бренд “Сделано в Афганистане” или “Сделано в Афганистане афганскими женщинами” мог бы компенсировать повышенную стоимость производства и транспортировки²².

Предложения по альтернативным проектам для устойчивого экономического развития и уменьшения «маковой» экономики в Афганистане

В определённых академических кругах бытует мнение, что проблемы Афганистана с наркотиками вместе с уничтожением посевов опийного мака и возможной легализацией опийного производства могут быть решены²³. Представляется, что следующие концепции регионального сотрудничества и устойчивого экономического развития могут в дальнейшем быть обсуждены в соответствующих академических кругах и институтах, занимающихся разработками политики помощи.

Концепция комплексного развития

Комплексное развитие содержит в себе региональный рамочный подход с мерами политик развития для реципиента помощи и экономически зависимого сотрудничества между соседними странами, одна из которых богата на ресурсы, а другая бедна ими. Это сотрудничество способствует экономическому развитию путем ресурсозависимой индустриализации пограничных областей в стране, перегруженной конфликтами и, более того, дает возможность относительно стабильной свободной стране и международным донорам навязывать свои интересы в отношении политик безопасности и экономики. Концепция комплексного развития не требует большого количества теоретических выкладок и практических примеров из различных регионов. Если взять пример Афганистана и его соседних стран, богатых на ресурсы, таких как Узбекистан и Туркменистан, эта концепция могла бы быть применена здесь в теории.

Ресурсозависимая индустриализация северных провинций Афганистана

В стабильных северных провинциях Афганистана, таких как Балх, Джаузджан и Фарьяб, было бы возможным создание небольших и средних фабрик, которые могли бы импортировать свое сырье из соседних центральноазиатских стран, богатых на ресурсы. Какие виды сырья подходят для устойчивого развития северного Афганистана. Например, хлопок и его компоненты, такие как семена и стебли. С помощью фабрик среднего размера можно расширить местную текстильную индустрию, для того, чтобы обрабатывать хлопок в северном Афганистане. Малые предприятия могли бы производить масло для жарки, мыло из семян хлопка, а также фураж, богатый протеинами, из хлопкового жмыха. Стебли хлопка могут служить альтернативным материалом для производства фанеры, оптимального строительного материала для региона.

[22] см. Там же . стр. 5 .

[23] см. Там же . стр. 35 .

К примеру, хлопковые фабрики уже существуют в провинциях Балх и Кундуз, они производят масло и фураж вдобавок к хлопковой ткани. Компания, расположенная в Балхе, работает под эгидой „Северо-афганский проект по развитию хлопкового и масляного производства“ (NARCOD), совместного предприятия между группой DAGRIS, Французским агентством развития и афганским правительством²⁴. Но у этой фабрики есть множество проблем: старое оборудование, произведенное в Германии и Советском Союзе в 1940 и 1960 годах, нехватка опытных специалистов (многие из них обучались в Советском Союзе), непостоянное энергоснабжение, отсутствие систем контроля качества и отсутствие самого хлопка, который фермеры продают не напрямую на фабрику, а в основном на черном рынке по более высоким ценам²⁵. Эти барьеры для развития следует убрать посредством тесного партнерства с соседними центральноазиатскими странами, западными донорами и Россией. Кроме того, вышеупомянутые провинции соединены с соседними центральноазиатскими странами. Они имеют легкий транспортный доступ к России, Восточной Европе и региону Персидского залива, также они соединены с Казахстаном, Ираном и Каспийским морем. Узбекистан уже построил железнодорожную линию до Мазари-Шарифа (провинция Балх), а Туркменистан планирует строительство железнодорожных линий до приграничных районов афганских провинций Джаузджан и Фарьяб²⁶.

Сырье из Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, промышленные сооружения за счет поддержки развития от Запада и России

Интеграция северных стран-соседей Афганистана, таких как Узбекистан и Туркменистан, в сотрудничество для развития, ориентированное на экономику и экспорт, могло бы не только оптимизировать импорт сырья, но также улучшить северные коридоры экспорта из Афганистана. Однако остается вопрос — кто же может софинансировать сотрудничество по установке таких промышленных сооружений для обработки хлопка и его компонентов в Афганистане? Более того, какая региональная сила может способствовать уничтожению, противостоять распространению и потреблению наркотиков из Афганистана? Россия? За время поддержки развития от Советского Союза, в 1960 и 1970 годах были построены 142 промышленных сооружения. Россия до сих пор может снабжать их запасными частями. Россия может сотрудничать с западными проектами развития для “ресурсозависимой индустриализации” северного Афганистана и вносить свой вклад в сокращение производства опиума в Афганистане. То же самое можно сказать о Казахстане. Страна знаменита в регионе своим экспортом пшеницы. Пшеница из Казахстана может также вносить вклад в индустриализацию северного Афганистана путем производства макаронных изделий и другой продукции для внутреннего потребления и целей экспорта.

Значительная роль западных доноров до некоторых пределов заключается в участии при помощи целевых финансовых ресурсов, мониторинге и консалтинге афганских бизнесменов при покупке промышленных сооружений для небольших и средних компаний. Доноры также могли бы поддерживать производство товаров, равно как и их продажу или экспорт, — чтобы усилить сотрудничество в регионе, способствующее комплексному развитию. Более того, западная поддержка развития может интегрировать российские транзитные

[24] см. Maab, Citha D. 2010:35, Кифер П. & Лоуза, N (ред.) 2010: 335, Фелбаб - Браун, Ванда 2010 : с.180.

[25] см. Parto S., Патерсон А. & Карими А. 2007. Включение или отключение ? Операционная среда для малых и средних предприятий в сельских районах Афганистана. Афганистан исследования и оценки , Серия рабочих документов . стр. 9 . [http://www.arei.org.af/Uploads/EditionPdfs/720E-Enabling % 20or % 20Disabling -WP- web.pdf](http://www.arei.org.af/Uploads/EditionPdfs/720E-Enabling%20or%20Disabling-WP- web.pdf)

[26] см. Там же.

пути и инфраструктуру, способствуя более тесному сотрудничеству предпринимателей из Центральной Азии и Афганистана.

Что делать с продукцией, произведенной в Афганистане?

Благодаря местной продукции, в частности продуктам питания, высокие цены в Афганистане могут частично снизиться, спрос на местном рынке может быть удовлетворен. Более того, местные продукты могут закупаться благотворительными организациями для гуманитарной помощи. Материалы, предназначенные для строительства, могут использоваться как для Афганистана, так и для региональных проектов развития. Например, можно основать «Магазины Мира» (Peace Shops), чтобы вывести афганскую текстильную продукцию на рынки стран, участвующих в проекте, или на рынки других развивающихся стран с лейблом „Сделано для мира в Афганистане“²⁷.

Концепция комплексного развития тесно соединяет Афганистан с северными соседями и вносит большой вклад в поиск решения проблем, связанных с социоэкономической обстановкой и безопасностью. Западные проекты могут соединить эти региональные потенциалы развития в общей борьбе за ослабление экономики, основанной на наркотиках. Это станет краеугольным камнем сотрудничества между западными, российскими, центральноазиатскими и афганскими компаниями. Экономические проекты комплексного развития также способствуют миграции фермеров, особенно из южных и западных провинций, и нарушат их участие в сельскохозяйственном производстве опия.

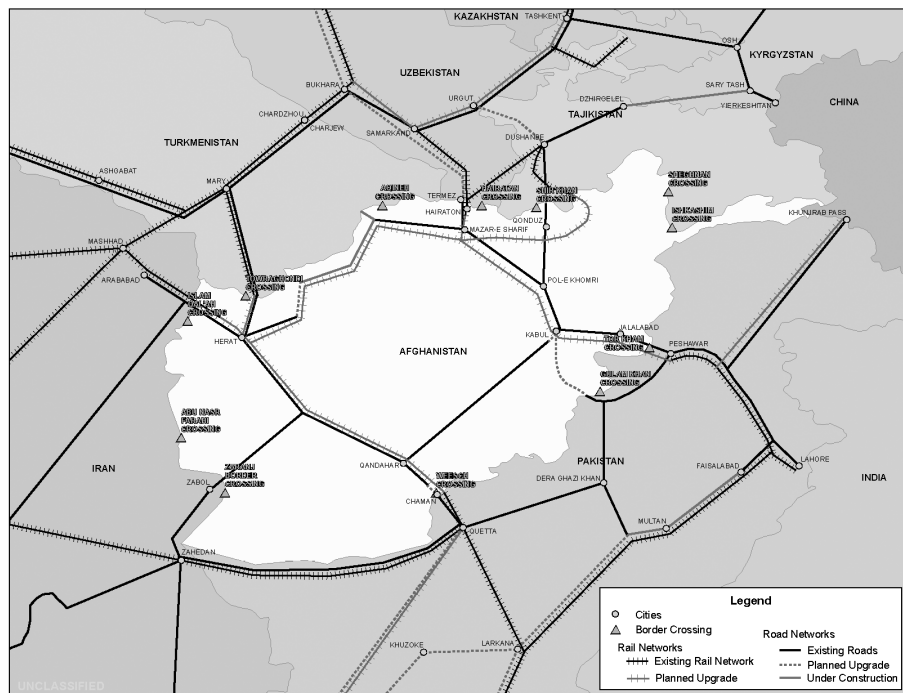
Проекты, сходные в теории, включают в себя целую сеть проектов с местным производством сырья из соседних стран, и их осуществление запланировано в западных и северных приграничных районах Афганистана. В 2013 г. частные компании, такие как ANSAR и KINGSTON, сфокусированные на доставке топлива на афганский рынок, планируют основать два небольших предприятия по переработке нефти. Эксперты разделяют мнение, что эти компании смогут перерабатывать афганскую нефть в ближайшем будущем. Одна из компаний будет расположена в провинции Герат. Другая – ближе к границе с Узбекистаном, в северном городе Хайратон. Для начала эти компании будут отвечать за переработку нефти из России и Казахстана. Далее, эти компании будут перерабатывать афганскую нефть. Они будут сфокусированы на производстве бензина и газойля. Китайская компания CNPC начала добычу нефти в Афганистане, т. е. в северной провинции Сари Пул, возле реки Амударья. Это также означает, что перерабатывающие компании могут получать сырую нефть от китайской компании²⁸.

Как эксперты, так и ученые придают большое значение строительству инфраструктуры в Афганистане. Например, они заявляют, что новые дороги, железнодорожные сети, сети электроснабжения и газопроводы должны тесно связывать страну с соседними государствами²⁹.

[27] Толо Новости , Строительство железной дороги Aqina – Andkhoi . <http://tolonews.com/en/business/3597-construction-of-aqina-andkhoi>

[28] см. Там же

[29] Старр , С. Фредерик & Качинс, Эндрю С. 2010 , ключ к успеху в Афганистане. Современный Шелковый путь. Стратегии . май 2010, стр. 10 . <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/silkroadpapers/1005Afghan.pdf>

Карта: дороги и железнодорожные пути, существующие и планируемые, соединяющиеся в "Афганский узел"³⁰.

Инициатива СЦРЦА

Инициатива СЦРЦА могла бы стать региональной или международной концепцией для укрепления экономики через политику развития. Инициатива СЦРЦА тесно работает с американскими и европейскими проектами развития. Цель состоит в соединении потенциалов для развития в центральноазиатских странах (таких как Казахстан, Узбекистан и Туркменистан) с потенциалами в Афганистане, для того чтобы поддержать связанное развитие устойчивой экономики в регионе. Эта инициатива фокусируется на трансграничной сети распределения ресурсов, знаний и технологий. Инициатива СЦРЦА поддерживает организации развития из Америки и Европы при разработке планов, идей и концепций, а также при координации и осуществлении проектов, поддерживающих такой вид сетевого сотрудничества между Афганистаном и центральноазиатскими странами. Основной фокус данной инициативы лежит в интеграции европейских и американских компаний в Казахстане³¹, Узбекистане и Туркменистане. Это также включает другие виды деятельности, такие как обучение для бизнесменов и рабочих в региональных проектах. Целью данных проектов является основание ряда совместных предприятий между западными, афганскими и центральноазиатскими компаниями. Это может быть осуществлено с помощью благотворительных организаций и региональных спонсоров (министерство промышленности, экономического развития и коммерции, ответственные органы и палаты торговли и коммерции).

Рассмотрим сегодняшнюю ситуацию в Афганистане, в которой афганские предприятия или бизнесмены работают в нестабильных и небезопасных условиях. У них есть лишь небольшие шансы и потенциал создания совместных предприятий с западными или даже соседними центральноазиатскими странами. Поэтому обязателен региональный

[30] см. Там же . стр. 38 .

[31] Казахстан является оптимальным государством для проектов развития на основе совместной деятельности . Страна имеет выгодное расположение и хороший доступ к рынкам в Китае, России , ЕС и (через Каспийское море) в гольфстриме. <http://www.kfw.de/kfw/de/Entwicklungsfinanzierung/index.jsp>

фокус с международно-поддерживаемым подходом к устойчивому развитию экономики Афганистана. Предпринимательский потенциал и капитал используются маргинально, из-за экономической и политической нестабильности в Афганистане. Центральноеазиатские предприятия имеют проблемы с экспортом производимых товаров на международные рынки. Западные компании демонстрируют тенденции осторожного сотрудничества в Центральной Азии. Тем не менее, они хотели бы получать выгоды от экономического развития в этом регионе и открытие для себя новых рынков.

Преимуществом данной инициативы по отношению к политике развития является устойчивое сотрудничество в экономике, основанное на учреждении совместных предприятий между афганскими предпринимателями и их западными и центральноеазиатскими партнерами в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане. Эти трехсторонние совместные предприятия могут получать промышленное оборудование от стран Запада и России и экспортировать свои товары в соседние и партнерские страны. Немецкие компании, такие как Банк развития KfW и DEG (Немецкая ассоциация инвестиций и развития), поддерживающие проекты развития и частные экономические инициативы для достижения устойчивого прогресса, — в развивающихся и трансформирующихся. Потенциальные совместные предприятия в Центральной Азии могли бы финансироваться этими немецкими компаниями, чтобы получать свое промышленное оборудование и экономические проекты. В результате успешного сотрудничества афганские бизнесмены могли бы реинвестировать свои доходы в местные проекты в Афганистане. Таким образом, это могло бы улучшить социально-экономическую ситуацию в Афганистане после возможного спада иностранной помощи после 2014 г. Одним из наиболее важных требований для афганских бизнесменов, изъявляющих желание участвовать в инициативе СЦРЦА, является реинвестирование 20 % прибыли компаний в развитие, реконструкцию или социальные проекты в Афганистане, для обеспечения устойчивости данных местных проектов. Афганские бизнесмены частично берут на себя ответственность за проекты развития в их собственной стране. Соответственно, они будут ответственны за эти проекты, что позволит странам, служащим донорами для Афганистана, уменьшить бюджеты, отведенные для помощи. Эти так называемые совместные предприятия также будут поддерживать международные организации в регионе. Вдобавок они будут предлагать товары, продукты по сниженным ценам для гуманитарной помощи и проектов развития, в особенности в период суровых зим. Таким образом, западные компании и их промышленное оборудование завоюют плацдарм на региональном рынке.

Одним из преимуществ инициативы СЦРЦА могло бы стать открытие новых рынков для экспорта товаров из Казахстана в Китай, Россию и другие страны Центральной Азии, Восточной Европы и страны Персидского залива. Требуется практический обмен экспертными мнениями и опытом через покупку промышленного оборудования и укрепление деловых контактов. Для политической и экономической поддержки было бы удобнее вовлекать лиц, принимающих решения, из стран-участников, чтобы устанавливать и реализовывать тесное сотрудничество для устойчивого экономического развития Афганистана. Продажа производимых товаров для гуманитарных целей будет маргинальной, но безопасной прибылью, это маяк надежды для компаний, участвующих в этом регионе. Продажа потенциальным покупателям товаров с лейблом “Сделано для мира в Афганистане” или “Купите для мира в Афганистане” является многообещающей, так как эти продукты могли бы реализовываться по всему миру афганскими диаспорами для поддержания мира и солидарности.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОТ УГРОЗ ТЕРРОРИЗМА

ГЕОРГИЙ ДУБОВЦЕВ

Кандидат военных наук, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, профессор кафедры стратегии Национального университета обороны [Алматы, Казахстан]

Действия террористических организаций в последнее десятилетие доставляют немало забот мировому сообществу. От их деструктивной деятельности в настоящее время также не застраховано практически ни одно государство Центрально-Азиатского региона, в том числе и Казахстан. Поэтому в ходе совещания с руководителями правоохранительных органов в январе 2013 г. Президент страны Н.А. Назарбаев потребовал серьезно усилить борьбу с проявлениями терроризма и экстремизма. По его поручению осуществляется разработка государственной программы по противодействию экстремизму и терроризму. Как отметил Глава государства, главный критерий эффективности антитеррористической деятельности – отсутствие терактов.

Если раньше терроризм воспринимался в основном как разновидность политического насилия, применяемого в ограниченном масштабе, и являлся объектом уголовного расследования и других мероприятий в рамках уголовно-процессуальной системы, то в последнее время он стал рассматриваться как военная угроза, специфическая форма насилия, которое может осуществляться практически неограниченно и требует применения военной силы против террористических группировок.

Именно по этой причине в качестве одной из основных внешних угроз военной безопасности нашего государства Военной доктриной, утвержденной в октябре 2011 г., определен международный терроризм. А в качестве внутренней угрозы доктрина рассматривает противоправную деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, которая направлена на нарушение единства и территориальной целостности страны, дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в ней. Все это обуславливает необходимость совершенствования военно-политической деятельности, направленной на борьбу с терроризмом.

Выполняя интегрирующую роль в системе военной политики государства, военно-политическая деятельность призвана направлять усилия всех ее субъектов на эффективное противодействие внешним и внутренним угрозам военной безопасности, в том числе со стороны террористических сил.

Многими экспертами прогнозируется рост террористической активности в нашем регионе в связи с предстоящим выводом международных войск

из Афганистана. Этому может способствовать также заинтересованность внешних сил и некоторых государств в дестабилизации внутри-политической ситуации в странах региона. Наглядным примером являются сценарии «арабских революций».

В не меньшей степени этому способствует наличие ряда внутренних факторов в странах региона, в числе которых:

- несоответствие между провозглашенными демократическими принципами и реальной практикой государственного управления;
- рост отчужденности между криминализованной политической элитой и гражданским пассивным населением;
- снижение культурно-образовательного уровня и маргинализация определенной части населения;
- возможность обострения межнациональных и межконфессиональных противоречий на почве действительного или мнимого ущемления прав отдельных этносов и конфессий;
- распространение сепаратистских настроений и тенденций, порожденных прошлыми и настоящими ошибками политического руководства;
- недостаточная эффективность деятельности правоохранительных органов, неадекватность профессионализма их сотрудников уровню террористических и криминальных угроз;
- высокий уровень коррупции среди чиновничества и в правоохранительных органах, борьба с которой пока не приносит ощутимых результатов во всех странах региона;
- неконтролируемость миграционных потоков на фоне недостаточно эффективной охраны государственных границ;
- процессы деформации правосознания, правовой нигилизм части населения, а также наличие серьезных проблем в системе организации духовно-нравственного воспитания молодежи;
- организованная преступность, рост ее экономической и финансовой мощи, а также вооруженного потенциала.

В свою очередь, транснациональная организованная преступность создает питательную почву для деятельности различных террористических структур на территории региона.

Особую опасность практически для всех стран региона в современных условиях представляют террористические и экстремистские организации, созданные на религиозной основе. Субъективное толкование религии превращает стандарты поведения их членов в жестокие стереотипы.

Многие эксперты отмечают в качестве отличительных черт современного терроризма сближение военных и террористических форм насильственных действий, а также сетевой тип организации, при котором невозможно выделить организационный центр. Такой центр в террористической сети существует, как правило, только в идейно-политическом и иногда – в финансовом смысле. Оперативно и организационно в такой сети фактически отсутствует вертикальная иерархия. И отсутствие иерархической подчиненности отдельных группировок придает дополнительную гибкость и устойчивость террористической сети.

Мы являемся свидетелями того, что современные террористы вызывающе демонстрируют презрение в отношении общепринятых норм морали и нравственности. Их действия по своей жестокости стоят на одном уровне и даже превосходят преступления, совершенные в ходе военных конфликтов против гражданского населения. Стремясь нанести как можно больший урон, убить как можно больше ни в чем не повинных людей, террористы пытаются запугать власти и население, заставить пойти на уступки и выполнить их требования.

Наличие людей, для которых терроризм является единственным средством достижения целей, объясняется психологическими корнями. Понимание психологии религиозных террористов может прийти на примере изучения традиций шахидизма, особенно сильных в шиитском исламском пространстве. Например, в период ирано-иракского конфликта иранское командование отправляло семьям погибших извещения о мученическом самопожертвовании солдат в форме поздравления. На Ближнем Востоке и даже на Северном Кавказе совершение террористических актов шахидами зачастую является предметом семейной гордости. Для развенчания такой человеконенавистнической идеологии необходимо проведение грамотно спланированной и четко организованной работы государственных и правоохранительных органов, религиозных и общественных объединений. В зоне особого внимания, безусловно, должна быть молодежь, из рядов которой в первую очередь рекрутируются потенциальные террористы.

Несмотря на официально выражаемую многими странами поддержку усилиям, предпринимаемым мировым сообществом для противодействия международному терроризму, подобные заявления нередко расходятся с реальными действиями, явно или скрытно предпринимаемыми ими для реализации своих геополитических устремлений. Так эмиссары из стран Ближнего Востока активно и целенаправленно организуют свою деятельность по распространению идей ваххабизма в странах Центральной Азии, пользуются определенным влиянием и имеют своих приверженцев и на территории Казахстана.

Пока в нашей стране проявления терроризма и экстремизма не так масштабны. Но вызывает тревогу интерес к нашему государству со стороны зарубежных террористических и экстремистских организаций, миссионеров конфессий радикального толка, а также различных тоталитарных сект, которые пытаются создать у нас свои структурные звенья. В ходе международной конференции по вопросам противодействия терроризму, проходившей в Мажилисе Парламента РК в ноябре 2012 г., отмечалось, что зарубежные террористические организации предпринимают целенаправленные шаги по закреплению своего влияния в Центральной Азии, в том числе и в Казахстане. Эмиссары террористических структур занимаются вербовкой казахстанских граждан для участия в боевых действиях за рубежом, посредством Интернета и лично распространяют свои идеи среди нашего населения. Показательным примером тому является многолетняя деятельность экстремистской организации Исмагуллы Абдугаппара. Несмотря на осуждение в 2011 г. духовного наставника организации и нескольких наиболее активных ее членов, практически во всех регионах страны остались многочисленные приверженцы и последователи Абдугаппара. И нельзя исключать вероятности их активизации в будущем.

Поэтому организация противодействия экстремизму требует разумного сочетания силовых методов с мерами идеологического, социально-экономического характера, чтобы избежать излишней радикализации части общества из-за применения уголовно-правовых мер, зачастую воспринимаемых как репрессивные.

Экстремизм вырастает из крайностей восприятия явлений общественной жизни, а терроризм рождается из крайностей экстремизма. Невозможно эффективно бороться с экстремистами, не зная их замыслов, не отслеживая процессы, происходящие внутри организаций. Для этого должны использоваться компетентные источники информации и осуществляться специальные оперативно-розыскные мероприятия.

Терроризм сам по себе не в состоянии достичь многого, но он может запустить механизм более сложного и разрушительного социального явления, которое называется войной. Наглядным примером тому могут служить события, связанные со второй чеченской кампанией, когда после взрывов жилых домов в Москве и других городах России, а также вторжения чеченских боевиков на территорию Дагестана началась контртеррористическая операция, по сути являющаяся войной.

Такая же логика событий прослеживается после 11 сентября 2001 года, когда США и их союзники приступили к решительным действиям против движения «Аль-Каида» и поддерживающих его талибов, в результате которых был запущен механизм войны в Афганистане.

В целом вопрос о применении военной силы в борьбе с терроризмом и экстремизмом является наиболее сложным и вызывающим многие споры.

Если раньше терроризм рассматривался как уголовное преступление и для борьбы с ним привлекались главным образом правоохранительные органы и спецслужбы, то в последнее время превращение его в военную угрозу потребовало привлечения к контртеррористической борьбе вооруженных сил и других воинских формирований. Участие в такой борьбе вооруженных сил требует четкого законодательного регулирования как по вопросам применения вооружения и военной техники, так и по социальным гарантиям военнослужащим, которые в условиях мирного времени выполняют практически боевые задачи.

По своей сути мероприятия вооруженных сил в борьбе с терроризмом заключаются в предотвращении, а если этого сделать не удалось, то в ликвидации последствий террористических актов, а также в уничтожении тех сил, которые повинны в совершении подобного преступления. Кроме того, вооруженные силы могут оказывать помощь правоохранительным органам в борьбе с террористическими организациями и преступными сообществами, которые поддерживают терроризм.

К числу таких мероприятий относятся:

- проведение защитных мероприятий для снижения уязвимости гражданского населения, территории, инфраструктуры, систем обработки информации и связи (антитеррор);
- проведение мер наступательного характера по выявлению, предотвращению, упреждению и пресечению террористической деятельности (контртеррор);
- проведение мер по минимизации последствий террористических актов и стабилизации ситуации после них, оказание помощи гражданским властям (преодоление последствий);
- миротворческая деятельность в зонах конфликтов для недопущения возникновения террористических сил и их распространения (миротворчество);
- осуществление военной блокады террористических сил, имеющих территориальную обособленность (блокада);
- военная поддержка правоохранительных органов при пресечении уголовных преступлений, связанных с транзитом и незаконным оборотом наркотических средств, оружия, незаконной миграцией, защитой границ от проникновения в страну незаконных вооруженных формирований и террористических групп (обеспечение безопасности);
- защита и предотвращение возможности утечки из вооруженных сил, других войск и воинских формирований оружия, боеприпасов и других материально-технических средств военного назначения (охранные функции);
- совместная подготовка военных кадров для ведения антитеррористической и контртеррористической борьбы (сотрудничество).

Все это расширяет рамки использования вооруженных сил и требует поиска новых форм координации деятельности с другими государствами в военно-политической области, совершенствования единого правового пространства и создания стройной межгосударственной системы борьбы с терроризмом и экстремизмом. Совместные действия государств в этой области должны быть в большей степени ориентированы на предупреждение террористических и диверсионных актов. А регулярное проведение совместных антитеррористических учений, командно-штабных тренировок с участием представителей компетентных органов является одной из действенных превентивных мер.

Например, с 2003 года на регулярной основе проводятся антитеррористические учения воинских формирований стран-членов ШОС под кодовым наименованием «Мирная миссия». Контртеррористические вопросы отрабатываются в ходе ежегодных совместных учений Коалиционных сил ОДКБ. С 2001 года стало практикой проведение совместных учений по вопросам борьбы с терроризмом государствами-участниками СНГ. В 2012 году такое учение «Дон-Антитеррор-2012» было проведено при координирующей роли АТЦ СНГ на территории Казахстана, России и Украины. В ходе проведения подобных мероприятий приобретает практический опыт взаимодействия правоохранительных органов, спецслужб и воинских подразделений в ведении борьбы с террористическими формированиями, применяющими повстанческо-партизанскую тактику.

По мнению экспертов, в рамках международного сотрудничества и для совершенствования военно-политической деятельности в области борьбы с терроризмом необходимо решение ряда проблем, среди которых:

- политика двойных стандартов, проводимая некоторыми государствами в отношении террористов;
- невыполнение некоторыми государствами международных договоров по противодействию терроризму;
- противоречия в международном праве:
 - а) между правом наций на самоопределение и принципом территориальной целостности государства;
 - б) между принципом суверенитета и необходимостью принятия силовых мер в отношении террористических организаций и их спонсоров;
- несоответствие концепции нанесения превентивных ударов по террористическим организациям нормам международного права;
- наличие политических, экономических, религиозных и иных противоречий между государствами и союзами государств;
- игнорирование некоторыми странами роли ООН и других международных организаций;
- противодействие принятию проектов Конвенции о борьбе с ядерным терроризмом и Всеобъемлющей конвенции о борьбе с терроризмом.

Военные угрозы, которые несет в себе терроризм, а также сложные социально-политические процессы, экономические трудности и ограниченные возможности центральноазиатских государств в области обеспечения собственной безопасности требуют более решительного объединения их усилий и формирования действенной системы борьбы с терроризмом и экстремизмом с использованием потенциала ОДКБ, ШОС, других международных организаций, а также заинтересованных мировых держав. Именно эта задача выходит на первый план в сфере военно-политического сотрудничества Республики Казахстан с другими государствами.

ТРАДИЦИОННЫЙ ИСЛАМ И РАДИКАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСЛАМА: В ЧЕМ РАЗНИЦА?

МУРАТ МУХАМЕДЖАН

Преподаватель истории при Гуманитарно-педагогическом департаменте академии «Кокше», член Института Мира, конфликтов и медиации (Кокшетау, Казахстан)

Эта тема довольно сложна, неоднозначна и полна противоречивых мнений. На сегодняшний день наши специалисты так и не определились, какая из интерпретаций ислама является «традиционной» для Казахстана. «Сложный характер развития ислама, значительные различия в интерпретации мусульманской догматики, наличие всевозможных движений и течений – все это препятствовало выработке однозначных решений, однозначной оценки религии в целом. Достаточно сказать, что даже понятие «народный ислам» до сих пор не нашло полного определения, которое бы в необходимом объеме охватывало это сложное явление»¹. «Радикальному» исламу, согласно государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2013-2017 гг., дана оценка, суть которой заключается в следующем: любая исламская идеология, оправдывающая беспричинное насилие по отношению к обществу, считается радикальной². Не претендуя на абсолютную точность, я все же попытаюсь презентовать: во-первых, традиционный ислам, опираясь на источники, которые считаются «традиционными» у Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК), во-вторых, радикальные интерпретации ислама, опираясь на источники «джихадистов». Это даст возможность сравнить два мнения, найти общее и разное между ними. Необходимо особо акцентировать внимание на таких понятиях, как джихад, шахада, шахид и такфир.

Для точности исследования важно опираться на первоисточники, как говорят на Востоке, «хозяин дома лучше знает, что у него в доме». А читателю останется лишь беспристрастно прокомментировать полученные результаты.

Многие исследователи данной темы, пытаясь понять феномен агрессивных форм ислама, рассматривают только салафизм¹, как основную причину радикализма. Думаю, надо «зреть в корень», копать в сути проблемы, тогда мы поймем весь этот накал страстей. Разделение ислама на радикальную и традиционную формы произошло сразу после смерти пророка Мухаммеда, т. е. в раннюю эпоху Халифата, и имеет только политическую подоплеку. Поэтому одни и те же группы могут быть и умеренными и радикальными. Все зависит от того, как относятся к правителям.

[1] Джалилов З.Г. Ислам и общество в современном Казахстане. — Алматы, 2006. — С. 7-8.

[2] Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2013-2017 гг.// Государство и религия. 2013. — 3(26). — С. 39-49.

Немного истории

Вопрос легитимности власти не был окончательно разрешен в исламе и привел к разделению мусульман. Это вызвало глубокие политические передраги. Захвативший престол объявлял себя халифом, назначал придворных богословов, издавал законы и устанавливал «традиционную религию» для населения. Так это было при омеядских халифах: четвертый халиф Али не считался «праведным» (с 661 по 717). Но с 717 г. он был уже признан все-таки праведным, и эта догма о «четырех праведных халифах» (Абу Бакре, Омаре, Османе, Али) по сей день считается традиционной в суннизме². При аббасидском халифе аль-Мамуне (813-834) мутазилизм³ стал традиционным, а асаризм (ранний салафизм) стал считаться радикальным. С 847 г. при аль-Мутаваккиле мутазилиты подвергаются гонениям, а асаризм (в лице Ахмада ибн Ханбалия, а потом и аль-Ашари и его книг «аль-Ибана», «Макалат аль-Исламиин») признается традиционным. Последний аббасидский халиф аль-Мутаваккиль III был пленён османами, а после его кончины турки не разрешили избрать преемника и в 1543 г. титул халифа перекочевал к османам. Тюрки-османы объявили матуридизм⁴ (близкий к позднему ашаризму⁵) традиционным богословием, а их оппоненты, тюрки-сефевиды, сразу поддержали шиизм⁶. Асаризм же стал оплотом для арабов, оппозиционно настроенных к вышеперечисленным оккупантам, и, как следовало ожидать, считался радикальной идеологией (но после полного отделения Аравии от Турции в начале XX в. асаризм опять стал традиционным в этом регионе). И так далее...

Арабские войска, которые в 751 г. одержали верх над китайскими войсками в Таласской долине, принесли мусульманское вероучение в Казахстан. Оно не было однородным, как показывают исторические данные, Средняя Азия, находящаяся на периферии халифата, была местом, куда стекались различные оппозиционные движения. Достаточно упомянуть выходца из Самарканда Джахма ибн Сафвана – идеолога джахмизма и ярого противника омейядов, а также выходца из Хорасана Абу Муслима — прошиитского военачальника, свергнувшего омейядов. «Информацию о том, что кайсанийя-мубаййидийа⁷, прибыв в VIII-X веках в Туркестан, принесли крупные политические и духовные изменения, можно найти в версиях «Насаб-намы». Кроме того, там же содержатся сведения о распространении среди тюрков учений шафийийа⁸, исмаилийа⁹ ...все эти течения являются духовными пластами, которые сформировали религиозно-философские взгляды тюркских народов. Корни братства Ходжи Ахмеда Ясави лежат в этих духовных пластах»³.

На пороге XXI века

На пороге XXI века, после многих лет воинствующего атеизма, Казахстан обрел независимость. Культурное прошлое не дало о себе забыть, и уже спустя небольшое время возросло религиозное самосознание населения, а идеологи столкнулись с неразрешенной дилеммой: что является традиционностью для нас?

Согласно Закону РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11 октября 2011 года № 483-IV, «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским государством ...признает историческую роль ислама ханафитского¹⁰ направления...»⁴. Таким образом, официально признается историческая роль ханафитской школы права.

[3] Жандарбек З. «Насаб-нама» нұсқалары және түркі тарихы. — Алматы, 2002. — Б. 13.

[4] <http://adal-kz.info/book/export/html/24>

Духовное управление мусульман Казахстана свою приверженность к определенной школе богословия и права заявило в 2012 г. 14 апреля на VI Курултае: «Устав 1.1. ДУМК является республиканским религиозным объединением граждан Казахстана, которые придерживаются суннитского направления ислама – школы Абу Ханифы... <...> 2.2. ...обеспечивает верное и систематизированное проповедование ислама согласно матуридизму»⁵.

Итак, что мы можем почерпнуть из этого? В стране больше года матуридитско-ханафитская школа де-факто признана за традиционную интерпретацию суннитского ислама. Поэтому в своей статье, приводя мнение традиционалистов, я буду цитировать только эту конфессию.

Матуридитско-ханафитская школа о «джихадае», «шахаде» и «шахиде»

«Джихад – обязателен кифая, т. е. если группа людей исполняет его, то ответственность за него спадает с других. «Сражайтесь все с многобожниками, подобно тому, как они сражаются с вами все» (Коран 9:36) и «Джихад продолжается до судного дня» (Сунан Аби Давуд, 3/40)... Если никто не совершает джихад, то грех за оставление джихада ложится на всех людей... Сражение с неверными обязательно... даже если они не начинали первыми»⁶.

«Если враг нападет на страну, то все люди обязаны защищаться: женщина выходит без разрешения мужа и раб без разрешения хозяина. Потому что джихад становится абсолютно обязательным, как молитва и пост, ведь абсолютная обязанность превышает интересы мужа и хозяина. Если мусульмане, войдя в страну неверных, окружают город либо укрепление, то они призывают (обороняющихся) принять ислам. Если они ответят согласием, война останавливается. Если они откажут, тогда надо призвать их к выплате подушной подати. Если они выплатят ее, тогда они имеют все права, которыми обладают мусульмане... Если же ответят отказом, тогда мусульмане должны начать боевые действия... Также не осуждается обстрел (врагов), если среди них находится мусульманин пленный или торговец. Если же (враг) возьмет в заложники детей мусульман или пленных, то не стоит прекращать обстрел, и надо стрелять по неверным. Потому что враги будут использовать этот метод (живого щита) для прекращения войны против них...»⁷.

В чем заключается мнение матуридитско-ханафитской школы о «шахаде»?

«Мученическая смерть – великая степень. Мусульманина, который отдал свою душу на пути Аллаха, называют шахидом... Есть три вида шахидов: 1) шахид – мусульманин, павший на поле боя, сражаясь с немусульманами, либо защищавший свое имущество, честь, душу... Его не обмывают, исполняют по нему заупокойную молитву и хоронят в одежде; 2) шахид – лицемер, который находясь в рядах мусульман, был убит врагом... Поэтому его также не обмывают, исполняют по нему заупокойную молитву и хоронят в одежде; 3) муртас – мусульманин, погибший иными путями (случайно, из-за ранения в бою спустя некоторое время, утонувший, сгоревший, погибший под завалом, из-за холеры и т. д.)... Его обмывают, надевают саван, исполняют заупокойную молитву и хоронят...»⁸.

[5] <http://e-islam.kz/kz/dumk/view/747>

[6] Б. Аль-Маргинани. Аль-Хидая. – Бейрут, 2003. – С. 424.

[7] А.Аль-Гунейми. Аль-Любаб. – Стамбул, 2004. – С. 115-118.

[8] Бильмен О.Н. Бююкислямилмехали. – Стамбул, 2003. – С. 282-284.

Что касается истишхада/самоподрыва, то мнения здесь расходятся. Турецкий религиовед, специалист по исламскому праву профессор Абдульазиз Баяндыр (род. в 1951 г.) утверждает, что самоподрыв категорично запрещен⁹. Шейх Вахба аз-Зухайли (род. в 1932 г.), специалист по четырем суннитским правовым школам, оправдывая самоподрыв современной необходимостью, считает разрешенным такое действие, но при следующих условиях: уверенность, что враг вот-вот убьет его, разрешение законного правительствa, из-за сильного опасения, с целью отразить агрессию врага¹⁰.

Мнение магуридитско-ханафитской школы о «шахиде» выражено следующим образом: «Любой, кто сражаясь с тремя группами (неверными, бунтарями, разбойниками), будет убит непосредственно врагом или по их причине, будет считаться шахидом/мучеником. Любой, кто будет убит не врагом, не будет считаться шахидом. Такое же мнение приводится в аль-Мухите»¹¹.

«Шахидом его называли потому, что ему обещан рай... Это тот, кого непосредственно убили неверные... либо по их причине, например, если они кинут камни или пустят воду, из-за чего мусульманин погибнет... либо задавят своим транспортом...»¹².

Радикальные интерпретации

Перейдем к радикализму. Радикалами у нас принято считать салафитов-джихадистов. Однако специалисты не имеют единого мнения о салафизме и их классификации. Сотрудник НИИ КНБ РК, доктор исторических наук А. Избаиров в своей диссертации «Нетрадиционные исламские направления в независимых государствах Центральной Азии» (2009) так классифицирует салафитов: 1) крайние радикалы; 2) радикалы, своими действиями представляющие угрозу национальной безопасности; 3) умеренные салафиты, действия которых остаются в рамках чисто теологических споров^{13, 14}.

Итак, что мы можем почерпнуть из этого? В стране больше 3 лет (после первых терактов в 2011 г.) салафиты де-факто признаны за радикальную интерпретацию суннитского ислама. Поэтому в своей статье, приводя мнение радикалов, я буду цитировать только данную группу.

Салафитская школа о «джихадае», «шахаде» и «шахиде»

«Джихад – обязателен согласно кораническому стиху «Вам предписано сражаться» (Коран, 2:216)... Он является обязательным кифая, т. е. если кто-то его совершает, то ответственность спадает с других.... Является обязательным тем, кто имеет пять условий: совершеннолетие, здоровье, свободу, мужской пол, возможность...»¹⁵.

«Ученые разделили джихад против неверных на два вида: защиты и нападения. Джихад защиты обязателен тем, на кого напали враги и необязательно наличие предводителя... Джихад нападения предписан из-за коранического стиха «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха, ни в судный день, кто не считает запретным то, что запретил Аллах и его посланник, кто не следует истинной религии, пока они не станут платить подушную подать собственноручно» (Коран, 9:29), а также пророческие

[9] <http://www.fetva.net/yazili-fetvalar/istishad-eylemeleri-hakkindaki-gorusunuzu-tekrar-gozden-gecirir-misiniz.html>

[10] <http://www.palestine-info.com/arabic/books/alamlyat/alamalyat.htm>

[11] Аль-Фатава аль-Хиндийя. / Под ред. Н.аль-Балхи. 2-я книга, 21-я глава, 7-й раздел «фи аш-Шахид». — С. 169.

[12] А. ат-Тахавий. Хашийатат-Тахавий. — Дамаск, 2001. — С. 281.

[13] <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1308905040>

[14] <http://www.zonakz.net/blogs/user/patriot/17411.html>

[15] А. Ибн Кудамa. Аль-Кафи фи фикх аль-Имам Ахмад. Китаб аль-Джихад, С. 424.

высказывания, указывающие, что джихад является обязательным и будет продолжаться под предводительством праведного или неправедного правителя...»¹⁶.

А вот и мнение салафитской школы на счет «шахады». «Разрешается желать мученическую смерть. Тот, кто искренне желал шахаду, тот может умереть мучеником даже на своей постели. Нет разницы между женщиной и мужчиной в этом... Разница между терминами шахада и шахид в следующем: шахид – это действующее лицо, павший на пути Аллаха, шахада – это отглагольное имя существительное, называющее имя действия, то, что случилось с шахидом...»¹⁷.

Что касается истишхада/самоподрыва, то мнения здесь расходятся. Эк-муфтий Саудии Абдульазиз бин Баз (1910-1999) в «Шариатских фетвах по современным проблемам» на стр. 166 утверждает, что самоподрыв запрещен. Нынешний муфтий Саудии Абдульазиз Аль Шейх (род. в 1943 г.) поддерживает его в этом¹⁸. Шейх Юсуф аль-Кардави (род. в 1926 г.) разрешает самоподрыв в случае крайней необходимости. Шейх Ибн Усеймин (1929-2001) в одной из фетв разрешает, при условии если это принесет большую пользу. Шейх Албани (1914-1999) позволяет при условии, что это будет приказано исламским государством, которым руководит правитель, знающий исламские законы¹⁹.

Что говорит салафитская школа на счет «шахида»? «В достоверном предании говорится, что шахиду простятся все грехи, кроме долгов. Шахид – это тот, кто был убит на пути Аллаха, в состоянии терпения, отдавая себе отчет (искренне), в состоянии нападения (но не бегства)... Что касается того, кто умер из-за ран после битвы, то такого тоже считают шахидом, раз он умер от ран... Да, шахиды делятся на степени. Самая высшая — пасть на поле сражения, далее идут умершие от чумы, от болезней живота, умершие под завалом..., к ним относятся и погибшие при ДТП... Павшего на поле сражения шахида не обмывают и не совершают над ним заупокойную молитву. Остальных обмывают и отпевают»²⁰.

«Шахиды бывают двух видов. Первый – это мусульманин, который сражался на пути Аллаха и пал на поле сражения... Его не обмывают, не заворачивают в саван и хоронят в одежде, со следами священной крови... Второй вид – это умерший из-за болезни живота, утонувший, женщина, умершая после родов, <...> они тоже являются мучениками...»²¹.

Разница между обоими взглядами видна в Таблице 1.

**Таблица 1 –
Мнение обеих
школ на
счет войны,
самоподрывов и
мученичества**

Мнение на счет:	Матуридитско-ханафитская школа	Салафитская школа
джихада оборонительного	обязателен и без правителя	обязателен и без правителя
джихада наступательного	обязателен при наличии правителя	обязателен при наличии правителя
шахада (мученичество)	одобряется	одобряется
истишхада (самоподрыв)	нет единого мнения	нет единого мнения
шахида, погибшего в бою	будет в раю	будет в раю
шахида, погибшего не в бою	будет в раю	будет в раю

[16] <http://www.saaidd.net/Doat/assuhaim/b/1.htm>

[17] <http://fatwa.islamweb.net/fatwa/index.php?page=showfatwa&Option=FatwaId&Id=141041>

[18] <http://www.palestine-info.com/arabic/books/alamlyat/alamalyat.htm>

[19] <http://www.palestine-info.com/arabic/books/alamlyat/alamalyat.htm>

[20] <http://www.binbaz.org.sa/mat/11733>

[21] <http://kulalsalafiyen.com/vb/showthread.php?t=34949>

Согласно распространенному мнению в СНГ, «традиционный ислам более демократичен и ему чужд джихадизм, а вот салафизм...». Но из таблицы мы видим, что это далеко не так, как хотелось бы видеть сторонникам данной гипотезы. Наоборот, мы видим полную идентичность рассматриваемых школ. Ханафиты, постоянно занимавшие посты верховных шариатских судей с VIII по XX вв., написали много о легитимности наступательного джихада по приказу правителей тех времен. Поэтому салафиты современности, объясняя скрупулезные вопросы джихада, вынуждены обращаться к ханафитским трудам, т. к. не имеют столь «бурного» прошлого. Отталкиваясь от этого, можно прийти к выводу, что умеренность или крайность зависят не столько от идеологии, а сколько от политического ситуации в стране. Для примера рассмотрим следующую таблицу и постараемся сравнить «гибкость» ханафитов и салафитов.

Страна	Поддерживаемая традиционная школа	Отношение к наступательному джихаду	Испытывает ли страна иностранную агрессию?
Турецкая Республика	матуридитско-ханафитская школа	отрицательное	нет
Исламский Эмират Афганистан (1996-2001)	матуридитско-ханафитская школа	положительное	да
Королевство Саудовская Аравия	салафитская школа	отрицательное	нет
Исламское государство Ирака и Шама (с 2006 г.)	салафитская школа	положительное	да

Таблица 2 – Умеренность и радикальность обеих школ на счет джихада

Есть мнение, что «ханафиты миролюбивы, а салафиты...». Но реальное положение вещей говорит нам об обратном. Эти школы, опять-таки, как двойняшки — одинаково реагируют на внутренние и внешние факторы: на приказы правителей и иностранную агрессию.

Так в чем же разница? Мне кажется, что основная разница имеется в вопросах такфира, т. е. обвинении в неверии тех, кто отошел от ислама. Давайте вкратце выясним данное расхождение.

1. Мнение матуридитско-ханафитской школы на счет «вероотступника»:

«Если мусульманин отступит от ислама, ему предлагают принять веру заново, развевают его сомнения и арестовывают на три дня. Если он не принимает ислам, то его казнят... Женщину-вероотступницу не казнят, однако арестовывают пока она не примет ислам...»²². «...Вера – это подтверждение сердцем всего первостепенного, с чем пришел пророк от Бога...человек становится неверующим, если он отрицает обязательность молитвы и запрет на вино... Первостепенное – это...монотеизм, обязательность молитвы, запрет на вино...»²³.

2. Мнение матуридитско-ханафитской школы на счет «оставившего намаз»:

«Большие грехи не выводят верующего из религии... Хариджиты¹¹ же считают грешника неверным, опираясь на буквальное понимание пророческого слова «Кто намеренно бросит молитву, тот совершит

[22] А. Аль-Гунейми. Аль-Люаб. — Стамбул, 2004. — С. 148-149.

[23] А. Аль-Кари. Шарх аль-Фикх аль-Акбар. — Бейрут, 1997. — С.182.

неверие»... Ответ: буквальный смысл этих текстов не принимается из-за имеющихся категоричных доводов в пользу того, что грешник не является неверным»²⁴. Однако упорствующего в оставлении намаза хоть и считают мусульманином-грешником, но арестовывают пока он не вернется к намазу.

3. Мнение матуридитско-ханафитской школы на счет «неисламского правления»:

«Хариджиты же считают грешника неверным, опираясь на буквальное понимание коранического стиха «А кто не судит по тому, что низвел Аллах, то такие неверные» (Коран, 5:44)... Буквальный смысл этих текстов не принимается из-за имеющихся категоричных доводов в пользу того, что грешник не является неверным... Аллах не прощает многобожия... и кому пожелает, то простит малые и большие грехи...»²⁵.

1. Мнение салафитской школы на счет «вероотступника»:

«Если человек считает, что можно совершать грехи, то он впадает в неверие. Потому что считать так приравнивается к отрицанию коранических и пророческих заветов, которые запрещают те действия...»²⁶. Ибн Идрис аль-Бахути в «Шарх Мунтаха аль-Ирадат» сказал (т. 3, с. 386), что вероотступник – это тот, кто совершает неверие словом, сердцем, делом, даже если это он произносит в шутку. «Является обязательным призвать вероотступника и вероотступницу к покаянию в течение трех дней. Если они откажутся возвращаться к исламу, то необходимо их убить в наказание... это мнение ханбалитских правоведов»²⁷.

2. Мнение салафитской школы на счет «оставившего намаз»:

«Ученые имеют разные мнения... Если человек говорит что намаз не обязателен, кто хочет молится, а кто хочет не молится, то он становится вероотступником по единогласному мнению... Но если он, признавая обязательность, не исполняет намаз по лени, тот тут разногласие: некоторые считают его грешником, а другие неверным... Кто оставит намаз по лени и небрежности, тот становится все-таки неверным...»²⁸. «Известно из школы Имама Ахмада ибн Ханбалия, что упорствующего в оставлении намаза считают неверным и казнят как вероотступника»²⁹.

3. Мнение салафитской школы на счет «неисламского правления»:

«Если человек знает шариат, но не судит по нему, то он считается неверным единогласным решением ученых... Если же он из-за пристрастия судит не по тому, что низвел Аллах, зная, что он ослушивается Аллаха и пророка, осознавая тяжесть поступка, признавая приоритет исламского закона, то такой человек не становится неверным. Однако он совершает этим самым сильно порицаемое деяние и большой грех...»³⁰.

[24] С. Ат-Тафтазани. Шарх ан-Насафийа. — Стамбул, 2000. — С. 173-179.

[25] С. Ат-Тафтазани. Шарх ан-Насафийа. — Стамбул, 2000. — С. 178-180.

[26] Х. Эл-Хаками. Ислам ақидасы бойынша 200 сұрақ. — Алматы, 2008. — С. 203.

[27] http://www.moqatel.com/openshare/Behoth/Denia9/HododShrya/sec09.doc_cvt.htm

[28] <http://www.binbaz.org.sa/mat/20067>

[29] <http://fatwa.islamweb.net/fatwa/index.php?page=showfatwa&lang=&Option=FatwaId&Id=1145>

[30] <http://www.binbaz.org.sa/mat/1825>

Мнение на счет:	Матуридитско-ханафитская школа	Салафитская школа
наказания вероотступника	смертная казнь	смертная казнь
наказания вероотступницы	арест	смертная казнь
положения отрицающего намаз намеренно	вероотступник	вероотступник
положения оставившего намаз по халатности	грешник	вероотступник (другое мнение – грешник)
наказания оставившего намаз по халатности	арест	смертная казнь (другое мнение – арест)
положения судящего по неисламским законам намеренно	вероотступник	вероотступник
положения судящего по неисламским законам по халатности	грешник	грешник

Таблица 3 – Мнение обеих школ на счет вероотступничества и тому подобного:

Как было выяснено из предыдущих таблиц, во многих вопросах обе группы имеют абсолютно схожую позицию. Но в этой таблице, наконец-таки, некоторая разница выявилась: это разногласие по поводу оставившего намаз по лени. Ханафиты занимают относительно мирную позицию, а большинство салафитов близки к хариджитами. В завершение акцентирую внимание на еще одну важную особенность ханафитов и салафитов (и вообще всех суннитских школ), которая показана в следующей таблице.

Мнение на счет:	Матуридитско-ханафитская школа (см. любую книгу по матуридитской доктрине)	Салафитская школа (см. любую книгу по салафитской доктрине)
подчинения праведному правителю-мусульманину	обязательно	обязательно
подчинения деспотичному правителю-мусульманину	обязательно	обязательно
выхода против праведного или деспотичного правителя-мусульманина	запрещено	запрещено

Таблица 4 – Мнение обеих школ на счет подчинения правителям

Снова единое мнение обеих школ, и оно является крайне интересным! Ибо это является камнем преткновения, как мне кажется, в сложившейся религиозной обстановке в регионе. По той простой причине, что если вынести такфир правителю, обвинив его в вероотступничестве, то аннулируются все соглашения, наступит временный хаос. По цепной реакции появятся такие понятия, как джихад, истишхад, шахид, причем джихад как оборонительный, так и наступательный, которым будут руководить всевозможные «эмиры». Это, конечно же, дестабилизирует обстановку и будет на руку внешним врагам. Так появляются такие „амиры“, как Доку Умаров, Усама Бен Ладен и все остальное преступное террористичное подполье, которое претендует оправдать насилие постулатами религией. То, что они говорят и делают, не имеет ничего общего ни с исламом, ни с какой-нибудь другой религией. Это просто преступление, и оно должно быть рассмотрено как преступление.

На пороге XXI в., после многих лет воинствующего атеизма, Казахстан обрел независимость. Культурное прошлое не дало о себе забыть, и уже спустя небольшое время возросло религиозное самосознание населения,

а идеологи столкнулись с неразрешенной дилеммой: что является традиционностью для нас? Мы в спешке приклеили кучу ярлыков салафитам, но забыли, что это ударяет и по ханафитам, «историческую роль» которого мы признали.

«В академических дебатах существуют две основные позиции. Согласно первой, в эпоху глобализации все религии подвергнуты процессу радикализации... Существует, однако, и мнение, что насилие внутренне присуще одной религиозной традиции – исламу, который создает специальное отношение и предрасположенность к террористическим действиям... В этом контексте Дейвид Мартин, профессор социологии в Скул оф Экономикс (Лондон), заявляет: «Я бы хотел говорить более позитивно, но бомбовые теракты не представляют для меня никакой неожиданности. В исламе есть глубоко укоренившаяся идеология насилия – военная психология... Разве ислам не религия, проповедующая мир? Он ищет мира, но своим путем... Это хорошая религия, но она отдает слишком большое значение победе...»³¹.

Дейвид Мартин, говоря об укоренившейся идеологии насилия в исламе, на мой взгляд, прав, т. к. засекреченная ранняя история Халифата полна насилия. Но он неправ, говоря об исламе как очаге насилия, т. к. «нет принуждения к вере» (Коран, 2:256), и вера и не отвечает за действия каких-то там халифов и их богословов. В связи с чем правильнее будет предложить нашим специалистам глубже изучить историю становления Халифата. Ведь в исламе наберется с десяток богословских направлений, которые заявят о своей «традиционности». Детальное изучение всех нюансов позволит нам либо подтвердить, либо пересмотреть некоторые взгляды.

Подытоживая статью, желаю заострить внимание читателей на следующих упорных фактах. Ислам – традиционная религия в Казахстане, но какая из его интерпретаций традиционная, пока еще не выяснено. Сравнивая оба учения по ряду «щекотливых» вопросов, упомянутых выше, я не увидел существенной разницы между ними. Поэтому вряд ли будет справедливо ставить их по разные стороны баррикад, однобоко приписывая только одной группе то, что является-таки общим для обоих. Ислам поддерживает только мир, а значит, немирный характер был привит позже. Теологи должны сделать то, что сделали бы математики, допустившие ошибку в формуле, или архитекторы, допустившие крен в фундаменте здания.

Примечания:

1. Салафизм или асаризм — богословская школа в суннизме, зародившаяся в VIII-IX вв. Идеологами считаются Ибн Ханбаль, Ибн Таймийа и др. Утверждает приоритет традиции над разумом.
2. Суннизм — направление в исламе. Состоит из нескольких богословских и правовых школ. Отличается признанием «четырёх праведных халифов» и доктриной в демократическую природу власти под руководством олигархии. Традиционная конфессия при правлении омейядов, аббасидов и османов, т. е. с 661 по 1922 гг.
3. Мутазилизм — богословская школа в исламе, зародившаяся в VII-IX вв. Идеологами считаются Василь ибн Ато, Кади Абдуль-Джаббар и др. Утверждает приоритет разума над традицией.
4. Матуридизм — богословская школа в суннизме, зародившаяся в IX-X вв. Идеологами считаются аль-Матуриди, ан-Насафи и др.

[31] Цитировано по: Дронзина Т. Терроризма женский лик (результаты международного исследования). — Астана, 2011. — С. 95-96.

- Утверждает приоритет разума над традицией, но доводы разума подчиняются религиозным догмам.
5. Ашаризм — богословская школа в суннизме, зародившаяся в IX-X вв. Идеологами считаются аль-Ашари, аль-Газали и др. Утверждает приоритет разума над традицией, но доводы разума подчиняются религиозным догмам.
 6. Шиизм — направление в исламе. Состоит из нескольких богословско-правовых школ. Отрицает суннитских халифов и ратует за теократическую природу власти под лидерством духовной аристократии — фатимидов — Хасана и Хусейна, где власть передается по наследству, либо «наилучший» избирается большинством общины.
 7. Кайсанийа-мубаййидийа — исчезнувшее движение в шиизме, зародившееся в конце VII в. Идеологами считаются Абу Муслим аль-Хорасани, Исхак баб и др. Считает алидов (Мухаммед-Ханафию и его потомков) равными фатимидам в притязаниях на халифат. Имела успех в Хорасане и Мавераннахре.
 8. Шафийа или шафииты — правовая школа в суннизме. Основатель — Имам аш-Шафии (767-820). В богословии последователи этой школы следуют ашаризму, реже другим школам.
 9. Исмаилийа — богословская школа в шиизме, зародившаяся в конце VIII в. Идеологами считаются сторонники Исмаила ибн Джафара, Хасана ас-Саббаха и др. Резко осуждает суннитских халифов. Верит в теократическую природу монархической власти под лидерством духовной аристократии — потомков Исмаила из рода Хусейна.
 10. Ханафийа или ханафиты — правовая школа в суннизме. Основатель — Имам Абу Ханифа (699-767). В богословии последователи этой школы следуют матуридизму, реже другим школам.
 11. Хариджиты — первое течение в исламе, считавшее заядлого грешника неверующим и позволявшее выход против правителя, который судит не по Корану.

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)¹

БОТАГОЗ РАКИШЕВА

Кандидат социологических наук, Исследовательский институт «Общественное мнение» (Астана, Казахстан)

АЙГУЛЬ САДВОКАСОВА

Доктор социологических наук, Центр по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-Азиатском регионе Академии Государственного управления при Президенте РК (Астана, Казахстан)

ДАНИЯР КОСНАЗАРОВ

Магистр международных отношений, эксперт Института евразийских исследований (Астана, Казахстан)

АЙНУР МАЖИТОВА

Магистр социологии, Исследовательский институт «Общественное мнение» (Астана, Казахстан)

ЕВГЕНИЯ РУДНЕВА

Магистр социологии, Исследовательский институт «Общественное мнение» (Астана, Казахстан)

ГУЛЬДЕН ЕМИШЕВА

Магистр социологии, Исследовательский институт «Общественное мнение» (Астана, Казахстан)

Введение

С о дня обретения государствами Центральной Азии независимости прошло более двадцати лет. По меркам истории этот небольшой отрезок времени был сопряжен весьма важными политическими событиями, которые определили наш взгляд на происходящее в регионе. Предоставленная возможность управлять государством, развивая государственные и общественные институты, для каждой из пяти стран региона оказалась задачей, приведшей к довольно непредсказуемым результатам. Каждая из стран переживает свою отдельную эпоху, что влечет за собой разное политическое видение и целеполагание. Отсюда и напрашивается вывод, что регион Центральной Азии неоднороден, фрагментарен и турбулентен. Такое видение усиливалось на протяжении всех двадцати двух лет на фоне, как бы парадоксально это не звучало, относительной стабильности.

[1] Авторы являются членами рабочей группы проекта «Проведение мониторинга межэтнических отношений с выработкой предложений и рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере межэтнических отношений», проведенного в конце 2013 г. Исследование реализовано в рамках проекта Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

Опыт гражданской войны в Таджикистане, неоднозначная передача власти в Туркменистане после внезапной кончины первого президента, прошедшие революции в Кыргызстане, религиозно-экстремистский опыт Узбекистана и событий в Казахстане показывают, что каждая из стран сталкивается с различными проблемами и по-разному подходит к их решению. Вместе с тем, благодаря всем этим процессам, Центральная Азия ощущалась как единый регион, исходя из усиливающего чувства, что те или иные проблемы в одной из стран региона будут влиять и на ситуацию в других государствах. Такая неоднозначная разобщенность и взаимозависимость весьма негативно влияют и на межгосударственные отношения, только усугубляя неприязнь и усиливая степень напряженности в регионе. Пресловутый вопрос контроля за материальными ресурсами превратился в важный политический рычаг, который подводит страны Центральной Азии к конфронтации, оказывая непомерное влияние и на взаимоотношения рядовых граждан стран. Усиливающаяся националистическая тенденция в ряде стран региона подливает свою ложку дегтя в эти процессы, делая невозможной какую-либо существенную регионализацию. Вместе с тем, именно наличие общих нерешенных гуманитарных и общественных проблем как никогда связывает пять государств региона в единую связку.

Крайне мозаичная общественная среда Центральной Азии в этой связи представляет собой некую возможность для более созидательного и конструктивного отношения друг к другу. Как показывают результаты данного исследования, Центральная Азия поглощена целым рядом фундаментальных проблем, нерешение которых приводит к конфликтам, перманентному росту напряженности, вражде. Эта структура взаимоотношений только усугубляет отчужденность обществ друг от друга, понижая уровень давления со стороны граждан пяти стран региона на свои правительства с целью мирного решения межгосударственных проблем.

Последнее десятилетие показывает, что, несмотря на весь потенциал, государства Центральной Азии не могут выработать совместный и более конструктивный подход при решении проблем, которые с каждым годом обретают хронический характер. Отдельные жесты и акты сближения глав государств не означают, что существует или выработалась систематичная политика и четкая стратегия по отношению к региону у государств. Сегодня страны региона как никогда поглощены собственными проблемами, которые, в частности, истекают из асимметричных отношений со странами зарубежья и соседями. Весь этот замкнутый круг, с большой дозой противоречий, позволяет говорить о том, что с каждым разом ситуация будет накаляться гораздо быстрее. И именно налаживание отношений друг с другом на основе понимания того, что перед нами стоят общие проблемы развития, укрепления суверенитета, повышения стандартов жизни должны подталкивать нас к выработке схожих позиций и идеологий.

Для изучения межэтнической ситуации в регионе группой исследователей в рамках комплексного исследования был проведен международный экспертный опрос в конце 2013 г. Было опрошено 50 экспертов из 15 стран мира, специализирующихся на вопросах межэтнических отношений. В данной статье представлена часть результатов экспертного опроса.

Целью данного исследования как раз и является содействие в выработке общих позиций по вопросам межэтнического взаимодействия в Центральной Азии. Важно отметить, что данная проблематика не должна рассматриваться в изоляции от других общественных, социально-

политических и гуманитарных проблем. Именно такая осознанность является ключевым фактором в дальнейшем установлении и усилении взаимопонимания и доверия среди обществ всех пяти стран. В данном исследовании мы стремились на основе экспертных оценок выявить наиболее проблемные зоны, содействие в решении которых позволило бы государствам Центральной Азии минимизировать влияние «этнического фактора» в негативном смысле этого слова.

Концептуальные рамки

Авторы данного материала рассматривают регион Центральной Азии в качестве целостного региона, который обретает такую цельность «благодаря» переживаемым угрозам и вызовам. Региональность на данном этапе конструируется через наличие именно угроз, с которыми надо иметь дело и непременно находить для них решения. Такой «дискурс угроз» говорит о том, что наличие приграничных конфликтов, проблем, связанных с водными и земельными ресурсами, наркотрафиком, религиозным экстремизмом, афганским вопросом, в какой-то мере консолидирует регион, требуя от него единого подхода в решении проблем. В большей степени данный дискурс определяется внешними игроками и их информационно-аналитическими, научными возможностями. В целом сами государства Центральной Азии находятся под влиянием такого дискурса и воспроизводят его внутри себя, находя в этом возможность укрепить степень выживаемости собственных политических режимов. «Этнический фактор» тоже является частью такого дискурса, но, по сути, он имеет больше поляризирующий характер, укрепляя фрагментарность региона.

В этом заключается парадоксальное состояние Центральной Азии, которое через внешнее давление укрепляется как целостный регион, но параллельно сохраняет свой «расщепленный» характер. Благодаря такой неоднозначности регион Центральной Азии рассматривается в качестве турбулентной зоны с большими рисками и непредсказуемой натурой. Такие «проблемные зоны», как границы, Ферганская долина, этнические анклавы, только усиливают фрагментарность, но тот же «афганский вопрос» и гипотетическое нападение движения «Талибан» на страны региона подталкивают эти государства к выработке общего видения. Подобное видение важно потому, что оно позволяет внешним игрокам консолидировать центральноазиатские страны вокруг себя и своих геополитических интересов. В этой связи можно говорить о влиянии России и ОДКБ, КНР и ШОС, США и НАТО. Посредством «дискурса угроз» воспроизводится «высший» статус этих государств и близких к их интересам международных структур. Во избежание конфликтов внутри Центральной Азии, в том числе на этнической почве, эти государства так или иначе курируют такую тематику, чтобы воссоздавать «дискурс угроз».

Вместе с тем авторы данного исследования не имеют желания воспроизводить обозначенный дискурс. Именно данное исследование может показать, что конструирование региона и этничности — вопрос весьма политический, зависящий от ряда других важных факторов. И в первую очередь — от фактора доступа к материальным ресурсам не только самого государства, но и населения, отдельных групп и общин. Такая ресурсно-ориентированная перспектива позволяет говорить о том, что конфликтность региона в определенной степени стала возможной именно благодаря проблемам с распределением равным образом материальных и других ресурсов среди населения, их неэффективному использованию и отсутствию действенных регуляционных механизмов по их контролю и распределению.

Ответы экспертов подтверждают мнение о том, что **этнической проблемы как таковой в Центральной Азии нет**; этнический вопрос политизируется, находясь в связке с другими вопросами, касающимися социальных прав, доступа к материальным и духовным ресурсам и т. д. В этой связи данное исследование в какой-то мере увязывает этнический вопрос с более «резкими» проблемами, которые требуют не только внимания, но и решений с включением государственного ресурса и рычагов в дело. В целом авторы разделяют точку зрения опрошенных экспертов в том, что этнический вопрос в большей степени искусственный, синтетический. Вместе с тем, именно данная проблема эксклюзивна по своему характеру, так как она позволяет в довольно сжатые сроки мобилизовать население Центральной Азии, усиливая внутри общества вражду, ненависть и недоверие.

Здесь важно понимать, что этническая проблематика требует наиболее чуткого подхода и пристального внимания, а также определенного объема государственного вмешательства и регулирования. Исходя из этого, этнический фактор превращается в ресурс, который чаще всего подвержен политизации и гиперболизации. Апеллирование к этничности становится частью стратегии по выработке доступа к тем самым ресурсам, которые с каждым годом уменьшаются и не воспроизводятся. Следовательно, ухудшение стандартов жизни, низкие доходы населения, отсутствие социальных «подушек» и гарантий со стороны государства, наличие социального и экономического неравенства приводят к тому, что этническая и даже религиозная идентичность становятся той опорой, к которым «прислоняются» люди и благодаря которым обретают чувство единства, общности. Это, в свою очередь, приводит к тому, что на основе апеллирования к этнической составляющей общества она становится более фрагментарной и поляризованной. Нет ничего плохого в том, что человек «мыслит в этнических рамках», вместе с тем, угроза политизации и манипуляции присутствует. При усилении чувства об отсутствии социальной справедливости в обществе и чувства обделенности, ненужности такая призма может быть быстро использована и направлена в агрессивные русла.

Методологические аспекты

Проблематика межэтнического взаимодействия на протяжении двадцати с лишним лет формирования независимых государств Центральной Азии занимала ключевое место в обсуждениях, различного рода дебатах, подталкивая государственный аппарат к выработке наиболее удобной и приемлемой матрицы взаимоотношений между государством и обществом. На протяжении этих лет формировалась и экспертная среда, которая также вносила свою лепту в регулирование таких отношений, пытаясь не только сформулировать сам вопрос, но и показать правильный путь для государства в деле управления социально-политическими процессами и их направления в лаконичные с политикой государства русла.

В этой связи наша работа ставит целью не только обозначить весь тот плюрализм мнений в экспертной среде в отношении межэтнической проблематики, но и произвести синтез различных мнений для последующей выработки новых формул, подходящих для решения насущных задач государства в плоскости установления гармоничных отношений внутри общества. Именно преследуемая нормативная роль позволяет нам обратиться к экспертному мнению как наиболее гуманному и склонному к рефлексии и критическому осмыслению. Конечно же,

авторы данного исследования не абсолютизируют роль специалистов, политологов, социологов, этнографов в деле решения проблем государств. Вместе с тем именно научно обоснованная экспертиза, по нашему мнению, должна стоять на передовой линии в вопросе выработки решений, способствующих установлению доверительных отношений внутри общественных групп и государства. Важно понимать, что социальная и нормативная функция ученого должна быть использована с пользой для развития государства, а это, в свою очередь, требует приоритизации экспертного суждения с выдвижением новых гипотез, позволяющих заново взглянуть под новым углом на общественные процессы, немыслимые без государственных интересов.

Как известно, многие процессы внутри стран Центральной Азии по своей природе неоднозначны и противоречивы. Такой сферой являются и межэтнические отношения, которые по мере роста социальных проблем обретают новый, порой более категоричный облик, переставая сохранять умеренный характер. Несмотря на все имеющиеся социальные проблемы, Центральная Азия, ввиду своей мозаичности, все еще может представлять некую удобную модель для других стран. Отдельно стоит упомянуть Казахстан, внутри которого межэтническое согласие возведено в ранг систематичной государственной политики, каждый раз напоминая нам о том, что противоречивые процессы внутри страны не в силах «расшатать» тот фундамент, который был заложен с первых дней независимости.

Экспертный опрос важен не столько тем, что он априори расценивается как заслуживающий доверия ресурс, позволяющий выработать достоверную информацию. Апеллирование к экспертному мнению, которое представляет собой уже определенное ценностное суждение, важно по нескольким причинам:

- может отражать более широкое видение проблемы, предоставляя компаративистский и глубокий взгляд;
- позволяет определить позицию эпистемного сообщества по тем или иным вопросам. Данное обстоятельство представляется важным, если учитывать консультативную функцию специалистов, возможность предоставления рекомендаций государственным структурам, политикам;
- выделяет основные «проблемные зоны», формулируя фундаментальные причины их возникновения;
- способствует выработке решений и поиску новых нестандартных подходов к решению проблем.

Для того чтобы мы смогли более глубоко разобраться в межэтнической проблематике на основе экспертного мнения, нам требуется выяснить не только точку зрения специалистов из самого региона Центральной Азии, но и важно включить в анализ видение и позиции экспертов других зарубежных стран. Известно, что зарубежный экспертный дискурс о Центральной Азии весьма влиятелен, и он все также продолжает формировать мышление многих людей и нового поколения внутри самого региона. В этой связи экспертный опрос включает респондентов не только из стран Центральной Азии, но и пытается синтезировать локальную тематику с международной. Особенно важно было включить в материал суждения экспертов и ученых из России, стран Запада. Сами опросы проводились по методу «снежного кома», базируясь в большей степени на опрос экспертов, специализирующихся по различным вопросам в рамках исследуемой темы.

Созданная сеть из экспертов ни в коем случае не имеет политическую подоплеку и не ставит целью предоставление ангажированных точек зрения, заключений и рекомендаций. Авторы данных строк как раз-

таки на протяжении всего исследования были открыты новым контактам и экспертным точкам зрения, базируя свою научную деятельность на понимании, что беспристрастность и критический подход являются наиболее приемлемыми ранжирами для подсчета эффективности научных изысканий. «Научный этос», в этой связи, ставился превыше всего, но так как некоторая часть экспертного опроса базировалась на личных контактах и знакомствах, именно убеждение в том, что каждый из опрошенных сможет представить свой, отличный от других, экспертный взгляд, позволило провести исследование в упомянутом русле. С другой стороны, посредством самого исследования авторы работы укрепляли саму научную сеть, состоящую из ученых, занимающихся межэтнической проблематикой, для того, чтобы выявить общие точки соприкосновения и пункты, в которых мнения могут быть диаметрально противоположными. Такая деятельность позволяет исследователям быть в курсе тенденций внутри научно-экспертного сообщества и способствует пониманию крена в изучении межэтнической проблематики внутри Центральной Азии.

Поскольку предлагаемые в анкетах вопросы не имели цели ориентировать респондентов в необходимом для самих авторов опроса направлении, они были составлены таким образом, чтобы эксперт смог направить собственные суждения в нужное для себя русло, предоставляя отобрать корректный для себя смысл авторам исследования. Между тем, было довольно тяжело сформулировать вопросы таким образом, чтобы они были беспристрастными. Автором исследования не хотелось, чтобы задаваемые вопросы были несколько пространными и двусмысленными, но во избежание разночтений в них все-таки обозначилась некая обширность и нечеткость. С учетом того, что межэтническая проблематика представляет собой довольно чувствительную зону, если учитывать ряд событий, которые на протяжении двадцати лет оказывали серьезное влияние на Центрально-Азиатский регион, авторы исследования старались избегать провокационных вопросов, оставляя, тем не менее, широкое поле для маневра отвечающему на вопросы эксперту.

Посредством проведения экспертного опроса важно было выяснить роль и функцию этнического фактора в общественной и политической жизни государств Центральной Азии. Отдельной графой стоило затронуть и вопрос границ и приграничных перипетий и контактов, которые чаще всего только накаляют обстановку внутри региона. Авторы исследования также в своих опросниках хотели обратить внимание опрашиваемых специалистов на вопросы межгосударственных отношений, дабы вкуче выяснить степень их влияния на восприятие и отношение самих обществ к этому вопросу, и наоборот. Но чтобы не «нагнетать» своими выводами и без того неоднозначную обстановку, экспертам предложено было также совместно сформулировать наиболее важные «проблемные зоны», которые помогли бы правительствам стран, следуя рекомендациям специалистов-экспертов, укрепить понимание, эмпатию и уважение среди населения региона. Следовательно, некоторые вопросы зиждились на понимании, что существуют довольно серьезные проблемы и задачи, решение которых отразилось бы и на взаимоотношениях этнических групп и общин внутри Центральной Азии.

«Этническая» Центральная Азия?

Многие эксперты склоняются к мнению, что для более глубокого понимания социально-экономических и политических процессов в Центрально-Азиатском регионе следует сосредоточиться на этнической проблематике, вопросах взаимоотношения различных этнических групп.

Следует также учитывать степень взаимопонимания внутри этих групп, их интегрированности в общество, включенности в общественные процессы и дебаты. Самое главное, такой аналитический подход предполагает разъяснения в отношении взаимоотношений этнических групп не только между собой, но и с властными структурами. Степень контактирования с представителями государственных органов, уровень доверия к ним, тон восприятия и риторика, неформальные практики во взаимоотношениях с представителями власти – все эти моменты определяют атмосферу внутри обществ различных стран, в том числе внутри государств Центральной Азии.

«Идет нациестроительство. Естественно, что так называемый этнический фактор имеет ключевое значение. Практически все государства мира основаны на этничности, даже если другие этнические группы являются на данный момент полноценными частями нации. Инклюзивность развивается со временем. Поначалу же нациестроительство почти исключительно опирается на так называемый этнический фактор. Другое дело, что инклюзивность в сегодняшних условиях должна соблюдаться с самого начала»

Ответ исследователя из Турции

Большая часть опрошенных экспертов склонна полагать, что регион Центральной Азии можно идентифицировать с точки зрения этничности. Этническая перспектива позволяет также понять другие взаимосвязанные социально-экономические и политические вопросы, так как эта тематика, согласно мнению респондента из России, «сопровождает обсуждение любых социальных и политических вопросов» внутри региона. Вместе с тем, как замечает этот же респондент, «этнический фактор не является определяющим во внутренней и внешней политике стран региона». Дополняя это мнение, другой эксперт рассматривает этническую проблематику как «часть общего сложного процесса». С обретением государствами Центральной Азии независимости, новый статус этих стран обеспечивался и усиливался за счет «этничности». После крушения СССР вопрос самоидентификации для обществ этих стран был наиболее важным, и в этой связи обретение собственного этнического кода как раз и было тем важным ответом на вызовы, обусловленные независимостью.

Такой непрерывный процесс проистекает в русле **обеспечения доступа к материальным ресурсам, к их распределению** и перераспределению с пользой для той или иной этнической группы. Исходя из этого, другой специалист отмечает, что перераспределение средств внутри Центральной Азии как раз и происходит по этническому признаку и что «на деле государственная система практически каждой из стран ЦА устроена так, что она служит интересам одной этнической группы». Об этом также говорит один из кыргызских специалистов. По его мнению, доступ к тем или иным ресурсам возможен благодаря апеллированию групп к своей «этничности». В большей степени именно «титульные нации» получают пользу от своей этнической принадлежности; по крайней мере «бюрократическая меритократия в Кыргызстане и Таджикистане распространяется только на группу большинства». Именно эти обстоятельства и являются «проблемными зонами», на которые обращают внимание опрошенные нами эксперты.

«Политика, основанная на этнической принадлежности, уже становится видимой в каждом из пяти Центральноазиатских государств, даже если она официально не признается, за исключением Туркменистана. Этническое предпочтение по отношению к титульной нации уже функционирует во всей государственной администрации пяти государств»

Ответ ученого из США

В целом такая оценка позволяет инструментализировать «этнический фактор» и сделать его частью политики вражды и неприязни, которая ведет к дискриминации, маргинализации и отчужденности. Согласно такой точке зрения, этнический фактор может являться политическим инструментом и ресурсом. Его манипулятивный характер как раз является тем самым «слабым звеном», от которого социальные процессы трансформируются в более напряженные и непредсказуемые. Это еще обусловлено тем, что «к сожалению, государства Центральной Азии строят свою государственность на смешанном фундаменте института гражданства и этнической принадлежности». Например, согласно мнению казахстанского эксперта, в такой стране, как Казахстан, у населения довольно слабое гражданское самосознание и это, в свою очередь, ведет к тому, что «на обыденном уровне политические процессы воспринимаются населением в значительной степени сквозь призму этнического фактора».

Согласно мнению другого эксперта, именно события 2010 г. в Кыргызстане показали, насколько значим «этнический фактор» в понимании важных политических процессов. Как отмечает другой эксперт из Кыргызстана, «политическое становление Кыргызской Республики предполагало процесс национального строительства, и в этой связи понимание «нации» в этническом смысле, нежели гражданском, предопределило уязвимость этнических вопросов как объект политизации». Другой кыргызский эксперт обращает внимание на языковой вопрос и связывает его с этническим фактором. Он считает, что «провозглашение языка этнического большинства единственным государственным языком в стране, в которой проживает множество других этнических групп, не всегда приемлемо».

Языковой вопрос представляет собой ту сферу, внутри которой этнический фактор обретает свою легитимность, развивая свою претенциозность на то, чтобы рассматриваться главенствующим фактором при анализе общественных процессов в регионе. Как отмечает один из экспертов, *«языковая политика, направленная в основном на добровольно-принудительное усвоение языка этнической группы большинства, может негативно сказаться на межэтнических отношениях. Хотя сама по себе государственная политика по развитию языка не является негативным фактором, существуют причины полагать, что подобная политика может быть неверно истолкована и реализована. В наших обществах существуют группы лиц, которые ведут себя довольно агрессивно и по отношению к этническим меньшинствам, и по отношению к своим «братьям по крови», если последние не соответствуют их представлениям о том, каким должен быть представитель определенной нации. Такие личности могут взять на вооружение языковую политику государства и попытаться самостоятельно внедрить ее в жизнь на своем уровне, путем дискриминации, оскорблений и линчевания».*

Следовательно, языковой вопрос не менее важен, если мы хотим понять роль и в большей степени манипулятивную функцию этнического фактора в Центральной Азии. Вместе с тем, как было замечено некоторыми респондентами, государства Центральной Азии развиваются по пути

нациестроительства, и в этой связи язык этнического большинства, как и в других частях мира, будет занимать приоритетное положение. Как отметил один довольно известный эксперт по Центральной Азии, «любые попытки повысить роль какого-нибудь одного языка воспринимаются как дискриминационная мера или мера подрыва чьего-либо статуса и вообще сложившегося баланса межэтнических отношений». А значит чуть более гибкий, стимулирующий и поощряющий подход будет более полезен и удобен.

Хотелось бы отдельно упомянуть влияние глобальных и региональных процессов на ситуацию в Центральной Азии. По мнению экспертов, в мире продолжается политизация этничности и религии, в том числе растет степень политизированности исламской идеологии. Безусловно, стоит также отметить в качестве негативного фактора спад цен на энергоносители и сырье. Что касается более региональных вопросов, конечно же, вывод коалиционных войск из Афганистана и обострение водно-климатических проблем рассматриваются в качестве основных. Другим более внутренним фактором, по мнению некоторых исследователей, является отсутствие четких механизмов передачи власти, что может оказать влияние и на внутреннюю стабильность стран, и на межгосударственное сотрудничество и конкуренцию. Эти факторы следует учитывать при анализе не менее щепетильной тематики — политики приграничных зоны и анклавов.

«Межэтнические отношения снова находятся в фокусе внимания мировой политики. Глобалистские идеологии, которые базируются на идее о том, что распространение западной модели демократии и расширение экономических связей приводят к уменьшению роли этнического фактора и этнических конфликтов, показали свою несостоятельность. Основной тренд в глобальном плане связан с повышением важности межэтнических отношений для стабильности отдельных государств и регионов»

Ответ эксперта из Болгарии

Границы и анклавы

Не менее важным представляется вопрос границ и этнических анклавов в регионе. Многие эксперты склоняются к мнению, что приграничные конфликты в Центральной Азии проистекают из и являются следствием взаимоотношений этнических групп. Но кое-кто считает, что они имеют вторичное или частичное значение. В целом эксперты обозначают приграничные зоны как наиболее конфликтогенные.

«Наличие новых границ в ЦАР, которых фактически не было еще пятнадцать лет назад, способствует обострению этих проблем. К примеру, в настоящий момент Ферганская долина считается зоной потенциальных конфликтов. В течение нескольких поколений киргизы и узбеки в Ферганской долине жили в одном пространстве без четко очерченных рубежей. Они и не подозревали, что в будущем границы между новыми странами пройдут буквально по их дворам и домам... Сегодня в приграничных районах Киргизии и Узбекистана даже для того, чтобы пасти скот, нужно получить массу разрешений от властей. И не всегда проблемы удается решить без конфликтов. Это прямое следствие плохих межгосударственных отношений!»

Ответ исследователя из России

Казахстанские эксперты обращают внимание на казахстанско-узбекскую границу, где имеют место «напряженные взаимоотношения между казахами и представителями узбекской диаспоры» на юге страны, т.

е. существует мнение, что «приграничные конфликты являются причиной межэтнических конфликтов». Но есть и противоположная точка зрения о том, что приграничные столкновения (на примере Казахстана) не являются следствием межэтнических отношений.

Исходя из того, что государства Центральной Азии полиэтничны, «любые политические противостояния перерастают в межэтнические в местах проживания различных этнических групп». В качестве примера приводятся приграничные зоны Кыргызстана и Таджикистана, которые напрямую воздействуют на взаимоотношения между кыргызами и таджиками в Баткенской области Кыргызстана. Этот пример важен тем, что он снова приоритизирует вопрос доступа к ресурсам и их распределения, в нашем случае — к водным и земельным. Такой точки зрения придерживаются и некоторые западные исследователи. Как отмечает ученый из Великобритании, тогда, когда вопросы воды, торговли, миграции и конкуренции между региональными странами актуализируются, они также приводят в действие фактор этничности.

С ним соглашается и другой эксперт из США, по мнению которого при возникновении проблем между государствами Центральной Азии, в частности в приграничных районах, то или иное событие с легкостью может быть окрашено в «этнические» цвета.

В этой связи конфликты, связанные с ресурсами, и есть та самая база, на основе которой артикулируется этнический вопрос. Как отмечает один из специалистов, в официальном и неофициальном дискурсе такие конфликты приобретают межэтнический характер.

Так, основными причинами конфликтов могут стать:

- доступ к воде и пастбищам;
- строгий пограничный контроль;
- отсутствие четкого разделения границ и несогласие многих местных жителей с решениями по установленным границам;
- рост национализма;
- отличия в подходах решения конфликтов;
- отсутствие или недоработанность существующих межгосударственных соглашений;
- пассивно-агрессивная риторика государственных деятелей и СМИ;
- информационная политика.

Все эти проблемные зоны, согласно мнению экспертов, приводят к конфликту внутри общества и различных общин и групп, политизируя «этнический фактор».

Другим немаловажным фактором являются этнические анклавов, которые согласно мнению многих опрошенных исследователей остаются «острой проблемой региона». Анклавы представляют собой одно из самых уязвимых мест, как в политическом, так и в экономическом смысле. События последнего года в таких местах, как Сох и Ворух, только актуализируют вопрос анклавов. Многие специалисты склоняются к мнению, что существует надобность в выработке специальной политики в отношении анклавов. Вместе с тем, именно доверительные добрососедские отношения должны являться основным фундаментом для выработки отдельной политики по анклавам. Многие эксперты отмечают, что такая политика должна разрабатываться на основе двусторонних соглашений. Политика по анклавам должна разрабатываться исходя из специфических характеристик того или иного анклава, опираясь на выявление и

устранение первопричин, вызвавших конфликт и обоюдное недоверие, несогласие, неприязнь и вражду. Стоит также отметить предостережения и других специалистов, что отдельная политика по анклавам только усугубит проблему и спровоцирует новую волну конфронтации.

**Таблица 1 –
Анклавы
Центральной
Азии: население и
этнический состав**

Анклавы	Страна	Местоположение	Население	Этнический состав
Барак	Кыргызстан	Узбекистан	Около 600 чел.	100%
Чонкара	Узбекистан	Кыргызстан	0	Пастбища
Джангаил	Узбекистан	Кыргызстан	0	Пастбища
Сарвак	Таджикистан	Узбекистан	400-2500 чел.	99% узбеки, 1% таджики
Шахимардан	Узбекистан	Кыргызстан	5000 чел.	91% узбеки, 9% кыргызы
Сох	Узбекистан	Кыргызстан	25000-70000 чел.	99% таджики, 1% кыргызы
Ворух	Таджикистан	Кыргызстан	10000-30000 чел.	95% таджики, 5% кыргызы
Кайрагач	Таджикистан	Кыргызстан	150	100% таджики

Источник: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/HB_ROCCA_20130709%20Russian.pdf

Следовательно, к проблемам, связанным со статусом и состоянием анклавов, надо подходить весьма неторопливо, решая именно на двустороннем уровне ряд важных вопросов, которые вызывают напряжение в самих анклавах. Вопрос делимитации и демаркации границ остается наиболее важным и одним из самых спорных в Центральной Азии. Наличие неприязни и отсутствие консенсуса по этому проблемному участку обусловлено недоверием политических элит государств региона друг к другу.

Наряду с этим, именно политика по трансформированию водных, энергетических и земельных ресурсов в политический инструмент все дальше фрагментирует регион, превращая его в один большой проблемный анклав. Соответственно, такая политика воздействует и на ситуацию в самих анклавах, жители которых находятся не в столь благополучном состоянии. Любая конкуренция за ресурсы, транспортные пути и контроль потоков товаров и других средств, в том числе контрабандных, актуализирует «этнический фактор», становясь частью экономической и политической борьбы не только центра, но и периферийных округов, где присутствуют своя региональная элита, отдельные неформальные круги и формирования.

Помимо всего опрошенные исследователи предлагают следующие решения, которые позволили бы минимизировать напряжение в приграничных зонах и анклавах региона:

- соблюдение законов государства;
- если для разрешения проблем анклавов требуется внешнее вмешательство в форме советов или содействия в международно-правовом регулировании, то необходимо эту помощь попросить;
- решение социально-экономических проблем;
- равноправные переговорческие структуры с обеих сторон и создание условий для таких структур в анклавах;
- окончательная делимитация границ.

Эксперты отмечают важность фокусирования внимания на водно-энергетической тематике. В частности, проблема строительства гидроэлектростанций и бескомпромиссность государств в этом вопросе только повышают степень конфликтности. Как отметил Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов в одном из своих заявлений, «водные проблемы могут послужить причиной для конфликта. Это серьёзное противостояние, которое может перерасти в войну в регионе». Такая политическая позиция лишний раз подтверждает тот факт, что Центральная Азия может попасть в «этническую ловушку», когда вопросы касательно материальных ресурсов проблематизируются и вызывают напряжение в отношениях государств региона. Как отметил один из исследователей, «этнический фактор вторичен, но так как страны ЦА “национальные”, важные социально-экономические и политические проблемы могут обрести этнический характер. Еще больше это характерно при взаимоотношениях между странами ЦА, при взаимодействии по спорным и конфликтным вопросам».

Вышесказанные аспекты центральноазиатской реальности позволяют нам говорить о том, что без решения водно-энергетической проблемы, анклавного и приграничного вопроса с учетом более масштабной социально-экономической картины региона крайне сложно будет говорить об установлении и укреплении взаимопонимания и взаимного доверия между этническими группами и общинами. Некоторые вышеуказанные пункты подтолкнули нас и экспертов обратить внимание на существующие проблемы социально-экономического и гуманитарного характера. По мнению экспертов и авторов этой работы, именно они служат тем самым главным катализатором, который негативно сказывается на взаимоотношении граждан стран региона, усиливая этнический фактор и образуя собой деструктивную силу, разрушающую хрупкую мозаику полиэтничности, толерантного общества.

Чего не делать и что надо делать?

Многие упомянутые проблемы не оригинальны и показывают, что регион сталкивается с общемировыми проблемами, которые приводят к серьезным политическим столкновениям между обществом и властями. Следует также отметить культурные и психологические факторы, которые наряду с социально-политическими только подогревают обстановку.

Один из экспертов отмечает, что отсутствие эффективно функционирующих институтов местного самоуправления и жесткая централизация внутри государств региона являются дополнительным обстоятельством, затрудняющим выработку гибкой политики властей к вопросам с этнической подоплекой. Правительствам стран региона, согласно мнению другого западного ученого, стоит избегать поддержки национализма, который приводит к ухудшению общественной гармонии.

«Политическая пропаганда со стороны государств, разумеется, может в определенной степени оказать свое негативное воздействие (например, антиузбекская пропаганда со стороны некоторых представителей кыргызского руководства). Однако большей частью народы толерантны друг к другу и продолжают родственные отношения. Пример – узбеко-казахские отношения на границе с Чимкентом, те же узбеко-кыргызские отношения в приграничной области при нормальных добрососедских отношениях и отсутствии негативной пропаганды»

Ответ эксперта из Узбекистана

«Неразрешенность межгосударственных противоречий», «фокус международных организаций через свои проекты на этнической теме, геополитика, как глобальная, так и региональная, криминализация общественных отношений, исламизация в рядах титульных наций» приводят к дальнейшему усилению нестабильности внутри региона и усилению разломов внутри региона на этнической почве.

Все эти комплексные проблемы в своей совокупности должны говорить нам о том, что вызовы и задачи, которым надо противопоставлять эффективную социально-экономическую, культурную и политическую политику, не будут решены в одночасье. Каждое из государств должно не только собственноручно выработать наиболее приемлемую стратегию развития, но и коллективно решить проблемы, которые тесно взаимосвязаны между собой и делают регион одной целостной структурой.

Здесь явно делается упор на потребность в улучшении законодательной базы с уважением важных международных правовых режимов, что повлечет за собой международный контроль, большую отчетность и транспарентность. Насколько такой подход является эффективным, тяжело дать однозначную оценку, но некоторые эксперты выступают за тесное сотрудничество со многими международными организациями, которые способствовали бы улучшению прозрачности в вопросе выполнения международных обязательств, в том числе в сфере соблюдения прав человека, улучшению показателей социально-экономических стандартов граждан, обеспечению их образованием, медицинской помощью и другими базовыми услугами. Вопрос доступности образования и его качества — один из самых ключевых, если отталкиваться от высказанных мнений.

«В вопросах внутренней политики необходимо, скорее всего, опираться на принципы мультикультурализма и гражданской нации, хотя принципы гражданской нации порой идут вопреки принципам мультикультурализма, потому что гражданская нация, как правило, строится на основе конкретной нации большинства. В этом случае необходимо представить меньшинствам конкретные механизмы, которые будут способствовать их вовлечению в процесс принятия решений, как, например, Ассамблея народов Кыргызстана, конечно при правильном распределении полномочий»

Ответ ученого из Кыргызстана

Один из экспертов также настаивает на том, чтобы государства Центральной Азии разработали «единую доктрину как минимум регионального масштаба». Такая доктрина позволила бы каждой из стран «сверять часы» и координировать некоторые вопросы социально-экономического толка. Именно хрупкость этнического баланса должна подталкивать страны региона к более тесному сотрудничеству на основе укрепления экономической состоятельности и резистентности.

Важно также учесть, что «межгосударственный диалог и освещение жизни в соседних государствах не должны носить враждебный, негативный характер. Только в атмосфере дружелюбия и понимания можно добиться улучшения отношений на уровне населения».

Чаще всего опрашиваемые эксперты подчеркивали важность следующих прав и возможностей, которые смогли бы положительно повлиять на межэтнические отношения, укрепляя взаимопонимание и доверительные отношения:

- обеспечение равных прав и равных возможностей;
- формирование уважения к культуре и традициям всех этносов;
- избегание дискриминационных практик и действий;

- улучшение экономических возможностей и создание подходящего климата для деловой активности;
- сохранение политической стабильности;
- повышение уровня жизни;
- реализация конституционных прав нацменьшинств и поощрение выработки общегражданских ценностей;
- создание возможностей для обучения на родном языке;
- пропаганда толерантности и взаимопонимания и резкое публичное осуждение актов дискриминационного характера.

Отмеченные пункты еще раз доказывают важность соблюдения законов, их почитания. Кроме того, всегда должна учитываться экономическая и культурная составляющая вопроса.

Что касается темы предотвращения конфликтов, то опрошенные эксперты предлагают предпринять следующие меры:

- более масштабный подход к этнической проблематике;
- углубление интеграционных процессов в Центрально-Азиатском регионе;
- глубокое изучение межэтнических взаимоотношений в регионе;
- разработка политики по анклавам и спорным территориям;
- развитие политики многоэтничности;
- проведение взвешенной политики в сфере межэтнического доверия и взаимопонимания;
- совершенствование правовой системы;
- построение прозрачной демократической системы;
- развитие взаимного уважения этносов;
- создание Ассамблей народа во всех странах;
- построение грамотной национальной политики;
- проведение превентивной работы на различных уровнях;
- стимулирование развития «мозговых трестов», изучающих данную проблематику;
- своевременная и объективная оценка конфликтных ситуаций и анализ возможности предотвращения вооруженных столкновений.

Чаще всего экспертами была отмечена значимость **решения социально-экономических проблем и повышения уровня жизни граждан** стран региона. Некоторые эксперты подчеркивают важность укрепления института гражданства и гражданственности. Не раз в ответах использовалось понятие «гражданская нация». Как отмечает один из известных ученых, *нужна “трансформация идеологии в странах Центральной Азии от этнической интерпретации понятия “нация” (“национальное государство”) к гражданской интерпретации с постепенным в будущем отходом от темы “национальности” вообще и поиском новых символических и идеологических моделей единства государства и лояльности”*.

Отметим, что именно поиском идеологии занимаются на протяжении многих лет государства Центральной Азии. Им важно посредством идеологического воздействия сохранить общественное спокойствие и доверие граждан друг к другу. Безусловно, важно понимать, что отношение к власти и с властями тоже весьма весомый фактор, который стоит учитывать при поиске подходящей модели. Другой казахстанский эксперт, подхватывая идею «гражданской нации», отмечает: *«Граждане Казахстана – в первую очередь граждане Казахстана, а уже потом представители различных этнических, культурных и языковых групп. Для создания единого народа с общими целями и устремлениями этнически окрашенная политика или риторика будут губительны»*.

Другой исследователь одной из стран Центральной Азии обращает внимание на наличие преемственности в понятиях. Также он утверждает, что именно развитие на пути становления «гражданской нации» является самым эффективным путем преодоления «этнической ловушки»: *«Понятие титульная нация – это продукт Советского Союза, который еще глубоко сидит в сознании «советского» поколения и в некотором смысле более молодого поколения. Нужно строить нацию на основе гражданственности. Эффективен этот путь или нет – это другой вопрос, но он пока единственный вариант на сегодняшний день».*

Представитель Кыргызстана отмечает важность аналогичного подхода с целесообразностью его применения внутри страны. Для него «гражданская нация» такая же эффективная парадигма, которая поможет полностью минимизировать влияние «этнического фактора» в негативном смысле: *«Нужно думать по-новому, в стране должны жить «граждане» этой страны, а не «этнические меньшинства», это можно сделать с удалением в паспорте строки «нация». Если человек гражданин Кыргызстана, то он «кыргызстанец», а не «кыргыз», «узбек», или «уйгур». Если такую политику осуществить, то через некоторое время проблемы касательно этнических вопросов исчезнут».*

Такой весьма оптимистичный подход может говорить о том, что «этнический фактор» действительно имеет место быть и что его влияние ощущается довольно сильно во взаимоотношениях этносов друг с другом и с властными структурами. Такое видение также должно говорить нам о том, что ведущими экспертами продолжается поиск подходящей модели общественного устройства или, как уже заметно, предлагается конкретная модель, которая бы снизила все издержки процесса нациестроительства. В этой связи важно понимать, что переход к такой политике не будет возможен без учета всех тех накопившихся социально-экономических проблем, о которых эксперты упомянули в предыдущих параграфах. Конечно, это требует больших усилий, затрат и энергии. Возможно, стоит два этих процесса координировать между собой, чтобы они, дополняя друг друга, позволяли предпринятым мерам звучать более осмысленнее и эффективнее.

«Позитивную дискриминацию лучше не применять в Центральной Азии, так как она подчеркивает чувство принадлежности к меньшинству и создает чувство негодования среди большинства, таким образом разрушая чувство гражданского равенства. Однако она может быть применима в чувствительных государственных структурах, где этноцентризм создает напряжение, например, в кыргызстанской полиции, где слишком много этнических кыргызов и нужно больше узбекских полицейских»

Ответ ученого из США

В составленных нами вопросах имелся пункт, который помог бы выяснить, кто сможет выступать в качестве дестабилизирующей силы в регионе. Это представилось для нас важным, так как он позволил бы более точно, но в связке с масштабными вопросами социально-политического характера подойти к проблеме, выявляя тем самым «проблемные зоны» уже через их агентов, акторов и институты. С другой стороны, было важно понять, кто сможет быть медиатором, способным предотвратить или приостановить разгоревшийся конфликт. Именно возможность предотвращения конфликтной ситуации с минимизацией напряжения внутри общества представляется для нас важным атрибутом общественных и государственных институтов, отдельных авторитетных личностей.

Провокаторы и медиаторы: кто они?

Согласно мнению опрошенных экспертов, конфликты на этнической почве в Центральной Азии могут быть спровоцированы политикой самих региональных государств, теми или иными внутренними элементами или извне. Отметим, что без наличия должной социальной среды провокационные действия той или иной стороны не найдут должного отклика со стороны рядовых граждан. Именно вопросы социальной несправедливости, обделенности, необеспеченности работой и постоянным заработком легко мобилизуют те или иные части населения, что делает провокационные акции более эффективными и резонансными. Вместе с тем, те или иные дестабилизационные силы и их действенность, как считают наши эксперты, проистекают из вопроса доступа и контроля, перераспределения материальных ресурсов. Этот проблемный аспект делает важным расширение экономических возможностей населения, предоставляя право на собственность и усиливая с каждым разом законодательство и роль законодательных органов.

Следующие силы, как утверждают эксперты, смогут выступить в качестве деструктивных сил в регионе, которые играя на «этнической карте», привнесут новый виток нестабильности и конфронтации в странах:

- «третьи силы»;
- силы, заинтересованные по тем или иным причинам в дестабилизации региона или одной из стран региона;
- государственная идеология этнического национализма;
- официальная политика государства в области языка и этнических прав;
- группировки, занимающиеся незаконной торговлей наркотиками, оружием, людьми;
- религиозные группировки, которые преследуют цели распространения идей экстремизма и управления государством на основе шариата;
- региональные кланы диаспор в местах компактного проживания, которые опираются на свои метрополии во время передела власти и собственности.

«Вмешательство любых государств (Россия, США) может быть расценено негативно. Решающим здесь является политическая воля и готовность к диалогу самих государств, посредническую роль могут выполнять частично международные организации в смысле обеспечения объективной научной экспертизы и обоснованных рекомендаций»

Ответ ученого из Узбекистана

Как видно из ответов и оценок, именно акторы, находящиеся непосредственно в регионе, в большей степени могут повлиять на социально-политическую обстановку. Конечно же, в духе конспирологических теорий, не стоит забывать и о влиянии внешних акторов, которые по тем или иным политическим и геополитическим причинам решаются подлить свою ложку дегтя в процесс дестабилизации. Вместе с тем, именно политическая воля и намерения внутренних игроков все чаще являются первопричиной тех или иных конфликтов. Следовательно, некоторые внешние игроки могут только подключиться к процессам и извлечь выгоду из дестабилизации. Ранее упомянутые проблемы социально-экономического и политического характера являются самым важным катализатором таких тенденций, которые могут выливаться в этнические конфликты, чистки и склоки.

В качестве противовеса деструктивным силам эксперты предлагают обратиться к авторитету ряда структур и лиц, которые смогли бы своими действиями и риторикой предотвратить конфликтные ситуации или разрешить те или иные конфликтные моменты, связанные, в первую очередь, с «этническим вопросом»:

- люди с авторитетом на разных уровнях: на международном, региональном, государственном и местном;
- политические элиты;
- международные организации или третья сторона, не участвующая в конфликте и имеющая авторитет у обоих участников конфликта;
- пока никто;
- инициирование создания региональной структуры;
- создание подструктур внутри действующих региональных организаций.

Выводы и рекомендации

Экспертный опрос показал, что без комплексного подхода к этнической проблематике любые попытки «обуздать» конфликты на этнической основе окажутся весьма сложной затеей. Данное исследование, как и ответы и оценки экспертов, еще раз должно было доказать нам крайнюю необходимость в выработке социальной и ресурсно-ориентированной перспективы для того, чтобы этнический фактор не представлял собой раздражитель. Суждения экспертов помогают нам еще раз подчеркнуть то, что вопрос этничности может быть в сжатые сроки утилизирован и подвержен манипуляции, выливаясь в конфликтную ситуацию. Но фундаментом такой обстановки является, в первую очередь, социально-экономическая ситуация внутри общества и стран региона. В целом, для того чтобы понять многие важные и глубинные процессы внутри Центральной Азии, надо обращать внимание на этнический вопрос, но не менее важно рассматривать его в связке с другими проблемами, которые требуют дальнейшего решения и чуткого подхода и дальновидной политики государства.

Исходя из этого, мы и опрошенные эксперты предлагаем следующие рекомендации, которые, на наш взгляд, помогут в определенной мере улучшить ситуацию в наших обществах. Эти рекомендации ставят своей целью установление и сохранение межэтнического и внутриобщественного взаимопонимания, доверия и эмпатии.

Рекомендации социально-экономического характера:

- обеспечение равных прав и равных возможностей;
- повышение уровня жизни;
- решение социально-экономических проблем;
- улучшение экономических возможностей и создание подходящего климата для деловой активности.

Рекомендации законодательного характера:

- реализация конституционных прав нацменьшинств и поощрение выработки общегражданских ценностей;
- разработка политики по анклавам и спорным территориям;
- совершенствование правовой системы;
- соблюдение законов государства;
- окончательная делимитация границ;
- если для разрешения проблем анклавов требуется внешнее вмешательство в форме советов или содействия в международно-правовом регулировании, то необходимо такую помощь попросить.

Рекомендации политического характера:

- сохранение политической стабильности;
- пропаганда толерантности и взаимопонимания и резкое публичное осуждение актов дискриминационного характера;
- развитие политики и культуры многонациональности;
- проведение взвешенной политики в сфере межэтнического доверия и взаимопонимания;
- создание Ассамблей народа во всех странах;
- грамотное построение национальной политики;
- построение транспарентной демократической системы;
- проведение превентивной работы на различных уровнях;
- углубление интеграционных процессов в Центрально-Азиатском регионе;
- организация равноправных переговорческих структур с обеих сторон и создание условий для таких структур в анклавах.

Рекомендации в плоскости культуры:

- формирование уважения к культуре и традициям всех этносов;
- избегание дискриминационных практик и действий;
- создание возможностей для обучения на родном языке;
- организация более масштабных подходов к этнической проблематике;
- глубокое изучение межэтнических взаимоотношений в регионе;
- воспитание взаимного уважения этносов.

Рекомендации в плоскости науки и экспертизы:

- стимулирование развития «мозговых трестов», изучающих данную проблематику;
- своевременная и объективная оценка конфликтных ситуаций и анализ возможности предотвращения вооруженных столкновений.

АФГАНИСТАН ПОСЛЕ 2014 ГОДА: ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

РАФИК ТАИРОВ

Кандидат юридических наук, директор департамента военных и оборонных исследований АО «Центр военно-стратегических исследований» (Астана, Казахстан)

СВЕТЛАНА КОЖИРОВА

Доктор политических наук, профессор кафедры международных исследований ЕНУ им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Важным вопросом для всех государств Центральной Азии и международного сообщества остается региональная безопасность после вывода коалиционных сил из Афганистана.

Возможности быстрого решения проблем, накопившихся за почти 35-летнюю историю афганского конфликта, не находят реализации в силу своей сложности и неопределенности.

Вполне объяснимо, что объединяющим фактором для большинства государств Центрально-Азиатского региона является общая заинтересованность в стабилизации военно-политической обстановки в Афганистане.

Поэтому коллективный подход стран региона – это один из эффективных путей предотвращения многочисленных угроз безопасности.

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые усилия со стороны международного сообщества, сопредельных государств налаживанию отношений с Афганистаном, как на двусторонней, так и на многосторонней основе, в настоящее время не выработана единая, долгосрочная политика в отношении этого государства и Центральной Азии в целом.

Одной из причин такой ситуации являются разные уровни социально-экономического развития, потенциалов, возможностей и степени политической модернизации центральноазиатских государств.

Эти противоположные или, по крайней мере, не всегда совпадающие внешнеполитические векторы зачастую являются источниками противоречий. Как следствие – отсутствие единой концепции комплексных мер, позволяющих не конъюнктурно, в зависимости от интересов внешних и внутренних геополитических игроков, а на долгосрочной перспективе выстроить стратегию в регионе.

Сложившаяся в настоящее время ситуация в регионе не простая. В силу своего географического положения Афганистан лежит на стыке трех регионов: Центральной Азии, Южной Азии и Ближнего Востока. Общая протяженность его государственной границы составляет 5813 км. Страна граничит с шестью соседними государствами: Туркменистаном – 744 км, Узбекистаном – 137 км, Таджикистаном – 1387 км, Ираном – 936 км, Пакистаном – 2430 км и Китаем – 76 км.

Руководством Афганистана принимаются меры по обеспечению защите и охране своей государственной границы, однако сил и средств афганской пограничной полиции пока недостаточно.

Это вызывает определенную озабоченность своей безопасностью у граничащих с Афганистаном государств.

После вывода из Афганистана коалиционных сил НАТО и США, из-за имеющихся проблем по охране государственной границы, террористические атаки могут переместиться за пределы этой страны.

Особенно это касается таджикско-афганской, туркменско-афганской и афгано-пакистанской границ, по которым идет транзит наркотрафика, оружия, происходит незаконная миграция и распространение идей экстремистских религиозных течений.

Основными проблемами соседствующих с Афганистаном государств после вывода войск международной коалиции могут стать:

- борьба с незаконным оборотом наркотиков;
- борьба с международным терроризмом;
- борьба с незаконным пересечением государственных границ;
- вооруженные столкновения с экстремистскими группировками в приграничных с Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Пакистаном районах;
- увеличение потоков беженцев и незаконной миграции и т. д.

Очевидным является тот факт, что неблагоприятное развитие событий в Афганистане неизбежно повлечет обострение обстановки на путях миграции, в том числе и увеличение количества незаконных мигрантов и беженцев.

При этом внешними факторами, способствующими незаконной миграции, являются:

- нестабильность социально-экономической обстановки в странах исхода мигрантов;
- нестабильность политической обстановки в странах исхода мигрантов, последствия войн, вооруженных конфликтов, религиозной и расовой нетерпимости и т. п.;
- активная преступная деятельность организаторов незаконной миграции.

Несмотря на небольшую протяженность китайско-афганской границы, КНР еще в конце 2012 г. усилила имеющуюся группировку войск и пограничной службы на границе с Афганистаном. Цель такого решения – не дать беженцам проникнуть в Китай и помешать талибам и террористам использовать приграничные территории.

На прошедшем в конце марта текущего года в Астане третьем региональном совещании руководителей пограничных ведомств государств-участников СНГ ЦАР в очередной раз обсуждался вопрос складывающейся обстановки на внешних границах государств региона и тенденции ее развития после вывода международных коалиционных сил из Афганистана.

Участники делегации пограничных ведомств Кыргызстана, Казахстана, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Афганистана высказали предложения о разработке комплекса совместных мероприятий по противодействию угрозам пограничной безопасности в регионе¹.

В частности, практическая реализация комплекса мер направлена на оказание странами региона и Россией действенной помощи Таджикистану в усилении охраны таджикско-афганского участка границы, а также

[1] Главы пограничных ведомств стран ЦА обсудили предстоящий вывод войск коалиции из Афганистана — <http://www.ca-portal.ru/article:5900>

подготовки сил и средств пограничных ведомств к возможному изменению ситуации в регионе.

Таким образом, сегодня Центральная Азия представляет собой регион в высокой степени конфликтогенный, самым прямым образом способный влиять на состояние сферы безопасности, включая и территориальную целостность ключевых стран Центральной Евразии: России, Китая, Ирана, Индии и Пакистана.

В связи с этим было бы некорректным подходить к решению проблем Афганистана без учета региональной динамики и имеющихся угроз пограничной безопасности стран региона.

Поэтому, вкратце рассмотрим:

во-первых, ситуации таджикско-афганской, туркменско-афганской, афгано-пакистанской и афгано-иранской границ;

во-вторых, модели устойчивого развития Афганистана;

в-третьих, политику международных организаций и центрально-азиатских стран по отношению к Афганистану.

Сразу отметим, что это модель создана на основе анализа различных точек зрения ученых, политических лидеров, публикаций СМИ, глав государств путем поиска точек соприкосновения.

Пограничная проблема в странах Центрально-Азиатского региона остается одной из самых острых. Из трех центральноазиатских стран, граничащих с Афганистаном, самостоятельно защитить свои границы способен лишь Узбекистан.

Особую озабоченность, как отмечалось ранее нами, вызывает обеспечение охраны государственной границы на таджикско-афганском, туркменско-афганском и афгано-пакистанском направлениях, которая в той или иной мере может являться дестабилизирующим фактором, как для стран центральной Азии, так и для Афганистана. Рассмотрим их вкратце.

Ситуация на таджикско-афганской границе

Граница Афганистана с Таджикистаном составляет 1387 км. Существующая система охраны границы устарела и не является эффективной для защиты от боевиков и религиозных экстремистов, нуждается в материально-техническом оснащении.

Военно-политическим руководством Республики Таджикистан принимаются меры по укреплению границы на данном направлении, в том числе за счет помощи других государств.

Так, 5 октября 2012 г. в Душанбе были подписаны шесть документов, и главный из них – Соглашение о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Таджикистана. Оно было разработано вместо действующего договора, срок которого истекает в 2014 г. Новое соглашение будет действовать 30 лет, то есть до 2042 г., с последующими пятилетними продлениями, и станет гарантом безопасности Таджикистана от внешних угроз, в частности, от попыток нарушения государственной границы и вооруженных нападений со стороны афганских террористов.

Российская база насчитывает около 7000 военнослужащих и дислоцируется в Кулябе и Курган-Тюбе.

Также Российской Федерацией приняты решения об оказании содействия в укреплении таджикско-афганской границы, оборудование этой границы современными видами техники и оказании поддержки Таджикистану, по другим направлениям, включая сотрудничество по линии ОДКБ, между правоохранительными и пограничными службами.

Кроме того, посредством партнерских отношений между Таджикистаном и США граница республики уже 5 лет оборудуется по американским проектам и на американские деньги.

Справочно:

Так, пограничным войскам Таджикистана США оказана безвозмездная помощь транспортными средствами и оборудованием на сумму более 2 млн. долл. США².

Оборудование включает в себя: двадцать квадроциклов, десять снегоходов, шестьсот пятьдесят комплектов радиостанций «Моторола», тридцать три комплекта солнечных систем, сорок четыре комплекта компьютерного оборудования, а также тактические средства индивидуальной защиты.

Все это поможет пограничным отрядам, заставам и частям повысить способность обеспечивать безопасность границ Таджикистана от внешних угроз.

Вместе с тем, имеющееся соотношение сил и средств, согласно мировым стандартам, не позволяет в полной мере обеспечить надежную защиту охраны государственной границы между государствами.

Мировая практика охраны государственной границы предполагает от 10 до 50 чел. на один километр охраны границы.

Большая часть госграницы проходит по труднодоступным горным массивам, что затрудняет контроль и охрану на этих участках. При этом она усложняется:

- во-первых, военно-политической ситуацией в Афганистане;
- во-вторых, активностью трансграничных преступных группировок, действующих в сфере незаконного перемещения наркотиков, контрабанды оружия, устойчивой динамикой масштабов контрабанды наркотических средств через таджикско-афганскую границу.

Силовым структурам РТ удастся более-менее успешно подавлять террористические вылазки отдельных групп афганских боевиков.

Можно вспомнить трагические события в Хороге прошлого года, когда силовые структуры Душанбе были спровоцированы на карательную операцию, целью которой было прекращение деятельности памирских полевых командиров и заодно запугивание местного населения, традиционно находящегося в идеологической оппозиции к Душанбе. Сейчас, когда все основные памирские авторитеты нейтрализованы, искусственно нагнетается «китайский фактор».

Справочно:

Таджикистан за годы независимости уже передал Китаю 1,5 тыс. кв. км из спорных территорий, общая площадь которых составляет 28,5 тыс. кв. км. И вот новая договоренность с Поднебесной. Душанбе в счет погашения внешнего долга перед Пекином готовится передать еще часть памирского высокогорья, которое считается непригодным для жизни, но богато месторождениями драгоценных камней, редких минералов и даже урана. В Мургабе уже начались поисковые работы, делаются карты и в ближайшее время начнется оценка месторождений. Для того чтобы устранить препятствия, таджикский парламент 17 января 2013 г. ратифицировал подписанное в июне 2012 г. между правительствами Таджикистана и Китая соглашение о режиме таджикско-китайской государственной границы. По новым договоренностям для граждан, которые работают на сопредельной территории, упрощается въезд и выезд. Госграницу они пересекают по спискам.

[2] Посольство США оказало безвозмездную помощь пограничным войскам РТ — <http://www.pressa.tj/news/posolstvo-ssha-okazalo-bezvozmezdnyu-pomoshch-pogranichnym-voyskam-rt>

Памир – ключ ко всему Тянь-Шаню. Тот, кто будет контролировать Памир, получит и контрольный пакет в целом ряде «проектов века» Центральной Азии.

В рамках операции США-НАТО по передислокации войск, собранных на территории Афганистана западными союзниками, напряженность по линии афганской провинции Бадахшан – Горно-Бадахшанской автономной области РТ и далее в направлении Мургаб – Гульча – Ош формируется искусственно.

Китайцы, прикрываясь поиском месторождений, сейчас работают на упреждение: решая вопрос спорных территориальных участков, стремятся быстрее утвердиться и не допустить натовских военных на Мургаб. В любой конфликтности сейчас на Памире четко видны интересы двух сторон: КНР – с одной стороны, и Запада, оператором которого является в основном Великобритания – с другой.

Многолетний кризис в Афганистане оказывает серьезное влияние на различные сферы политической и социально-экономической жизни Таджикистана. До тех пор, пока в Афганистане не восстановится мир и спокойствие, Таджикистан будет испытывать негативные последствия этого конфликта, являясь по сути прифронтовым государством.

Некоторые аналитики предполагают, что при проведении операций в Афганистане силами афганской армии и войсками международной коалиции существует вероятность перехода границы Таджикистана вооруженными афганскими боевиками. Этот фактор может дестабилизировать без того сложную обстановку в Таджикистане. Уже сегодня в Таджикистане проживает более 6 тыс. афганских беженцев. Слабая экономика Таджикистана не в состоянии выдержать новой волны беженцев.

Следует также отметить, что закрыть коридоры транзита наркотиков из Афганистана силовым структурам пока не удается.

Анализ существующих официальных данных показывает, что объем незаконного оборота наркотиков в Таджикистане год от года увеличивается.

Основные причины неэффективности противодействия транзиту наркотиков:

- недостаточная финансовая, техническая и кадровая оснащенность таджикских силовых структур;
- большая протяженность таджикско-афганской границы, к тому же проходящей по сложному горному рельефу;
- высокий рост безработицы и миграционных процессов таджикских граждан в поисках работы за пределами республики.

Во многих районах Таджикистана высокий уровень бедности и социальной напряженности, поэтому вероятность возникновения серьезного социального взрыва здесь очень велика.

К примеру, только полтора миллиона таджикских граждан находятся в России на заработках. В связи с чем, 35% ВВП Таджикистана составляют переводы из-за границы³.

Кроме того, по данным Министерства экономического развития и торговли Таджикистана, 38% жителей страны находятся за чертой бедности, их ежедневный доход менее 10 сомони (чуть более 2 долл. США).

С учетом того, что средняя зарплата граждан Таджикистана крайне мала, наркодельцам не составляет большого труда найти желающих рискнуть своей свободой, а иногда и жизнью ради обещанных сумм (порядка 100 долл.) за перевозку наркотиков.

[3] Героиновые яйца – <http://customsunion.ru/info/4423.html>

Все это усугубляется и тем, что у таджикских граждан, вовлеченных в наркобизнес, нет языкового барьера с афганскими таджиками, и по этой причине им легко договариваться и даже координировать свои действия.

Только в первом квартале 2013 г. правоохранительными органами и силовыми структурами Таджикистан изъято более двух тонн наркотиков. Общий объем изъятого на 76,5% превысил показатель за аналогичный период прошлого года⁴.

Правоохранительными органами за тот же период арестовано в связи с наркопреступлениями 243 человека.

В целом ситуация в Таджикистане крайне сложная в связи с тяжелым экономическим положением и политической нестабильностью, все большее число граждан из числа молодежи вовлекается в сферу наркобизнеса и религиозно-террористические организации. Таджикистан является самым слабым звеном в Центральной Азии и дестабилизация на его территории может повлиять на ситуацию в Афганистане и регионе в целом.

Ситуация на туркменско-афганской границе

Внешняя политика Туркменистана, генеральной линией которой является принцип «позитивного нейтралитета», способствовала тому, что в течение двух последних десятилетий эта страна находилась в хороших отношениях со всеми властями и режимами, правившими в Афганистане.

В настоящее время около 500 тыс. этнических туркмен проживают по всему Афганистану⁵.

Протяженность туркменско-афганской границы составляет 744 км. На направлении имеется Кушкинская комендатура (г. Кушка), контрольно-пропускной пункт «Имамназар» (на территории района Атамурат Лебапской области), два пограничных отряда, Тахтабазарский (Тахта-Базар) и Койтендаг (Койтендаг).

Все транспортное сообщение, перевалка грузов и проход людей в эту страну осуществляются через пограничную комендатуру в г. Кушка и погранотряд в Тахта-Базаре.

Несмотря на то, что погранзаставы, погранкомендатуры, погранотряды обустроены и имеют развитую инфраструктуру, граница с Афганистаном практически открыта.

Официально ежедневно на территорию СНГ через туркменско-афганскую границу в среднем прибывают 20-30 иностранных граждан⁶.

Туркменистан считается одним из каналов, через который афганские наркотики незаконно попадают в Казахстан, Россию и Европу.

По мнению экспертов, Туркмения уже является одним из основных коридоров транспортировки наркотиков, однако общая закрытость страны затрудняет получение информации о наркотрафике.

Туркменистан не сталкивается с вызовами, связанными с религиозным экстремизмом, как другие центральноазиатские государства. Поэтому правительство Туркменистана может испытывать меньше беспокойства по поводу проникновения в страну вооруженных исламистов.

Ситуация на афгано-пакистанской границе

Пограничный вопрос был и остается одним из острейших в пакистано-афганских отношениях.

Граница Афганистана с Пакистаном составляет 2430 км, однако она не обозначена должным образом. Два государства разделены так называемой

[4] Таджикистан сообщает об успехах в борьбе с наркотиками — <http://centralasiaonline.com/ru/articles/caii/newsbriefs/2013/04/25/newsbrief-16>

[5] Афганистан: этнополитическая ситуация — <http://www.bsblog.info>

[6] Георгиев В. Туркмено-афганская граница может стать бесконтрольной — <http://www.ng.ru/cis/1999-12-24/>

«линией Дюранга». В Афганистане число пуштунов составляет примерно 14 млн. чел., в то время как в Пакистане оно превышает 20 млн. человек⁷. В связи с чем пуштуны оказались рассредоточены в двух государствах.

На сегодняшний день вдоль международной границы Афганистана с Пакистаном установлено около 700 пропускных пунктов, но в горной местности проконтролировать процесс пересечения границы по всей ее протяженности невозможно. Пакистанские и афганские власти практически не контролируют огромную часть приграничных территорий.

Только в провинции Белуджистан, по сообщениям пакистанской газеты «Доон», «в день границу пересекают от 50000-60000 человек»⁸. И никакие силы безопасности в этом районе не могут сдерживать или контролировать их потоки.

Афганско-пакистанская приграничная неурегулированность приводит к различному роду инцидентов, в которых вовлечены различные террористические группы, контрабандисты наркотиков, доходы от выращивания и продажи которых не только позволяют выжить крестьянам двух стран, но и создают финансовую основу для террористической деятельности.

Кроме того, на данных территориях со стороны Пакистана расположены места укрытий боевиков и других экстремистских организаций. Этот процесс частично, но сдерживается правительством страны.

По данным ООН, в Пакистане действуют 1500 медресе, куда набирают детей с раннего возраста, бездомных и из малоимущих семей. Их обучают на протяжении 8-10 лет. Спонсорами этих медресе являются некоторые арабские страны и международные организации. Учащиеся в стенах медресе обучаются нетрадиционному исламу и в дальнейшем могут быть использованы для экстремисткой деятельности в соседних странах Центральной Евразии.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что отряды талибов проходили подготовку в лагерях на территории Пакистана, получали оттуда оружие и боеприпасы, а пакистанские солдаты принимали участие в военных действиях на территории Афганистана на стороне талибов. Именно это и стало одной из причин военного успеха «Талибана» и его прихода к власти в 1996 г.

Постоянный переход границы боевиками «держит американские и афганские войска в постоянном напряжении».

По мнению экспертов, для уменьшения активности бандформирований необходимо ликвидировать центры по подготовке боевиков, маскирующихся под религиозные школы за пределами Афганистана.

Таким образом, приграничные территории остаются наиболее уязвимым местом.

Урегулирование пограничного вопроса между Пакистаном и Афганистаном лежит не столько в межгосударственной плоскости, сколько в международной.

По мере приближения 2014 г. – времени вывода из Афганистана американских войск – отношения с Исламабадом для Кабула должны стать все более значимыми в контексте стабилизации страны и борьбы с терроризмом.

Пакистан необходимо рассматривать как ключевого участника афганского урегулирования в логистическом, региональном и геополитическом контексте. Афганистан и Пакистан связывает общая история, и их будущее неотделимо. Поэтому необходимо и далее расширять

[7] Белокреницкий В.Я. Пуштуны и будущее Пакистана // Ближний Восток и современность: Сборник статей / Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; Отв. ред. М.Р. Арунова, А.О. Филоник. – М., 2003. – С. 46-53.

[8] Замараева Н. Пакистано-афганские отношения на современном этапе и пограничный вопрос – <http://www.centrasia.ru/>

двусторонние связи между государствами путем компромиссов и взаимовыгодных предложений.

Ситуация на афгано-иранской границе

Особого внимания заслуживает граница Ирана с Исламской Республикой Афганистан. Ее протяженность составляет 936 км.

На сегодняшний день, с учетом нерешенных проблем наркобизнеса в Афганистане, Тегеран и Кабул при поддержке UNODC продолжают осуществлять тесное сотрудничество в противодействии наркотрафику через ирано-афганскую границу.

Афганистан и Иран подписали соглашение по обустройству государственной границы между двумя странами. За последние годы на ирано-афганской границе вырыто более 700 километров рвов, построены пограничные заставы, протяженные приграничные укрепления, в том числе заградительные сооружения из колючей проволоки и бетонных заборов.

Вместе с тем Иран серьезно обеспокоен безопасностью своих границ с Афганистаном и проблемой контрабанды наркотиков из этой страны. Правительство Ирана имеет на востоке страны тысячи сотрудников служб безопасности и других силовых ведомств. Принятые меры позволили существенно уменьшить поставки афганского героина через иранскую территорию и перераспределить потоки на север от Афганистана.

Говоря о внешнеполитической деятельности Ирана в отношении Афганистана, необходимо отметить, что ее направленность и цели вполне объяснимы и характеризуются исключительно национальными интересами ИРИ в этой стране. Иранское руководство заинтересовано в существовании в соседнем Афганистане если не откровенно дружественного, то, по крайней мере, лояльного Тегерану режима, не имеющего политических, экономических или пограничных претензий к ИРИ и не бросающего идеологического – «исламского» вызова Ирану.

В связи с этим, иранские власти предпринимают активные меры по оказанию влияния на развитие обстановки в ИРА в целях продвижения своих интересов в Афганистане. Для этого Тегеран использует все имеющиеся у него способы и методы воздействия на кабульское руководство, авторитетных лидеров афганских общественно-политических, этнических и религиозных группировок, а также наиболее актуальный сейчас экономический фактор. Такая ситуация сохранится и на ближайшую перспективу.

Сегодня активно обсуждается дальнейшая судьба Афганистана, моделируются различные алармистские сценарии.

Вырабатываются различные программы для Афганистана, которые предполагают, как афганский народ должен жить. Почему мы считаем, что афганский народ сам не в состоянии этого делать?

Вместе с тем, ключ к решению проблем Афганистана находится, прежде всего, в руках самого афганского народа и правительства, как его законного представителя.

В связи с этим чрезвычайную важность представляют запланированные в 2014 г. президентские выборы в Афганистане.

Сегодня все та же логика диктует необходимость внутриафганского диалога с последующей выработкой приемлемых форм передачи власти, до того как войска коалиции покинут страну.

Собрать все основные фракции афганского общества за столом переговоров – задача поистине не из легких. Одна из причин – груз прошлого, особенно период господства движения «Талибан».

Необходимо дать афганцам возможность самим разобраться в своих делах и выбрать путь своего развития.

Либо это будет демократическое государство с институтом президентства и парламента, либо конституционная монархия. Решать афганскому народу.

Возможно на это уйдет 5-10 лет, это будет тяжело, но режим устоит, какой он устоит. И когда это произойдет, мировое сообщество не должно вмешиваться, оно должно оказывать гуманитарное содействие афганскому населению и налаживать национальную экономику.

И Казахстан в этом процессе готов принять самое активное участие. Подтверждением этой доброй воли свидетельствует выступление 26 апреля т. г. Президента Казахстана Н.А. Назарбаева на конференции министров иностранных дел стран-участниц Стамбульского процесса, где он подчеркнул, что «основополагающий элемент программ международного содействия – это экономическая реабилитация Афганистана. Необходимо форсировать расширение экономического сотрудничества в регионе и активно интегрировать Афганистан в эти процессы. Казахстан – твердый сторонник региональной интеграции»⁹.

Справочно:

Казахстан активно инвестирует в создание региональной транспортной инфраструктуры.

Транзитный коридор «Западная Европа – Западный Китай», железнодорожный маршрут «Казахстан – Туркменистан – Иран», транспортная инфраструктура Казахстана в системе Северной распределительной сети для вывода сил МССБ, новые идеи в рамках инициативы «Новый шелковый путь» – это вклад нашей страны в региональную интеграцию.

Мы поддерживаем крупные региональные проекты, которые еще находятся в стадии проработки.

Среди них «ТАПИ» (газопровод «Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия»), «КАСА-ТЫСЯЧА» (высоковольтная линия электропередачи «Central Asia-South Asia – 1000»), а также расширение сети железных дорог вокруг и внутри Афганистана.

Одним из пилотных проектов экономической реабилитации Афганистана рассматривается проект США – «Новый Шелковый путь». Существуют различные точки зрения в отношении данного проекта.

Так, по мнению экспертов, идея проекта заключается в том, что если Афганистан прочно войдет в экономическую жизнь региона, то он будет иметь больше возможностей для привлечения новых инвестиций, получит выгоды от регионального ресурсного потенциала, а также обеспечит рост экономических возможностей и ожиданий для своего народа. Такое расширение экономической деятельности принесет пользу не только Афганистану, но и обеспечит стабильность в регионе, в том числе через создание торговых стимулов и новых рабочих мест.

Внешне он призван дать толчок экономическому развитию региона, причем Афганистан выступает в качестве главного транспортного узла. Однако, по мнению других экспертов, проект призван увековечить американское влияние, оправдать сохранение военных баз в регионе и снизить роль Ирана, Китая и России.

Таким образом, «перетягивание каната» между конкурирующими центрами силы не будет способствовать дальнейшей стабилизации в регионе еще длительное время.

[9] Выступление Президента Казахстана Н.А. Назарбаева на конференции министров иностранных дел стран-участниц Стамбульского процесса 26.04.2013 г.

Внутриполитическая ситуация в Афганистане

Этнический фактор всегда играл огромную роль в общественно-политической жизни Афганистана, и нельзя недооценивать его значение и сейчас.

Афганистан не является и никогда не являлся моноэтническим государством. По данным опроса, проведенного Ассоциацией международной солидарности в Азии (Association for International Solidarity in Asia) при содействии Центра по изучению развивающихся стран (Centre for the Study of Developing Societies), а также Афганского центра социально-экономических исследований и изучения общественного мнения (Afghan Center for Socio-economic and Opinion Research) в 2010 г., в Афганистане проживают представители различных народностей, и ни одна из них не является доминирующей в плане численности.

Этническая группа	Процентный показатель количества	Численный показатель количества
Пуштуны	42%	около 12776369
Таджики	31%	около 8349000
Хазарейцы	10%	около 2737793
Узбеки	9%	около 2500000
Аймаки	2%	около 500000
Туркмены	2%	около 500000
Белуджи	1%	около 270000
Другие	3%	около 700000

Справочно:

При этом следует учитывать, что приведенные выше данные нельзя считать абсолютной истиной, поскольку они являются результатом опроса, а никак не переписи населения.

Если взглянуть на этническую карту Афганистана, то видно, что страна условно может быть разделена на две части: пуштунский юг и непуштунский север. Также на юге находится территория, заселенная белуджами, однако их небольшая численность на территории Афганистана не позволяет говорить о серьезном влиянии на этническую и политическую картину в данном государстве.

Из-за топографии и демографической структуры афганского общества разделение по этническому или племенному признаку становится в некоторых областях главным фактором. Если интересы какой-то группы не учитываются, она способна дестабилизировать обстановку в целом.

Пострадавшая в результате войны страна остро нуждается в примирении между всеми этническими группами, племенами и заинтересованными сторонами.

Поэтому одной из главных задач руководства Афганистана является консолидация общества в урегулировании межэтнических противоречий.

Можно предположить, что если данная проблема не будет решена, то сразу после вывода войск НАТО из страны в 2014 г. все межэтнические проблемы и конфликты в Афганистане получат новый виток развития, возможно, даже более интенсивный, чем ранее. Учитывая наличие коалиций, сложившихся во время последних афганских войн, а также возможную поддержку из-за рубежа каждой из сторон, можно предполагать, что не исключено фактическое разделение страны на две части: южную – населенную преимущественно пуштунами и контролируемую «Талибаном», и северную – территории с непуштунским населением и подвластные бывшему «Северному Альянсу».

Также следует принять во внимание и роль зарубежных союзников каждой из сторон. Пакистан и Иран однозначно будут активно

поддерживать своих афганских союзников с целью укрепления своего влияния в данном регионе, что может привести не только к продолжительному внутреннему конфликту внутри Афганистана, но и даже распаду (де-факто) страны как минимум на две части, а вероятнее всего на четыре: пуштунскую, хазарейскую, таджикскую и узбекскую.

В данном контексте из сложившейся военно-политической ситуации в регионе возникает вопрос о том, кто бы мог быть гарантом в стабилизации в Центрально-Азиатском регионе?

Можно подумать о формах пограничного контроля в формате ОДКБ.

Огромный потенциал представляет собой углубленное сотрудничество между НАТО и ОДКБ путем заключения официального договора между НАТО и ОДКБ, так как он будет подразумевать «военно-политическую симметрию» между обеими организациями.

В числе главных активов должна быть организована совместная работа ШОС и ОДКБ. Как инструмент содействия в обеспечении безопасности в Центрально-Азиатском регионе путем:

- создания режима безопасности по линии границ Афганистана со странами-участниками ОДКБ, где надо предусмотреть вопрос о совместном контроле за границей в рамках ОДКБ и ШОС;
- оказания помощи афганскому руководству в совершенствовании национальной законодательной базы, подготовке правоохранительных органов и в укреплении национальных вооруженных сил.

Шанхайская организация сотрудничества, объединяющая Россию, Китай и четыре из пяти стран Центральной Азии, скорее всего, предоставит полноправное членство Индии и Пакистану. Афганистан получил статус наблюдателя, а Турция стала партнером по диалогу. Уникальная конфигурация ШОС позволяет ей стать региональным «зонтиком», под которым Индия и Пакистан могли бы совместно решать вопросы региональной безопасности, включая те, что связаны с Афганистаном.

Кроме того, становится ясно, что Китай будет играть более значительную роль в Афганистане после 2014 г., в основном в рамках ШОС и через свои тесные связи с Пакистаном.

Вместе с тем, Китай и Россия чувствуют, что США пытаются передвинуть Центрально-Азиатский регион из орбиты Китая и России и приблизить его к странам Южной Азии.

Политика центральноазиатских стран по отношению к Афганистану должна проводиться с учетом ряда объективных и субъективных факторов.

Во-первых, с точки зрения обеспечения национальной безопасности, странам региона гораздо предпочтительней иметь если не откровенно дружественного, то, по крайней мере, нейтрального и лояльного соседа, не имеющего политических, экономических или пограничных претензий.

Во-вторых, географическое положение Афганистана делает эту страну потенциально выгодным торгово-экономическим партнером, а также необходимым посредником в вопросах транспортировки углеводородного сырья (нефть, природный газ и т. д.) и грузов различного назначения по направлениям «Север – Юг», «Запад – Восток».

И, наконец, в-третьих – общность исторических корней, близость языка, религии, культуры, обычаев и нравов создадут благоприятные условия для взаимного сотрудничества.

Таким образом, мира в Афганистане можно достичь лишь посредством политических и дипломатических методов, а также путем последовательной реализации крупных инфраструктурных проектов, направленных на возрождение экономики и социальной жизни афганского народа.

ЭВОЛЮЦИЯ ШОС И ДИСБАЛАНС ЕЕ ПРИОРИТЕТОВ

ЗАМИРА МУРАТАЛИЕВА

Кандидат политических наук, ученый секретарь Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском славянском университете, доцент кафедры политологии (Бишкек, Кыргызстан)

В настоящее время под эгидой Шанхайской организации сотрудничества реализуется сразу несколько крупных проектов, способных резко изменить жизнь региона, иными словами – поменять баланс сил на евразийском континенте в пользу Китая. Опыт еще «шанхайской пятерки» продемонстрировал высокий и во многом уникальный потенциал этого альянса. Особую функцию ШОС (далее – Организация) в виде гарантирования безопасности границ и стабильности в районах вдоль границы, как справедливо отмечают китайские эксперты, не имеет ни одна другая организация в регионе¹. А отсутствие ярлыка «блоковости» ШОС нужно использовать для осязаемого укрепления авторитета организации². Ведь в рамках ШОС строится новая система безопасности на основе партнерских, а не союзнических отношений³.

При наличии позитивных мнений о будущем и перспективах ШОС, существует и другая менее оптимистичная позиция. Так некоторые западные эксперты считают, что такие организации как ШОС и даже ОДКБ не представляют собой систему безопасности, а регион Центральной Азии является периферийным с точки зрения форматирования действенной геополитической системы безопасности. В силу этого, согласно выдвинутой концепции «подкомплекса безопасности», для США, России и Китая этот регион не более чем периферия их стратегических интересов⁴.

Доля правды в этом утверждении есть, учитывая, что для России и Китая ШОС служит хорошим механизмом реализации их стратегического партнерства, а также взаимного регулирования тонкого баланса в подводных течениях конкуренции и соперничества в Центральной Азии. Метафорично европейские эксперты называют Россию «солдатом поневоле», а Китай – «молчаливым торговцем»⁵.

В контексте противостояния Соединенным Штатам в данных метафорах прослеживается аналогичное для США и ЕС разделение зон влияния. Находясь по разные стороны баррикад, США и Россия являются сторонниками жесткой силы, ЕС и КНР – апологеты инструментов мягкой силы.

[1] ЧжаоХуашэн. ШОС и соотношение великих держав на фоне новой ситуации в регионе ЦА // *Analytic*. – 2003. – №1. – С. 3.

[2] Косачев К. ШОС как альтернатива американскому влиянию в Центральной Азии // *Независимая газета*. – 2003. – 29 сентября.

[3] См. подробнее: Галенюк Ю.М. Наказы Цзянь Цзэмина: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. – М., 2003. – С. 265.

[4] *Central Asian Security. The new international context* / Ed. By Allison. – L.: Johnson; Wash.: RHA: Brookings inst. Press, 2001. – XV, 279 p.

[5] Peyrouse S., Boonstra J., Laruelle M. Security and Development Approaches to Central Asia. The EU Compared to China and Russia // URL: www.eucentralasia.eu. (май, 2012).

Так, в рамках ШОС отчетливо заметны определенные расхождения между Пекином и Москвой. Последняя настаивает на усилении военного потенциала организации (инициатива создания на базе РАТС центра по противодействию угрозам безопасности стран-участниц ШОС) и пытается сдерживать интенсификацию экономического сотрудничества в рамках ШОС (инициативы КНР создания зоны свободной торговли, специального счета и банка ШОС), в котором КНР будет главным инвестором и торговым партнером центральноазиатских стран, что усилит ее авторитет как на уровне организации, так и в рамках двусторонних отношений, которым Пекин уделяет особое внимание. Значительные финансовые ресурсы позволяют Китаю выстраивать торгово-инвестиционные связи со странами региона на двусторонней основе без жестких гарантий и обязательств, что выгодно отличает его как от США, так и от России. Кроме того, КНР, являющаяся одним из основных торговых партнеров ЕС, активно участвует в проектах программы Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (CAREC), нацеленных на создание сухопутных торговых путей между Юго-Восточной Азией и Европой в обход РФ, что позволяет Пекину решить комплекс задач, связанный с Центральной Азией: обеспечение экономического роста и соответственно стабильности западных провинций (СУАР), формирование рынка сбыта своим товарам на пространстве от ЦА до ЕС, получение доступа к природным ресурсам региона ЦА.

Вместе с тем Россия, реагируя на американский проект «Нового Шелкового пути» и европейско-китайский CAREC, закладывает основу схемам евразийского сухопутного транзита. В частности, после бишкекского саммита глав правительств ШОС в декабре 2012 г., на котором Кыргызстан лоббировал идею финансирования странами-участницами ШОС железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», на неофициальном саммите глав государств-участниц ОДКБ была озвучена инициатива строительства железнодорожной магистрали «Россия – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан». При этом тип организаций, в рамках которых эти инициативы озвучивались, отражает тактики вовлечения стран ЦА в зоны интересов России и Китая, «солдата поневоле» и «молчаливого торговца».

С одной стороны, Пекин сохраняет с РФ единую позицию по ряду важнейших геополитических проблем, что не позволяет Западу ее игнорировать. С другой стороны, задача обеспечения военной безопасности региона остается в ведении России, что создает условия для дальнейшего наращивания экономического присутствия в ЦА и возможности избежать обвинений в планомерной экспансии на фоне сотрудничества с Россией. Вместе с тем, у Китая появляется возможность сосредоточиться на Азиатско-Тихоокеанском регионе, где нарастают противоречия с Японией – главным союзником США в регионе.

В свою очередь, центральноазиатские страны получают, во-первых, гарантии поддержки в случае отказа сотрудничать с США, во-вторых – массивную финансово-экономическую помощь.

Важно отметить, что для достижения плодотворного и эффективного сотрудничества в любом регионе и между любыми государствами, в первую очередь, необходимо сделать упор на одной или двух конкретных сферах, и только после достижения успеха в этих направлениях сотрудничество может быть расширено в других областях. В ситуации достижения полного компромисса в позициях стран-членов и дальнейшего развития организации можно переходить на более высокий уровень взаимодействия с новой повесткой дня. В случае ШОС можно отметить, что задачи в

решении вопросов границ и безопасности, которые были решены в самом начале функционирования шанхайской пятерки, в последующем были расширены. Как известно, был создан РАТЦ, задекларирована борьба с тремя силами зла, начали проводиться совместные военные учения. Здесь важно отметить, что на тот период времени Организация функционировала достаточно эффективно. Узбекистан, позитивно оценив деятельность ШОС, принял решение стать полноправным членом структуры в 2001 г. Однако в последние годы в деятельности Организации стал наблюдаться некий перекокс от проблем безопасности в сторону экономического сотрудничества. Можно наблюдать расширение масштабов кооперации в сторону интенсификации экономических взаимоотношений и развития инфраструктурных проектов, таких как транспортные коридоры и трубопроводные пути.

Как видно, этап взаимодействия по проблемам границ и безопасности перешел к экономической и образовательной сфере, что внушительно расширило компетенцию организации и заставило задуматься о приеме новых членов. В силу чего можно говорить о начале процесса поиска новой идентичности организации, от которого зависят перспективы ее развития.

Если анализировать этот переход с точки зрения интересов Кыргызстана и Таджикистана, то для политической элиты этих стран это очень удобный механизм получения инвестиций, а также финансируемых преференций от КНР.

Позиции Казахстана и Узбекистана в последние годы по поводу будущего развития ШОС условно можно сформулировать как наблюдательные, они будто заняли выжидательную позицию и пытаются спрогнозировать, какая из тенденций победит, а пока стараются балансировать между интересами РФ и КНР.

Россия скорее подобные сдвиги в сторону экономического взаимодействия воспринимает как угрозу ее влиянию в регионе, которая ведет к конфликту интересов. Можно добавить, что в то время, когда ШОС активно занималась решением проблем в области безопасности, внутренних расхождений не наблюдалось.

Инструментами эволюции Шанхайской организации сотрудничества по китайскому варианту выступают банк ШОС и фонд ШОС, которые активно лоббируются. То есть ШОС постепенно встает на путь превращения в механизм реализации внешней политики Китая, в частности ее экономических интересов. Аргументом в пользу этого утверждения служит тот факт, что в реальности пока еще ни один многосторонний экономический проект не был реализован. В основном договоренности и тесное сотрудничество происходят на двустороннем уровне: КНР-РТ, КНР-КР, КНР-РК и т. д. На наш взгляд, ШОС как международная организация в первую очередь создавалась для усиления многостороннего взаимодействия по актуальным проблемам развития, однако до сих пор единая идентичность организации находится в состоянии поиска.

Таким образом, в настоящее время отношения КНР и России на геополитическом пространстве Центральной Азии носят двойственный характер. С одной стороны, оба государства нацелены на сотрудничество, используя различные сферы для распространения своего влияния, ввиду присутствия в регионе третьего игрока – США, которые проявляют явно гегемонистские устремления. С другой стороны, экономическое усиление Китая в ЦА не может не затрагивать региональных интересов России. Доминирование в военной сфере на фоне социально-экономического кризиса, переживаемого странами региона, не может стать единственной основой долгосрочного присутствия РФ в регионе. Вместе с тем, для

России достаточно трудно конкурировать с Китаем в сфере экономики. Тактика КНР по экономической привязке региона на основе двустороннего сотрудничества выглядит более привлекательной, нежели предлагаемые Россией экономические интеграционные проекты, сопряженные с обязательствами и гарантиями стран-участниц в свете отсутствия у Москвы такого финансового резерва, как у КНР. Кроме того, необходимо учитывать и «потерянное десятилетие» 1990-х гг., когда Россия фактически прервала все торгово-экономические связи с центральноазиатскими странами, и отсутствие опыта владения механизмами мягкой силы, о необходимости использования которых было указано лишь в 2013 г. в Концепции внешней политики РФ.

Точка положительного эквilibриума в интересах стран-участниц ШОС до сих пор не найдена, выравнивание интересов между главными игроками и важными региональными силами находится в текущем состоянии. В настоящее время в данной организации не хватает внутренней силы сцепления для динамичного движения вперед.

Расширение ШОС в подобной ситуации неопределенности скорее будет способствовать разрыхлению, размытию ориентиров еще больше. Меняющаяся расстановка сил внутри организации будет стимулировать появление новых трений и разногласий. Учитывая, что Китай концентрирует свое внимание на торговле, экономическом взаимодействии, транспорте и инфраструктурных проектах с ЦА, Пекин будет воздействовать теми же методами на новых членов Организации – а это финансовые преференции и инвестиции.

ШОС воспринимается как часть внешней политики Китая, направленная на страны Центральной Азии и на создание позитивного имиджа Поднебесной. При наличии шквала критики в адрес ШОС, тем не менее, на мой взгляд, организация выступает весьма необходимым инструментом консолидации потенциалов стран-участниц. Возможно не сегодня, но в будущем, накопив опыт многостороннего взаимодействия, ШОС сможет решать насущные проблемы региона. Для того чтобы региональные механизмы Шанхайской организации сотрудничества начали работать на практике необходимо, на наш взгляд, не только вычленить и озвучить «корпоративные» интересы стран-участниц, но и обозначить четкие временные рамки определенных задач и ресурсы для их осуществления. В этом случае ШОС имеет шанс стать влиятельным субъектом и быть услышанной на мировой арене.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ МЕЖДУ ЕВРО-АТЛАНТИКОЙ И ЕВРО-АЗИЕЙ: РЫНОК УСЛУГ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ

ФАРХОД ТОЛИПОВ

Кандидат политических наук, директор негосударственного образовательного учреждения «Билим карвони» (Ташкент, Узбекистан)

Введение

Со времени разрушения Советского Союза регион Центральной Азии испытывает на себе одновременно разнообразные трансформации – демократическую, рыночную, культурную, национально-самоопределенческую, религиозную, геополитическую, секьюритологическую и т. д. Эти трансформации, каждая в отдельности и вместе взятые, стали сложным испытанием и экзистенциальным вызовом для новых независимых государств региона.

С тех пор так много дискуссий было проведено и достаточно статей написано о проблемах и перспективах построения архитектуры региональной безопасности, что аналитикам уже можно было бы найти решение этих проблем и предложить основы этой архитектуры. Однако эти проблемы не только не решены, но некоторые еще и усугубляются, а продолжающиеся научные дискуссии создают все более мрачную и сложную картину региональных дел в Центральной Азии.

Более того, собственно представления о регионализме в этой части мира оказались настолько дезориентированными и восприятия политической и геополитической фрагментации Центральной Азии настолько преувеличенными, что многие уже стали сомневаться в релевантности понятия «регион Центральной Азии». Все больше стала обсуждаться перспектива создания Евразийской системы безопасности, и все меньше внимания уделяется самоценности нашего региона.

Между тем, с 1991 года Центральная Азия (ЦА) оказалась в фокусе внимания мирового сообщества не только в силу обладания многочисленными природными ресурсами международного значения, но и в силу близости к одному из эпицентров угроз международной и региональной безопасности. Именно поэтому здесь появился, если так можно выразиться, «рынок секьюритологических услуг» различных провайдеров. В глобальной формирующейся архитектуре международной безопасности ЦА оказалась фактически между Евро-Азией и Евро-Атлантикой.

Теоретические и концептуальные аспекты проблемы региональной безопасности

Прежде чем говорить о решении проблем региональной безопасности, думаю, важно провести определенную инвентаризацию наших теоретических взглядов. Что мы понимаем под региональной

безопасностью? Суждения о региональной безопасности, очевидно, должны основываться на том или ином представлении о региональном сообществе, чью безопасность мы рассматриваем. Это сообщество, очевидно, должно рассматривать угрозы своей национальной безопасности как общие и как объединяющие их.

Кен Бут, с которым автор данной статьи согласен, следующим образом изложил задачу критической теории безопасности, которая должна развивать свое учение, фокусируясь на безопасности или незащищенности реальных людей в реальном месте: эта теория может транслироваться в две задачи критики и реконструкции. Критика означает критическое рассмотрение того, что является реальным (онтология), что является надежным знанием (эпистемология) и что можно сделать (праксис). Реконструкция требует занятия конкретными вопросами мировой политики, имея в виду максимизацию возможности для увеличения безопасности, общности и эмансипации в интересах человека¹.

Итак, онтологический аспект проблемы звучит так: составляют ли пять стран ЦА – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – говоря терминами Карла Дойча, «сообщество безопасности»? Последнее, по Дойчу, является интегрированной группой стран и народов, которая обладает институтами и обычаями коммуникации, гарантирующими мир и отсутствие противоречий между этими странами². Многие могут утверждать, что искомые страны не составляют сообщества безопасности, поскольку между ними накопилось немало конфликтогенных проблем, которые якобы разделяют их.

Разделительный характер любой конфликтогенной проблемы очевиден, но при соответствующем подходе и интерпретации проблемы очевиден также и объединительный ее потенциал, что зачастую игнорируется в исследованиях нашего региона. Вспомним историю европейского регионализма и регионального объединения. Таких конфликтов, междоусобиц, территориальных, ресурсных и иных споров, каких испытала на себе Европа, наш регион и не испытывал. Но эти конфликты не только не помешали Европе объединиться, но даже стали причиной, толчком к интеграции.

Имеющиеся территориальные проблемы в ЦА связаны, как известно, с искусственным разделением региона в 20-х и 30-х годах прошлого века. В годы советской власти это разделение оставалось административным, условным и символическим, а после распада СССР оно стало, можно сказать, действительным и межгосударственным. Это повлекло за собой импликации международного характера, которые для стран региона оказались неожиданным вызовом, поскольку они свои внешнеполитические и внешнеэкономические действия стали соизмерять со своими национальными интересами, а также с «новомодной» геополитической конъюнктурой. На мой взгляд, два главных фактора – гипертрофированное представление о национальных интересах и деструктивная геополитика – в значительной степени негативно повлияли на интеграционный процесс, замедлив и даже приостановив его. ННГ ЦА встали перед ментальным и стратегическим вызовом, когда надо определять национальные интересы в условиях повышения статуса интересов международных, региональных и гуманитарных. Во многом поэтому страны региона встали перед вероятностью разного рода напряженностей, инцидентов, конфликтов и войн по поводу водораздела

[1] Ken Booth, *Beyond Critical Security Studies*, in "Critical Security Studies and World Politics", edited by Ken Booth (New Delhi, Kolkata: Viva Books, 2005), p. 275.

[2] Deutsch, K. *Political Community and the North Atlantic Area* (Princeton, 1968).

и строительства новых ГЭС, делимитации и демаркации границ, принадлежности тех или иных культурных и исторических центров и т. д.

Появление внутрорегиональных вызовов совпало с обострением нетрадиционных угроз международной безопасности, таких как: терроризм, религиозный экстремизм, трансграничная организованная преступность, наркотрафик, массовая трудовая и иная миграция людей, распространение опасных болезней, экологические угрозы и др. Центральная Азия оказалась почти полностью окруженной ядерными государствами или пороговыми государствами в военно-ядерной области. Таджикистан испытал на себе гражданскую войну, а в Кыргызстане (два раза, с 20-летним перерывом) в г. Ош происходили массовые кровопролитные межэтнические столкновения между местными киргизами и узбеками. В соседнем Афганистане после прихода к власти Талибан тоже произошла гражданская война, завершившаяся вводом иностранных войск в октябре 2001 г. В такой сложной секьюритологической среде происходило возрождение регионализма в Центральной Азии с 1991 г.

Параллельно с этим процессом, как известно, в настоящее время широко обсуждается перспектива создания общего пространства безопасности от Владивостока до Лиссабона. Эта концепция возникла из представления об общности тех новых, не традиционных вызовов безопасности, с которыми сталкиваются страны Европы и Евразии в XXI в. События 9 сентября в США и последовавшая операция международных сил в Афганистане во многом еще раз подтвердили востребованность создания общего пространства между Владивостоком и Лиссабоном, т. е. между Евразией и Европой. Символичность обозначения этих двух городов как бы подчеркивает масштабность и всеобъемлющий характер концепции и холистический подход к вопросу об обеспечении безопасности на этом обширном пространстве.

Однако подготовка, так сказать, к «магической дате» — «2014» и представления о возможных новых вызовах с территории Афганистана свидетельствуют о наличии множества факторов неопределенности касательно ожиданий и приготовлений к этой дате стран региона Центральной Азии, России, Кавказа, Восточной и Западной Европы. В этом символическом пространстве безопасности от Владивостока до Лиссабона расположены разные страны, ведущие разнотипную внешнюю политику и подверженные в разной степени влиянию геополитических трендов, что неизбежно влечет за собой фрагментарность этого обширного пространства. Одна из таких стран — Узбекистан.

Узбекистан вышел из состава Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в 2012 г. Его внешнеполитическая доктрина основана на принципе двусторонности и отказа от членства в военно-политических блоках. Кроме того, Узбекистан, как и другие государства Центральной Азии, являясь участником Программы НАТО «Партнерство ради мира», сотрудничает с Северо-Атлантическим альянсом в вопросах обеспечения своей безопасности, с которым у России существует особый формат взаимодействия — Россия-НАТО. В то же время, взаимодействие по линии ОДКБ-НАТО также еще не вполне сформировалось, что свидетельствует о сохранении в регионе ситуации геополитического напряжения. Наконец, в 2014-2015 гг. в Узбекистане пройдут соответственно парламентские и президентские выборы, которые могут привести новые повороты как во внутреннюю, так и внешнюю политику этого государства. В этих условиях как региональная безопасность в Центральной Азии, так и национальная безопасность Узбекистана оставляют открытым вопрос о

«зонтике» безопасности для региона. Как выясняется, «общее пространство безопасности» между Евразией и Европой пока еще разделено, и стратегические позиции и перспективы стран заметно отличаются друг от друга.

Перейдем к эпистемологическому аспекту рассматриваемой проблемы: что мы знаем о безопасности региона и механизмах ее обеспечения?

Возможна ли региональная система коллективной безопасности?

В условиях перманентного геополитизированного статус-кво и появления рынка услуг безопасности в ЦА встает естественный вопрос о выборе наилучшей системы или, как говорят, «зонтика» региональной безопасности для искомых пяти стран региона. В частности, уместен и вопрос: а возможна ли собственно региональная система коллективной безопасности, создаваемая самими этими странами?

В 2005 г. Президент Узбекистана Ислам Каримов заявил, что в регионе сложилась ситуация «стратегической неопределенности»³. Я думаю, так же мог заявить тогда президент любой другой страны региона. Геополитика великих держав – с одной стороны, внутрирегиональные проблемы – с другой, испытание суверенитетом – с третьей, и Афганистан – с четвертой, в значительной степени усложнили оценку стратегической обстановки, что можно обнаружить на статических и практически инвариантных описаниях вызовов региональной безопасности. Знание закономерностей развития среды безопасности (security environment) требует, прежде всего, правильной оценки вызовов безопасности. Эти вызовы не даны нам раз и навсегда как неизменные величины, однако игнорирование их изменчивого характера зачастую приводит к искаженным представлениям о региональной безопасности и способах ее обеспечения.

Мы с 1990-х годов слышим об угрозе терроризма, экстремизма и т. д., особенно в контексте событий в соседнем Афганистане. Это верно, что существуют такие угрозы. Но очевидно и то, что уровень этой угрозы в разное время был разным. Террористическая и иная угроза с афганской территории существовала, в общем-то, всегда, безотносительно присутствия или отсутствия там иностранных сил. Поэтому оценивать потенциальную угрозу следовало бы не в рамках статической формулы «будет или не будет» эскалация угрозы после 2014 г., а с точки зрения того, как изменился характер и уровень угрозы в сравнении с тем моментом, когда угроза была наивысшей – т. е. когда произошли события 11 сентября 2001 года, когда талибы, властвовавшие в Афганистане, стояли у границ центральноазиатских стран. С этой точки зрения нельзя не признать, что военная операция в Афганистане во многом снизила потенциальную угрозу с территории этой страны в северном направлении.

Интересный анализ сделал российский эксперт Андрей Серенко. «В такой ситуации у лидеров Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и Таджикистана, похоже, остается лишь два выхода. Первый – отправляться в Москву и, идя на все возможные уступки, добиваться модернизации системы ОДКБ и размещения российских войск вдоль афганской границы. Второй – перестать реагировать на политические манипуляции и нервозность Москвы, озабоченной своим статусом в постсоветской Центральной Азии, и начать перезагрузку в отношениях с США и НАТО, частью которой станет создание, вместо одного «Манаса», целой серии западных военных баз на пространствах севернее Амударьи и Пянджа.

В отличие от сил ОДКБ и Российской армии, которые в постсоветский период не участвовали ни в одном серьезном международном вооруженном

[3] Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса 28.01.2005 г.

конфликте, силы США и НАТО продемонстрировали в Афганистане высокие боевые качества, способность успешно сдерживать экспансию вооруженных исламистских движений. Да, натовцы не создали в Афганистане государства всеобщего благоденствия и не уничтожили полностью «Талибан», однако они на целых 12 лет загнали исламистов в жесткую «афганскую» резервацию, фактически обеспечив на это время безопасность для всей постсоветской Центральной Азии, да и для Российской Федерации также».

«Все это дает основания полагать, что в случае появления проекта размещения американских и натовских военных баз в Индии активизируется аналогичный процесс также в отношениях Вашингтона и Брюсселя со столицами республик Центральной Азии. Итогом этого весьма интересного процесса станет радикальное изменение всей системы региональной безопасности в Центральной и Южной Азии»⁴.

Как видим, ситуация стратегической и геополитической неопределенности ставит страны ЦА перед сложным выбором. Вместе с тем, эта сложность predetermined во многом модальностью геополитической игры, которая в свою очередь была основана на старых представлениях о международной системе как арене соперничества великих держав, делящих мир на сферы влияния. Центральноазиатские государства настолько увлеклись «романтикой» мифической Большой игры (макро-геополитики), что не заметили как вовлеклись в далеко не мифическую Малую игру (микро-геополитику) между собой⁵.

Наиболее точно, как представляется, цели США выразил известный американский ученый Фредерик Старр: «Цель Америки не в том, чтобы увеличивать иностранные войска в регионе. Напротив, она стремится помочь центральноазиатам и афганцам укрепить свои собственные границы и со временем сделать присутствие всех иностранных войск, включая американские, ненужным. Чтобы это произошло, все соседние страны, и особенно Россия и Китай, должны убедиться, что регион растет в большей безопасности в военном, политическом и экономическом отношении»⁶.

Ведущий американский эксперт по Центральной Азии очевидно прав, когда замечает, что старая «Большая игра» не может быть адекватной стратегией глобальных держав в данном регионе. «Основная истина, на которой любое рассмотрение безопасности для Центральной Азии должно основываться, заключается в том, что ни одна отдельная страна или две страны не могут обеспечить адекватную среду безопасности для центральноазиатского региона. Окруженная ядерными государствами и грозными региональными державами, каждая из которых имеет тесные исторические и культурные связи с регионом, Центральная Азия не может зависеть в вопросах своей безопасности ни от одной, не подвергая при этом опасности безопасность всех других»⁷.

Итак, что мы знаем об угрозах, способах противодействия им, как мы оцениваем стратегическую обстановку, какие факторы и закономерности определяют формирование и изменение среды безопасности в регионе, кто может быть основным субъектом и кто может быть провайдером региональной безопасности – все это первостепенные вопросы, без осмысления которых все наши рассуждения по данной проблеме будут не полноценными. И еще: для какого именно региона мы конструируем

[4] Серенко А. Вывод сил США и НАТО из Афганистана может привести к появлению американских военных баз в Индии — <https://afghanistan.ru/doc/63716.html>

[5] Tolipov F. "Micro-Geopolitics of Central Asia: A Uzbekistan Perspective", in *Strategic Analysis*, Volume 35 Issue 4, July 2011.

[6] Starr, F. "The United States, Afghanistan, and Central Asia", in *Nordic Newsletter of Asian Studies*, no. 3 / 2002.

[7] Ibid.

эту самую региональную безопасность? Центральная Азия в секьюритологическом смысле – это часть Евро-Азии, Евро-Атлантики или самостоятельный регион?

А теперь рассмотрим праксиологический аспект изучаемой проблемы.

Провайдеры безопасности в Центральной Азии

В регионе возник, если так можно выразиться, «рынок секьюритологических услуг»: ряд международных организаций, а также великие державы мира, включая Европейский союз, реализуют свою центральноазиатскую стратегию (или программы, проекты), в которой приоритетным направлением является содействие в решении проблем региональной безопасности.

Рассмотрим некоторые из них.

ОДКБ является, на мой взгляд, средством реализации российской версии доктрины Монро для постсоветского пространства. Это своего рода инструмент «многосторонней двусторонности» РФ, если не сказать «многосторонней односторонности», в силу того, что эта организация фактически центрирована на Россию и практически полностью зависит от российской мощи, позиции и политики. В общем-то, так видят ее все государства-члены: для них участие в ОДКБ есть скорее форма их отношений с РФ, чем подлинно формат многостороннего сотрудничества. В 2012 г. бюджет этого шестистороннего квази-альянса составил всего 53 млн долларов, что отражает его очень лимитированный потенциал. Как организация коллективной безопасности, ОДКБ испытывает серьезную проблему коллективизма. ОДКБ не смогла пока разрешить вышеупомянутую «стратегическую неопределенность» во многом из-за парадокса формулирования российской стратегии в ЦА, который заключается в неизбежности для России преодоления постсоветского реликта и в то же время становления в качестве нового центра притяжения для новых независимых государств⁸.

ОДКБ, несомненно, имеет определенный практический актив: в 2009 г. были созданы силы КСОР, которые проводят регулярные учения «Нерушимое братство»; проводятся учения миротворческих сил «Взаимодействие», антинаркотические операции «Канал», а также учения «Гром» и «Рубеж»⁹. Вместе с тем, функциональность этой организации постоянно ослаблялась пропорционально ослаблению единства ее членов. Так, Узбекистан сохранял в ней двойственную и пассивную позицию. А в декабре 2012 г. Узбекистан вышел из ОДКБ и тем самым добавил в стратегическую неопределенность в регионе. Фактически контуры системы региональной безопасности в ЦА оказались размытыми, и теперь трудно представить, как ОДКБ может служить зонтиком безопасности для всей ЦА без Узбекистана, который к тому же демонстрирует активизацию своего партнерства с НАТО¹⁰.

Тем временем представители ОДКБ утверждают, что хотя государства как члены организации несут на себе соответствующую ответственность, это не исключает права каждого сотрудничать с другими странами и международными организациями. Последовательная позиция членов ОДКБ, как утверждают они, заключается в том, что они не рассматривают ни одно государство мира как своего противника¹¹.

[8] Trenin, D. *Russia and Central Asia: Interests, Policies, and Prospects*, in Boris Rumer (ed.), "Central Asia: views from Washington, Moscow and Beijing" (New York 2007), p. 127.

[9] <http://www.odkb-csto.org/training/>

[10] Tolipov, F. *Uzbekistan without the CSTO*, in Central Asia and Caucasus Institute Analyst, 02/20/2013, <http://www.cacianalyst.org/?q=node/5929>

[11] Lyakin-Frolov, I. *The CSTO as a Guarantor of Eurasian Security*, in A Russian journal of World Politics, Diplomacy and International Relations, Vol. 58, No.4, 2012, p.166.

Шанхайская организация сотрудничества рассматривается многими как китаецентричная организация и, по аналогии с ОДКБ, во многом представляет собой специфический многосторонний геополитический формат для реализации китайской стратегии в ЦА. Это объединение, хоть и не является организацией безопасности как ОДКБ, все же претендует на роль геополитического «сообщества континентальных государств»¹². Повестка дня ШОС включает борьбу с «тремя злами» — терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом — в качестве приоритетных направлений. В Ташкенте находится Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС. Повестка в сфере безопасности в рамках ШОС предусматривает сотрудничество в таких направлениях, как энергетическая безопасность, продовольственная безопасность, информационная безопасность, реагирование на чрезвычайные ситуации, борьба с наркотиками. Организация проводит контртеррористические учения «Миссия мира». Тем не менее, ШОС никогда не провозглашала себя организацией безопасности и государства-члены ШОС пока не востребовали услуги этой организации, когда сталкивались непосредственно с террористической или экстремистской угрозой.

Тем временем, определенная секьюритологическая завязка центрально-азиатских стран на Россию и/или Китай, видимо, неизбежна и обусловлена одним объективным фактором, а именно — сухопутной замкнутостью малых стран нашего региона. Есть еще один фактор подобной сцепки, на который указывают некоторые аналитики: это «протекционная интеграция», т. е. форма коллективной политической солидарности с Россией и Китаем против международных политических процессов, или повестки, которые воспринимаются как вызов находящимся у власти режимам и их лидерам¹³.

ОБСЕ — еще одна важная международная организация безопасности, в которую центральноазиатские страны вступили вскоре после обретения независимости, в 1992 г. Это практически был первый случай, когда молодые недемократические страны встретили нормативный вызов в рамках многостороннего форума. Именно в этой нормативной области деятельность ОБСЕ принципиально отличается от деятельности ОДКБ и ШОС. Действительно, европейская приверженность ценностям демократии и прав человека и выдвигание этих ценностей как важных условий достижения и укрепления мира, стабильности и безопасности контрастирует с российской, узбекской, казахской, таджикской, белорусской и т. д. позицией, которая на первый план выдвигает сохранение стабильности как условия строительства демократии¹⁴.

Симптоматичным в этом отношении стал демарш государств СНГ, включая ЦА, во главе с РФ в 2003 г. против ОБСЕ, когда они обвинили организацию в якобы несбалансированной деятельности и уклоне в сторону демократии и прав человека. Узбекистан пошел даже дальше и понизил статус Центра ОБСЕ в Ташкенте до статуса Координатора проектов ОБСЕ в Узбекистане. Сегодня эта организация безопасности осуществляет небольшие проекты отдельно в каждой республике региона, и ее деятельность здесь заметно ослабла в последнее время. Даже саммит ОБСЕ в Астане в декабре 2010 г. стал иллюстрацией ее регресса, нежели прогресса¹⁵.

[12] Barsky, K. Central Asia Under the SCO's "Impermeable Umbrella", in A Russian journal of World Politics, Diplomacy and International Relations, Vol. 58, No.4, 2012, p.158.

[13] Allison, R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia, in Central Asian Survey, Vol. 27, No.2, 2008, pp. 185-186.

[14] Lundin, L.-E. and van Kaathoven, K. Deciphering the Security Community Debate, in the ISDP Policy Brief, No. 107, November 30, 2012. See: www.isdp.eu

[15] Итоговая Декларация Астанинского саммита ОБСЕ и прилагаемые к ней поясняющие заявления ряда государств могут быть подтверждением этого тезиса. См.: http://www.osce.org/search/apachesolr_search/Declaration%20Astana%20Summit.

ООН как универсальная глобальная организация, как известно, осуществляет свою деятельность на основе всеобъемлющего подхода к международной безопасности с особым фокусом на развивающиеся (developmental) программы. Можно сказать, функция провайдера услуг безопасности распределена по таким специализированным учреждениям, как UNDP, UNODC, UNHCR, UNICEF, а совместная с ЕС программа WOMSA — по управлению границами в ЦА.

Надо заметить, что в отличие от других международных организаций ООН уделяет внимание региональному измерению проблем стабильности, безопасности и развития. Так, создание Регионального центра ООН превентивной дипломатии в ЦА – UNRCCA – в Ашхабаде, как представляется, может стать важным элементом зарождающейся архитектуры региональной безопасности. Примечательно, например, что Программа действий UNRCCA на 2012-2014 гг. включает, в частности, проведение регулярных встреч для продвижения перспективных подходов среди организаций, имеющих дело с вопросами мира и безопасности в Центральной Азии, включая ОБСЕ, ШОС, ОДКБ, НАТО и др. Эта программа предусматривает также сотрудничество с представителями Миссии ООН содействия Афганистану (UNAMA) для обмена взглядами и выработки рекомендаций касательно роли стран региона в усилиях по миростроительству в Афганистане¹⁶.

НАТО среди других международных организаций, наверно, внесла наиболее весомый вклад в региональную безопасность Центральной Азии. Сотрудничество Северо-Атлантического альянса со странами ЦА прошло две большие насыщенные стадии: Программа «Партнерство ради мира» (ПРМ) и взаимодействие по поддержке миссии ISAF НАТО в Афганистане, в том числе создание Северной сети поставок (Northern Distribution Network – NDN). Практически все государства ЦА участвуют в программе ПРМ с 1994 г. (Таджикистан присоединился в 2002 г.) и с тех пор приобрели достаточно уникальный опыт взаимодействия с Альянсом¹⁷. Нарастание этого опыта происходит ныне в связи с NDN и соответственно новая геополитика дает о себе знать; при этом, как отмечают некоторые наблюдатели, отныне центральноазиатские страны не смогут сохранять низкий профиль в региональных делах, как это было до сих пор¹⁸.

Вывод войск НАТО является одновременно серьезным вызовом и возможностью для стран ЦА для углубления сотрудничества с Альянсом¹⁹ и через это друг с другом. Генсек НАТО недавно заявил, что Альянс должен быть всегда готов сдерживать и защищать против любой угрозы. Альянс переходит от операционных действий к операционной готовности, от кампании к чрезвычайным обстоятельствам, от размещения сил к их подготовке²⁰. В этом контексте будут ли центральноазиатские страны удерживать свою значимость для НАТО и после 2014 г., стремясь найти свой новый *modus vivendi* между Евро-Азией и Евро-Атлантикой?

Более глубокий анализ ситуации на рынке, так сказать, секьюритологических услуг обнаруживает еще более сложную картину действительности: особым явлением стало размещение различных иностранных военных объектов на территории практически всех

[16] <http://unrcca.unmissions.org/Default.aspx?tabid=9306&language=en-US>

[17] Подробную информацию о партнерствах между Казахстаном и НАТО, Кыргызстаном и НАТО, Таджикистаном и НАТО, Туркменистаном и НАТО, Узбекистаном и НАТО можно найти на сайте НАТО — <http://www.nato.int>.

[18] Reisinger, H. "How to get out of Afghanistan: NATO's withdrawal through Central Asia", in NATO Defense College Research Paper, No. 79. June 2012.

[19] Ibid.

[20] "NATO after ISAF – Staying Successful Together". Remarks by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Munich Security Conference on 02.02.2013. http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_94321.htm

государств региона. Этот феномен я называю «гонкой баз». В этой гонке участвуют США, Россия, Германия, Франция, НАТО и даже Индия.

На территории Казахстана имеются 7 российских военных объектов, пять – на территории Кыргызстана, включая российскую авиабазу «Кант», два – на территории Таджикистана, включая 201-ю дивизию в статусе военной базы²¹. США имеют свою авиабазу «Ганси» на аэродроме «Манас» Кыргызстана, а в период с 2001 по 2005 гг. размещали свой контингент на авиабазе Карши-Ханабад на территории Узбекистана. Небольшой немецкий контингент расположен в аэропорту г. Термез на юге Узбекистана. Далее, до недавнего времени много было рассуждений о том, что как РФ, так и США планируют разместить новые военные объекты: из России доходили сигналы о возможности размещения второй российской базы на юге Кыргызстана, где США, в свою очередь, якобы намеревались открыть тренировочный центр. Симптоматичным в этом отношении стало сообщение о том, что еще в 2006 г. Таджикистан предлагал США разместить авиабазу на своей территории, но Вашингтон предпочел «Манас». А в 2010 г. Таджикистан вновь озвучил это свое предложение США²².

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что все эти провайдеры при их очевидно сильных и очевидно слабых сторонах, разумеется, не могут стать гарантами региональной безопасности, поскольку таким гарантами, прежде всего, могут и должны стать сами государства региона. Международные организации и великие державы могут лишь, так сказать, ассистировать странам региона, но последние несут главную ответственность за состояние дел в регионе. Надо отметить, с начала независимости в 1990-х гг. вплоть до приблизительно 2006 г. страны ЦА последовательно двигались в направлении усиления регионального объединения, включая сферу безопасности. Стоит вкратце упомянуть лишь некоторые факты, имеющие отношение к региональной безопасности, которые часто недооцениваются.

В 1992 г. в Ташкенте был подписан Договор о коллективной безопасности; в том же 1992 г. пять государств региона подписали Соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников»; в 1993 г. был создан Международный фонд спасения Арала; в 1995 г. был создан Центрально-Азиатский батальон (Центразбат); в 1997 г. 5 государств провозгласили зону, свободную от ядерного оружия в ЦА; в 2001 г. была создана Организация Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС); в 2000-х гг., когда в регионе усилилась террористическая угроза, три государства – Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан – создали совместный штаб для проведения контртеррористической операции; и т. д. Но, к сожалению, после известных андижанских событий в мае 2005 г. региональный интеграционный процесс оказался заморожен, и проблемы безопасности вновь стали обостряться.

Наконец, в июне 2013 г. в Ташкенте был подписан Договор о стратегическом партнерстве между Казахстаном и Узбекистаном, который, как представляется, может поднять на новый уровень не только двусторонние отношения между этими ключевыми государствами Центральной Азии, но и иметь серьезные импликация для всего региона. Но для этого эти два государства должны привнести новые подходы и новые взгляды на регион и на свои внешнеполитические позиции²³.

[21] Военные базы России за границей. Справка. Источник – РИА Новости, 16.02.2010.

[22] "Tajikistan Wanted U.S. Air Base At Kulyab; Rumsfeld Gave Them Bridge Instead", by Joshua Kucera, <http://www.eurasianet.org/node/66698> March 15, 2013.

[23] Tolipov F. "Uzbekistan and Kazakhstan: Competitors, Strategic Partners or Eternal Friends?", in 08/07/2013 issue of the CACI Analyst" <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12786-uzbekistan-and-kazakhstan-competitors-strategic-partners-or-eternal-friends?.html>

Заключение

Итак, геополитическая Большая игра в Центральной Азии приближается к своей кульминации, возбудив еще и Малую игру. И модальность этой игры теперь определяются не только сверхдержавами, но и самими государствами региона. Казахстанский политолог С. Кушкумбаев точно заметил, что распад биполярной структуры международных отношений привел к резкому уменьшению сверхдержавного регулирования и потере стабильного баланса²⁴. В период холодной войны глобальный баланс сил между двумя доминирующими сверхдержавами служил основным механизмом установления и регулирования локальных (региональных) балансов. Как показал в свое время Ганс Моргентау, «чем больше локальный баланс сил связан с доминирующим балансом, тем меньше возможностей он имеет действовать автономно и тем больше он становится просто локальным проявлением этого доминирующего баланса сил»²⁵.

Именно эта увлеченность геополитикой, балансированием, узко понятыми национальными интересами вернула новые независимые государства ЦА в старую систему международных отношений. Надо задаться вопросом: Достигли ли наши страны и народы за 22 года независимости большей безопасности, и какое состояние своего бытия и развития они называют безопасным?

Центральная Азия однозначно представляет собой «комплекс безопасности», но она еще не стала «сообществом безопасности». Исследования искомой проблемы, кажется, должны выйти за рамки статичных описательных рассказов (*descriptive narratives*). Думаю, выход из такого аналитического затруднения может дать теория критической геополитики (*critical geopolitics*) и критическая теория безопасности (*critical security studies*). В рамках этой теории утверждается, что столкнувшись с комплексной угрозой своей безопасности, человеческое сообщество нуждается в теории мировой безопасности, которая была бы онтологически инклюзивной, эпистемологически утонченной и праксиологически дифференцированной²⁶. В любом случае старая ортодоксальная теория не дает ответа на вопрос о собственном выборе Центральной Азии, в которой евро-азиатские и евро-атлантические акторы и тренды создали ситуацию стратегической неопределенности.

[24] Кушкумбаев С.К. Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность. – Алматы: «Казахстан», 2002. – С. 57.

[25] H.J. Morgenthau. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace* (NY: Alfred-A-Knopf, 1985), p.219.

[26] Ken Booth. *Beyond Critical Security Studies*, in "Critical Security Studies and World Politics", edited by Ken Booth (New Delhi, Kolkata: Viva Books, 2005), p. 275.

КАКОВЫ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ТУРЦИИ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА?

БАЙРАМ БАЛЧИ

Доктор политических наук, старший научный сотрудник Центра международных исследований (CERI SciencePo, Париж, Франция), консультант программы по Ближнему Востоку Фонда Карнеги (Вашингтон, США)

Введение

Находясь у власти с 2002 года, правительство ПСР (Партия справедливости и развития) долго пользовалось безусловно ценной поддержкой влияния Фетхуллага Гюлена во всех областях, а именно во внутренней политике, где его средства всегда поддерживали действия правительства, направленные на демократизацию управленческого аппарата и государства, утверждение политической роли армии и продвижение Турции как кандидата на вступление в ЕС. В их соглашения входили договоренности в большей степени по внешней политике, и именно по Центральной Азии, где ПСР и Гюлен намеревались укреплять культурное, экономическое и политическое влияние Турции. Это сотрудничество еще более гармонично с социологической точки зрения, поскольку ПСР и Гюлен разделяют единую социальную позицию в Турции.

Итак, 17 декабря 2013 г., пережив несколько кризисов как во внешней, так и во внутренней политике, этот союз разбился вдребезги¹. Разлад между двумя наиболее влиятельными политико-религиозными фигурами Турции затрагивает всю турецкую политическую систему, а также внешнюю политику Анкары, потому как сфера влияния Гюлена олицетворяет собой существенную часть «мягкой силы» Турции. Этот кризис касается Центральной Азии особенно, так как она занимает значительное место в политике Анкары как в сфере влияния Гюлена, которая имеет там давнюю и сильную базу вне анатолийских границ. Кризис доверия между Гюленом и ПСР поднимает ряд вопросов, касающихся отношений Турции с Центральной Азией, а также с Кавказом, где сформировалось несколько гюленистских школ. Во-первых, как кризис затронет постсоветское пространство и изменит турецкую внешнюю политику в регионе? И, во-вторых, что куда важнее, каким будет отныне взгляд общественности и политических кабинетов Центральной Азии и Кавказа на школы Фетхуллага Гюлена и на политические намерения тех представителей, к примеру, госучреждений, которые, получив дипломы, влились в ряды местной национальной элиты? Ответы на эти вопросы обязывают нас

[1] Piotre Zelowski, "Divorce Istanbul-Style, Why Turkey's nasty Gulen-Erdogan fight is making for some strange bedfellows", Foreign Policy, Январь 14, 2014, http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/01/14/divorce_istanbul_style_erdogan_turkey_gulen_movement

представить турецкую политику в пост-СССР, и разобраться, какое место занимает сфера влияния Гюлена в этой политике.

Связи Гюлена в постсоветском пространстве: на службе турецкой политики «мягкой силы»

Чтобы лучше осознать значимость сферы влияния Гюлена в Центральной Азии, надо, прежде всего, вспомнить, что со времени распада СССР Турция была одной из первых стран, заинтересовавшихся новым геополитическим пространством, на котором проживает население, близкое в большинстве своем к народу Турции по языку, культуре и религии². Также Турция, одной из первых признав независимость новых государств, провела честолюбивую, далекую от истинных намерений руководства политику, не последняя цель в которой заключалась в том, чтобы создать нечто вроде турецкого блока, способного выступать на международной арене³. Но очень скоро политики Турции осознали, что в стране нет средств для осуществления таких планов. Кроме того, выяснилось, что новые постсоветские республики не испытывают особого желания видеть Турцию в образе новоиспеченного старшего брата, который бы ограничивал их недавно приобретенную независимость. Как бы то ни было, турецкая политика в Центральной Азии скоро была представлена выступлением в большей степени частных акторов, более деятельных, чем турецкое государство в его стратегии адаптации к новым реалиям стран Центральной Азии и Кавказа. Итак, среди этих акторов наиболее влиятельной и многогранной стала сфера влияния Фетхуллага Гюлена, которая фактически являлась острием копья турецкой политики в этих странах.

Прежде чем анализировать действия движения Фетхуллага Гюлена в кавказском и центральноазиатском пространстве, важно уточнить, что понимается под словом «движение». Этот термин, используемый за неимением более удачного определения, не отвечает тому, чтобы описать представленную организацию – разве что в смутных чертах и с точки зрения равенства в переменной геометрии. В самом начале то, что представляло большую часть неопределенности, стало выбором тайн и неточностей⁴, направленных на то, чтобы действия оставались смутно очерченными, как в их равенстве и деятельности, так и намерениях. Собственно последователи Фетхуллага Гюлена определяют свое движение в качестве хизмета, то есть общности «службы», обеспечивающей личностям, общественности, целому человечеству помощь в воспитании и диалоге между религиями и культурами⁵. Фактически в Центральной Азии и на Кавказе у гюленистов были разные области деятельности, но специализировались они на воспитании, «раскручиваясь» среди руководителей школ и высших учреждений, созданных анатолийскими турками, высланными из страны, которые в своих воспитательных, экономических и культурных действиях находят духовное и этическое обоснование взглядов Фетхуллага Гюлена.

Гюленистские взгляды начинают внедряться в Центральной Азии с 1992г. Обычные предприниматели, педагоги-воспитатели, а также журналисты, признающие идеи Фетхуллага Гюлена, отправлялись в эти страны налаживать связи и, не теряя времени, создавать там школы и коммерческие предприятия. Контекст эпохи для них благоприятен.

[2] Thomas Weeler, « Turkey's Role and Interest in Central Asia », Saferworld Briefing, Октябрь 2013, <http://www.saferworld.org.uk/downloads/pubdocs/turkeys-role-and-interests-in-central-asia.pdf>

[3] Carlo Frappi, « Central Asia's Place in Turkey's Foreign Policy », ISPI, N°225, December 2013, http://www.ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/analysis_225_2013.pdf

[4] Joshua Hendrick, Gülen, The Ambiguous Politics of Market Islam in Turkey and the World, New York University Press, 2013, 292 p.

[5] Fethullah Gülen, "What is the Hizmet Movement?", <http://www.fethullah-gulen.org/op-ed/what-is-gulen-movement.html>

Национальные воспитательные системы приходят в упадок или испытывают недостаток средств на то, чтобы быть на уровне и отвечать требованиям нового времени и глобализации. Дипломатические отношения с Турцией превосходны, так как страна пользуется престижем и естественной симпатией благодаря общему турецкому наследию истории, языка, религии и культуры. Таким образом, сфера влияния Фетхуллага Гюлена встречает мало препятствий в своем массовом внедрении в регионе, и десятки школ очень скоро разглядели здесь возможности для создания новой элиты, открытой международному сообществу⁶. Они частично финансируются сетью мелких и средних турецких предприятий, которые перестают делить экономические и социальные сферы влияния в новом пространстве миссии и эксплуатации. Пик хороших отношений между школами и странами в регионе приходится на 1999 г. Казахстан тогда располагал 30 школами и одним университетом; Кыргызстан – 15 школами и одним университетом; Узбекистан имел 16 лицеев и международную школу (Международная школа Улугбека); Таджикистан – 6 школ, Туркменистан – 10 школ и один университет. На Кавказе насчитывались уже 5 школ, один университет в Грузии; 15 школ, один университет и около 20 центров подготовки к университетским конкурсам — в Азербайджане. К этому стоит добавить распространение в этих воспитательных учреждениях ежедневной газеты гюленистов «Заман», которая издается на местном языке во всех вышеназванных странах, за исключением Грузии и Таджикистана⁷.

Прошли два десятилетия, эти школы воспитали первое постсоветское поколение, и большая часть учреждений продолжает эту миссию по сей день, функционируя в том же статусе частных школ, под опекой министерства народного образования. Во всех республиках они буквально соблюдают национальные программы в соответствии с местными нормами, а именно в отношении светского характера.

Но в итоге, в двух государствах эти школы должны были закрыться или сохраниться лишь символически. В Узбекистане местные власти решили прикрыть все школы гюленистов в 2000 г., первая часть которых была ликвидирована еще в 1995 г. Причины такого решения различны и согласуются в общем контексте охлаждения отношений между Турцией и Узбекистаном, которые пострадали от деятельности в Турции нескольких узбекских политических противников, подозреваемых в том, что они занимаются подрывной деятельностью при поддержке Анкары⁸. Что касается Туркменистана, школы особенно ценились туркменскими властями как во время Сапармурада Ниязова («Туркменбаши»), так и в первые годы правления его преемника Бердимухаммедова⁹. В 2010-2011 гг. правительство Ашхабада решило интегрировать большую часть турецких школ в национальную систему и поддерживать только два независимых учреждения: школу Тургута Озала в Ашхабаде и Туркмено-турецкий международный университет. Это решение и его последствия попадают в рамки, внутри которых ведутся переговоры между обеими сторонами, они несколько не помогают выходу этих стран из кризиса, сравнимого с тем, что случился при закрытии турецких школ в Узбекистане.

Во всех странах, где они внедрены, школы гюленистов распространяют светское образование, в соответствии и под очень тесным наблюдением

[6] Bayram Balci, "FethullahGülen's Missionary Schools in Central Asiaand their Role in the Spreading of Turkism and Islam", Religion, State & Society, Vol. 31, No. 2, 2003, pp. 151-177, https://wikileaks.org/gifiles/attach/9/9724_Balci%20central%20Asia%20schools.pdf

[7] On Gülen schools figures in the world, see <http://turkishinvitations.weebly.com/every-continent-but-antarctica-news-articles--links.html>

[8] Nadir Devlet, "Turkey and Uzbekistan, A Failing Strategic Partnership", GMF, January 5, 2012, http://www.gmfus.org/wp-content/blogs.dir/1/files_mf/devlit_uzbekistan_jan12.pdf

[9] Victoria Clement, "Central Asia's Hizmet Schools", Greg Barton, Paul Weller and IhsanYilmaz (eds), The Muslim World and Politics in Transition, London, Bloomsbury Publishing, 2013, pp. 154-167.

компетентных властей принимающей страны. Разница между этими школами и их эквивалентами в общественной системе присутствует ввиду того, что турецкие школы, редко подающие себя как собственно школы гуленистов, практикуют многоязычное и современное воспитание, которое отвечает требованиям этих стран для образования новой элиты. Обучение на английском языке находится в приоритете, но местные языки, а также русский и турецкий фигурируют в образовательной программе на равных правах. Поощряются в турецких лицеях, прежде всего, научные дисциплины, конечная цель которых состоит в предоставлении ученикам больших шансов для поступления в лучшие западные университеты и высшие учебные заведения Турции.

Вопреки изложенной идее, эти школы не являются замаскированными медресе, где проповедуют исламские методы воспитания, восхваляя идеи Фетхуллага Гулена. Преподаватели этих школ, изначально не распространявшие никакого исламского влияния, тем более стали остерегаться этого с тех пор, как власти некоторых стран Центральной Азии стали сомневаться в нерелигиозном характере обязательств гуленистов. Хотя, надо заметить, что в течение первых лет внедрения турецких лицеев в Центральной Азии и на Кавказе присутствие некоторого религиозного экстремизма отмечалось вне курсов. Но опасности, которые этот экстремизм открыл для всей деятельности движения, вынудили к отказу от религиозного аспекта образования – так, что ответственные лица советовали ученикам избегать внутри школы или университетского городка любой религиозной практики и исламского прозелитизма.

Вся тонкость движения Гулена состоит в том, чтобы на этических примерах, не прибегая к активному или очевидному прозелитизму, передавать исламское воспитание ученикам. Ценность труда, уважение и терпимость – с одной стороны, с другой – физическая и нравственная чистота, учтивость и хорошие манеры. Благовоспитанность и нормы общества мусульманского Востока нажиты, приложены и воплощены каждым преподавателем-гуленистом и воспринимаются учащимися с восхищением. Подобное можно найти только в христианских миссионерских школах, внедренных в Турции в конце оттоманской эры, в которых получала образование большая часть турецкой национальной элиты. Чтобы выжить, они должны были принять более светскую модель в рамках революции аттюрков. Любые сохранившиеся школы, основанные учениками Фетхуллага Гулена в Центральной Азии, на Кавказе и в других странах мира, чрезвычайно вдохновленные этой европейской христианской моделью, стали применять ее отнюдь не для проповедования ислама, но чтобы укрепить турецкое влияние. Благодаря политике «мягкой силы» Турция имела возможности для косвенного и длительного распространения исламской этики без прозелитизма. Этот подход к решению проблемы помог добиться и заслужить поддержку в определенных дипломатических кругах.

Действительно, в начале 1990 г., в то время, когда отношения между сферой влияния Гулена и государством были еще довольно холодны в Турции, в Центральной Азии и на Кавказе дипломатические круги сумели найти общий язык с обществами гуленистов. Следуя инструкциям Тургута Озала, который лично был очень заинтересован в том, чтобы эти школы нашли свое место в новых республиках, турецкие дипломатические круги оказали свою духовную и символическую поддержку этим образовательным проектам, увидев в них средство для распространения некоторого краткосрочного и долгосрочного турецкого культурного влияния. Таким образом, они побудили своих коллег – узбекских, казахских, туркменских и других – принимать участие

в работе школ Гюлена и облегчить их внедрение. Сначала местные и национальные власти одновременно высказывали и интерес, и недоверие, так как недооценивали акторов и затруднялись вынести решение по части предложений в области культурного и воспитательного сотрудничества, которые они получали извне, в том числе от гюленистов, но не только. Это говорит о том, что потребность была велика, большей частью в вопросах воспитания, зависящих от двустороннего сотрудничества с Турцией, и они сохранили позитивный взгляд на школы гюленистов, воспринимаемых тогда в качестве простых турецких школ. Элитарный отбор уже нашел отклик среди привилегированных слоев общества, в том числе и среди политической элиты, которая оказала поддержку и защиту учреждениям Гюлена на стадии их устройства и стала обучать там своих детей. Образование на английском языке, техническое оборудование и перспективы университетских и профессиональных вакансий за границей – столько преимуществ способствуют престижу и успеху школ гюленистов. Чтобы сохранить свой статус, они строго соблюдают законы принимающей страны, участвуя в установке общественного порядка в целом, поддерживая ведущуюся политику и внушая ученикам послушание и лояльность. Почти на всем центральноазиатском и кавказском пространстве, и даже на русском, так как школы гюленистов также во множестве создавались в Российской Федерации в начале 1990-х гг., таким образом они добивались благосклонности местных национальных властей.

Так или иначе, ветер перемен пришел из Узбекистана, где изменения отношения к школам начались раньше других стран ЦА, между прочим, совпав с приходом к власти ПСР в 2002 г. Турецкие гимназии были вынуждены закрыться в России в 2002 г., в Туркменистане в 2011 г. Политические кабинеты России, Туркменистана и Азербайджана задались вопросом: что если присутствие турецких школ, присоединение к консервативной сфере влияния, которые могут благоприятствовать развитию политического ислама, приведут к власти в Баку¹⁰ или Ашхабаде консерваторов, ссылающихся на умеренный политический ислам, подобный ПСР. От них не ускользнуло и то, что сферы влияния Гюлена и ПСР очень близки и в целом находятся на одной и той же социальной базе, то есть опираются на восходящие консервативные анатолийские слои. Несмотря на сомнения и некоторую тревогу, они продолжали поддерживать воспитательную деятельность кругов гюленистов, усиливая контроль и наблюдение за ними.

Итак, с 17 декабря прошлого года союз между Гюленом и Эрдоганом разбился вдребезги не только в Турции, поскольку противники оказались вовлечены в общее сведение счетов, которое затрагивает преимущества сферы влияния Гюлена за границей. В Центральной Азии и на Кавказе кризис опровергает их аполитичную деятельность и разоблачает размах их политической причастности, способный подвергнуть опасности режим демократии, избранный харизматичным Эрдоганом, удобно обосновавшийся и удерживающийся во власти уже более десяти лет. Проникновение гюленистов в аппараты полиции и законодательные органы изменит, без сомнения, режимы Центральной Азии и Кавказа, которые пекутся о будущем этой сферы влияния в стране и соответствии его планам государственной политики, давая возможность свободно их проводить.

[10] Bayram Balci, "Between secular education and Islamic philosophy: the approach and achievements of Fethullah Gülen's followers in Azerbaijan", *Caucasus Survey*, Vol. 1, N°1, October 2013, <http://www.caucasus-survey.org/vol1-no1/bayram-balci-approach-and-achievements-of-Fethullah-Gulen-in-Azerbaijan.htm>

Какое будущее для школ гюленистов в Центральной Азии и на Кавказе готовит кризис 17 декабря 2013 г. между ПСР и Гюленом?

Задев общество Фетхуллага Гюлена в Турции, кризис 17 декабря будет иметь серьезные последствия для представления и восприятия школ и иных учреждений гюленистов в Центральной Азии и в других странах. Кризис выявит «задумки» и тайны политических кругов общества, обнаружив их укоренение в структурах государства. Не так уж важна реальная политическая цель, потому что размах средств, используемых для ее достижения именно проникновением в полицию и юридический аппарат, а также прослушиванием телефонных разговоров, осуществляющихся весьма часто, если верить турецким средствам информации¹¹, показывают всю мощь движения. С некоторых пор режимы центральноазиатских стран сталкиваются с вопросами по основным проблемам: сфера влияния Гюлена располагает той же властью в Центральной Азии или долгосрочными средствами? Стремится ли она осуществлять эту власть над режимами на месте? И как, следовательно, последние собираются реагировать на это? А будет ли реагировать турецкая дипломатия?

Особенно трудно ответить на два первых вопроса в свете реальной власти и намерений сферы влияния Гюлена в Центральной Азии, так как это потребовало бы расследования, контроля работы полиции и сбора сведений. Это говорит о том, что исходя из социологических данных, собранных за несколько лет, мы можем впредь избежать того, чтобы деятельность гюленистов не располагала той же силой везде, так как у нее нет той же степени экстремизма во всем постсоветском пространстве. В Узбекистане, например, режим перешел дорогу правительственному кабинету в 2000 г. и практически не оставил своего влияния, в то время как в Туркменистане, до закрытия школ в 2011 г., они имели успех в течение 15 лет, когда они функционировали, обучая сотни и даже тысячи учеников. В Азербайджане, в продолжение политики Турции, сфера влияния Гюлена оказалась активнее и влиятельнее, чем на прочем пространстве экс-СССР. Таким образом, ее социальный вес меняется от одного контекста к другому, и мы можем сомневаться во власти политического влияния, за исключением, по многим причинам, может быть только Азербайджана.

В начале различия реальности не выдерживают сравнения. В каждой стране Центральной Азии сфера влияния гюленистов распространена самое большее на тридцать учреждений, как, например, в Казахстане, в то время как в Турции она налажена повсеместно – в средствах информации, воспитания, непрерывного образования. К тому же в Центральной Азии, в странах, где у нее есть больше всего свободы действий, деятельность движения Гюлена была всегда под пристальным наблюдением. Даже с глубоким знанием режима, представители Гюлена в Центральной Азии и на Кавказе не совершают рискованных вмешательств, к тому же у них нет средств на это.

Чтобы понимать действия и цели сферы влияния Гюлена в отдельной стране, необходимо перемещать каждый проект в общий контекст ее деятельности в мире, так как каждый подход входит в мировую стратегию.

Инвестиции в каждой стране имеют свои особенности. В Центральной Азии цели чисто культурно-воспитательные, и школы стремятся создать рамки, которые в нужное время создадут культурные мосты между определенной страной и Турцией. В общей перспективе они стремятся достичь достойного, благоприятного восприятия движения и упрочения международного престижа, чтобы укрепить свое влияние. Стратегически

[11] SamiaMakhloul, Nick Tattersall, "Turkish PM says tapes of talk with son a fabrication", Reuters, February 24, 2014, Turkish PM says tapes of talk with son a fabrication, <http://uk.reuters.com/article/2014/02/25/uk-turkey-erdogan-idUKBREA1N1ZS20140225>

движение может принести пользу всему миру в формате воспитания, способствовать межрелигиозному диалогу в некоторых внешних контекстах и превратить в инструмент власть и известность, которую оно из этого извлечет, чтобы преследовать более серьезные цели в политической области, а именно в самой Турции.

С тех пор, как мир увидел силу сферы влияния Фетхуллага Гюлена в Турции, мало кто интересуется тем, как она приобрела такую власть. Конечно, инвестиции в воспитание в течение некоторых десятилетий позволили обществу Гюлена считаться главным действующим лицом турецкой «мягкой силы», но, однако, стали забываться фундаментальные данные. Без союза и поддержки могущественной политической партии, такой как ПСР, ученики Гюлена никогда не достигли бы подобного уровня взаимодействия и проникновения в государство. Иными словами, Эрдоган раскрыл «ящик Пандоры», сделав Гюлена своим особым союзником в борьбе против кемалистских сил и в своем поиске регионального главенства. В Центральной Азии и на Кавказе ни с каким политическим актором сфера влияния Гюлена не связана. Там она остается в роли первого школьного учителя.

Однако, несмотря на осмотнительное удаление от политики в этих областях, сфера влияния Гюлена рискует влачить жалкое существование в Центральной Азии из-за того, что происходит в настоящее время в Турции. Его представление и его восприятие лишены блеска вследствие проникновения и политиканского разоблачения. Местные режимы, уже подозрительно относящиеся к школам и операторам, не доверяя больше гюленистам и их методикам, усилят свою бдительность. Непредвиденные эффекты, обратная сторона медали, могут возбудить подозрения и недоверие общественности и властей и дискредитировать дипломированных выпускников школ гюленистов.

Наконец, несмотря на десять лет умелой дипломатии ПСР, Турция все еще в целом остается светской и кемалистской. Прагматизмом, пусть и колеблющимся, она поручилась и морально поддержала воспитательную деятельность движения хизмета. Итак, теперь, когда премьер-министр Эрдоган сравнил сферы влияния с «сектой убийц»¹² и попросил в ходе ежегодной конференции сменить турецких послов и объяснил, что они – «вред»¹³ этой организации, ответственные за школы лица не могут больше полагаться на духовный залог турецкого государства. Разумеется, не все дипломаты выполняют буквально инструкции премьер-министра, но кризис Эрдогана и Гюлена, известный теперь во всем мире, будет достаточно веским, чтобы усложнить задачу школ в постсоветском пространстве, и даже более того.

Заключение

Столкновение между турецким премьер-министром Реджепом Тайпом Эрдоганом и сферой влияния Фетхуллага Гюлена сейчас ограничено турецким политическим полем, политическим пространством, которое рискует быть полностью измененным этим сражением, отсрочка которого, если она существует, последует после муниципальных и президентских выборов в марте и августе 2014 г. Это сражение, жизненно важное для обоих лагерей, продолжится, разумеется, за пределами страны, и, вероятно, в Центральной Азии и на Кавказе в качестве эпицентра, так как именно в этом пространстве сфера влияния Гюлена установлена лучше всего.

[12] İhsan Yılmaz, «Erdoğan, Hizmet, assassins», Today's Zaman, 15 January 2014, http://www.todayszaman.com/columnists/ih-san-yilmaz_336711-erdogan-hizmet-assassins.html

[13] Tülay Karadeniz, «Erdogan tells Turkish ambassadors to spread word of 'treacherous' plot», The Daily Star Lebanon, January 15, 2014, <http://www.dailystar.com.lb/News/Middle-East/2014/Jan-15/244144-erdogan-declares-war-on-gulens-empire-of-fear.ashx#ixzz2uRWuCi97>

Настоящий риск и опасность для сферы влияния не в том, что турецкое государство начало атаковать ее в Центральной Азии, а в том, что политические власти этих стран верят, что сфера влияния Гюлена в Турции так же сильна. По правде говоря, сфера влияния Гюлена не имеет ни намерений, ни возможностей действовать в кавказском и центральноазиатском пространстве, и то, что она творит в Турции, справедливо можно назвать лишь тотальной войной с правительством. Все-таки, испытывает она амбиции или нет, центральноазиатские режимы считают, что сил на это у нее хватит.

Но какими бы ни были намерения в будущем, сфера влияния Гюлена уже потеряла часть доверия во всех тех странах, где она учреждалась. Она вызывает своей силой удивление, а также недоверие, так как у нее нет больше средств скрывать свои политические устремления – склонности, рассматриваемые как «бедствия» постсоветскими политическими режимами. Много времени и энергии понадобится теперь последователям Гюлена, чтобы доказать центральноазиатским партнерам, что их цели в этих странах не имеют ничего общего с теми, что есть у них в Турции.

ТҮЙІНДЕМЕ SUMMARY РЕЗЮМЕ

АКМАЛ СОХИБОВ

Әлем және қақтығыстарды реттеу магистрі, Германияның Магдебург Университетінің Саясаттану институтының докторанты (Германия, Тәжікстан)

АУҒАНСТАНДА ЕСІРТКІГЕ НЕГІЗДЕЛГЕН ЭКОНОМИКАНЫ ШЕКТЕУ ҮШІН ЭКОНОМИКАЛЫҚ БОЛАШАҚТЫ ЖӘНЕ БАЛАМАЛЫ БАСТАМАЛАРДЫ ДАМУ

Келесі мақала Ауғанстанның экономикалық дамуындағы қазіргі және болашақ перспективаларға қатысты экономикалық жағдайларға және тұрақты дамуға арналған. Сонымен қатар, бұл мақала Ауғанстан экономикасының дәстүрлі және жалпы мәселелерін қарастырады: Ауғанстан ауылшаруашылығы және оның рөлі. Және де осы мақалада талқылау аспектісінің бірі – Ауғанстан көкнәрді қоспсыз ауылшаруашылығын дамыта алады ма – деген мәселесі болып табылады. Бұдан басқа, Кешенді даму (КД) және Орталық Азияда даму мақсаттағы ынтымақтасу (ОАДМЫ) сияқты тұжырымдамалар өңірлік ынтымақтасудың амбициялық сипатын ашып көрсетеді.

AKMAL SOKHIBOV

PhD student at the Institute for Political Science of the University of Magdeburg in Germany, Master of Arts in Peace and Conflict Studies (Germany, Tajikistan)

ECONOMIC OUTLOOK AND ALTERNATIVE DEVELOPMENT INITIATIVES TO REDUCE AN ECONOMY BASED ON DRUGS IN AFGHANISTAN

The following article is devoted to economic conditions and sustainable development of the present and future prospects for the economic development of Afghanistan. Moreover, this article covers common and traditional issues of Afghanistan's economy: agriculture and its role in Afghanistan. Another aspect to be discussed in this article is the question of whether to develop agriculture sector without poppy cultivation in Afghanistan. In addition, such concepts as the Comprehensive Development (CD) and the Development Cooperation in Central Asia (DCCA) disclose ambitious nature of regional collaboration.

ГЕОРГИЙ ДУБОВЦЕВ

Әскери ғылымдар кандидаты, ҚР Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері (Қазақстан, Алматы)

ТЕРРОРИЗМ ҚАТЕРЛЕРІНЕ ҚАРСЫ ӨҢІРЛІК ҚАУІПСІЗДІКТІ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ БОЙЫНША ӘСКЕРИ-САЯСАТТЫҚ ҚЫЗМЕТТІ ЖЕТІЛДІРУ ТУРАЛЫ

Бұл мақалада автор террорлық қауіптен өңірлік қауіпсіздікті қамтамасыз ету бойынша әскери-саясаттық қызметті жетілдіру тақырыбын қарастырған.

Автор Қазақстан мысалында, террорлық қатерден қауіпсіздікті қамтамасыз ету бойынша жүзеге асыратын шараларға талдау жүргізді. Сондай-ақ террорлық қауіп төнуінің негізгі салдары және терроризммен күресу саласындағы әскери-саясаттық қызметті жетілдіру үшін қажетті бірқатар проблемалардың шешімдері талдауға алынды.

Автор лаңкестікті алып келетін әскери қауіптер, сондай-ақ өзінің қауіпсіздіктерін қамтамасыз ету саласындағы күрделі әлеуметтік-саяси процестер, экономикалық қиындықтар және орталықтандырылған азия мемлекеттерінің шектеулі

мүмкіндіктері олардың аса берік бірігуін талап етеді және ҰҚШҰ, ШЫҰ және басқа халықаралық ұйымдарды, сондай-ақ мүдделі әлемдік державалардың әлеуетін қолдана отырып, лаңкестікпен және экстремизммен күресу жүйесінің қолданысын қалыптастыруды қорытындылайды. Нақты осы тапсырма Қазақстан Республикасының басқа мемлекеттермен әскери-саясаттық ынтымақтастық саласында бірінші қатарға шығып отыр.

GEORGIY DUBOVTSV

Candidate of Military Science, Chief researcher of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

ON IMPROVEMENT OF MILITARY AND POLITICAL ACTIVITIES TO ENSURE REGIONAL SECURITY FROM THREATS OF TERRORISM

In this article, the author considered the theme of improving military and political activities to ensure regional security from threats of terrorism.

The author has analyzed measures undertaken to ensure the safety from the threat of terrorism as on the example of Kazakhstan. The main causes of the threat of terrorism and a number of issues needed to improve military and political activities in the fight against terrorism have been analyzed.

The author concludes that military threats posed by terrorism as well as complex socio-political processes, economic difficulties and the limited capacity of the Central Asian States to ensure their own security, require more decisive incorporation of their efforts and the formation of an effective system to combat terrorism and extremism using the potential of the Collective Security Treaty Organization (CSTO), the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and other international organizations as well as world powers concerned. This particular task comes to the forefront in the field of military-political cooperation of the Republic of Kazakhstan with other countries.

МҰРАТ МУХАМЕДЖАН

«Көкше» академиясының Гуманитарлық-педагогикалық департаменті жанындағы тарих оқытушысы, Әлем қақтығыстар және медиация институтының мүшесі (Қазақстан, Көкшетау)

ДӘСТҮРЛІ ИСЛАМ ЖӘНЕ ИСЛАМДЫ ТҮБЕГЕЙЛІ ТҮСІНДІРУ: АЙЫРМАШЫЛЫҒЫ НЕДЕ?

Автор өз жұмысында Қазақстан мұсылмандарын діни басқарудың (ҚМДБ) «дәстүрлі» болып табылатын дерекнамасына, «джихадшы» дерекнамасына негізделе отырып, исламды түбегейлі түсіндіру дәстүрлі және түбегейлі ислам анықтаудың толық талдау көрсетеді.

Мақалада ислам дамуының тарихи сипаттамасы берілген, автордың түсінігімен зерттеуге қатысты түрлі пікірлер келтірілген.

Қорытындылай келе, автор оқырманның назарын келесі табанды фактілерге аударады. Ислам – Қазақстандағы дәстүрлі дін, алайда оның қайсы түсінігі дәстүрлі екендігі белгісіз, әлі анықталмаған. Жоғарыда көрсетілген, «Түйткілді» қатарындағы осы екі оқуды салыстыра келе, автор олардың арасында тұрғылық айырмашылығын көрмей отыр. Сондықтан, оларды баррикаданың екі шетіне қою, бір жақты оны бір топқа белгілеп, ал олар екеуіне де ортақ болып табылатындығы әділеттілік пе екен. Ислам тек қана бейбітшілікке шақырады, демек, бейбітшілік емес сипат кейіннен дағдыландырылған. Теологтар формулада қате жіберген математиктер немесе ғимарат іретесінде крен жіберген сәулетшінің істегенін қайталап отыр.

MURAT MUKHAMEDZHAN

Lecturer in History at the Humanities and Education Department of Kokshe Academy, member of the Institute of Peace, Conflict and Mediation (Kokshetau, Kazakhstan)

TRADITIONAL ISLAM AND RADICAL INTERPRETATION OF ISLAM: WHAT IS THE DIFFERENCE?

The author in his work gives a detailed analysis to the definition of traditional and radical Islam, based on sources that are considered "traditional" in the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan (SAMK), a radical interpretation of Islam, based on the sources of the "jihadists".

The article gives a historical account of the development of Islam; different views on the concepts studied by the author are presented.

In conclusion, the author focuses readers' attention on the following stubborn facts. Islam is a traditional religion in Kazakhstan, but which of its interpretations is traditional, has not been elucidated yet. Comparing the two teachings on several "sensitive" issues mentioned above, the author was not able to find out a significant difference between them. Therefore, it is unlikely to be fair to put them on opposite sides of the barricades, attributing in a one sided way only to one group features that may still be common for both groups. Islam supports only peace, which means that non-peaceful character was grafted to it later. Theologians have to do what mathematics would make in case of a mistake in the formula or architects, who have committed a bias in the basement of a building.

БОТАГОЗ РАКИШЕВА

Әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, «Қоғамдық пікір» зерттеу институты (Қазақстан, Астана)

АЙГУЛЬ САДВОКАСОВА

Әлеуметтану ғылымдарының докторы, ҚР Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару Академиясының Орталық Азия өңірінде этносаралық және конфессияаралық қатынастарды зерделеу орталығы (Қазақстан, Астана)

ДАНИЯР КОСНАЗАРОВ

Халықаралық қатынастар магистрі, Еуразиялық зерттеулер институтының сарапшысы (Қазақстан, Астана)

АЙНУР МАЖИТОВА

Әлеуметтану магистрі, «Қоғамдық пікір» зерттеу институты (Қазақстан, Астана)

ЕВГЕНИЯ РУДНЕВА

Әлеуметтану магистрі, «Қоғамдық пікір» зерттеу институты (Қазақстан, Астана)

ГУЛЬДЕН ЕМИШЕВА

Әлеуметтану магистрі, «Қоғамдық пікір» зерттеу институты (Қазақстан, Астана)

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭТНОСАРАЛЫҚ ДАМУДЫҢ НЕГІЗГІ БЕТАЛЫСТАРЫ ЖӨНІНДЕГІ САРАПШЫ БАҒАСЫ (ХАЛЫҚАРАЛЫҚ САРАПШЫ САУАЛНАМАСЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ)

Осы жұмыста авторлар Орталық Азия мемлекеттердегі этносаралық жағдайларды зерделеу бойынша сарапшылық сауалнама жүргізудің кейбір нәтижелерін ұсынған.

Зерттеу шегінде әлемнің 15 мемлекеттің 50 сарапшылары сауалнамаға жауап берген.

Осы зерттеудің мақсаты Орталық Азиядағы этносаралық өзара әрекеттесу мәселесі бойынша жалпы ұстанымды өңдеуге көмек көрсетуге жасалған. Авторлар осы проблематика басқа қоғамдық, әлеуметтік-саяси және гуманитарлық проблемалардан оқшауланып қарастырылуы қажет еместігін атап өтеді. Нақ осы ұғым барлық бес мемлекеттің арасындағы өзара түсінушілік пен сенімді әрі қарай орнату мен күшейтудің түйінді факторы болып табылады.

Зерттеуде авторлар сарапшы бағалауы негізінде, аса проблемалық аймақтарды анықтауға ұмтылды, Орталық Азия мемлекеттеріне «этностық факторлар» жағымсыздық ықпалдың минимумға түсіру мүмкіндігін беретін шешімге көмек көрсетеді.

Авторлар қорытындылай келе, мынадай шешімге келді. Орталық Азия ішіндегі көптеген маңызды және терең процестерді түсіну үшін этностық мәселеге көңіл аудару қажет, алайда бұдан әрі шешімді және мемлекет саясатының көрегендігінде ыңғайды талап ететін басқа да проблемалармен байланыстылығын қарау кем болмайды.

Авторларға осы мемлекеттерде этносаралық және қоғамшілік өзара түсінушіліктен сенімді орнату және сақтау үшін бірқатар ұсыныстар берілді.

BOTAGOZ RAKISHEVA

Candidate of Sociological Sciences, "Public Opinion" Research Institute (Astana, Kazakhstan)

AIIGUL SADVOKASOVA

Doctor of Sociological Sciences, Centre for study of interethnic and interfaith relations in Central Asia of the Public Administration Academy under the President of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

DANIYAR KOSNAZAROV

Master of International Relations, Institute of Eurasian Sciences (Astana, Kazakhstan)

AINUR MAZHITOVA

Master of Sociological Sciences, "Public Opinion" Research Institute (Astana, Kazakhstan)

YEVGENIYA RUDNEVA

Master of Sociological Sciences, "Public Opinion" Research Institute (Astana, Kazakhstan)

GULDEN YEMISHEVA

Master of Sociological Sciences, "Public Opinion" Research Institute (Astana, Kazakhstan)

EXPERT ESTIMATES ABOUT MAIN TRENDS OF THE INTERETHNIC SITUATION IN CENTRAL ASIA AND KAZAKHSTAN (INTERNATIONAL EXPERT SURVEY RESULTS)

The authors of this paper present an analysis of some of the findings of an international expert survey to study the inter-ethnic situation in the countries of Central Asia.

The study surveyed 50 experts from 15 countries.

The purpose of this study is to assist in developing common positions on issues of inter-ethnic cooperation in Central Asia. The authors note that this subject should not be considered in isolation from other social, socio-political and humanitarian issues. It is this awareness which is a key factor in the further establishment and strengthening of mutual understanding and trust among the societies in all five countries.

During the study based on expert assessments the authors sought to identify the most problematic areas, assistance in the solution of which would allow the Central Asian states to minimize the influence of the "ethnic factor" as the negative sense of the word.

In conclusion, the authors came to the opinion that for understanding of many important and deep processes in Central Asia, it is necessary to pay attention to the ethnic question, but it is equally important to consider it in conjunction with other problems that require further decisions and sensitive approach in the far-sighted policy of a state.

The authors suggest a number of recommendations for the establishment and preservation of ethnic and intersociety understanding and trust in these countries.

РАФИК ТАИРОВ

Заң ғылымдарының кандидаты, «Әскери-стратегиялық зерттеулер орталығы» АҚ әскери және қорғаныс зерттеулер департаментінің директоры (Қазақстан, Астана)

СВЕТЛАНА КОЖИРОВА

Саяси ғылымдар кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы ҰЕУ халықаралық зерттеулер кафедрасының профессоры (Қазақстан, Астана)

АУҒАНСТАН 2014 ЖЫЛДАН КЕЙІН: ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ҚАУІПСІЗДІККЕ ТӨНУШІ ҚАТЕРЛЕР ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ШЕШУ ЖОЛДАРЫ

Осы мақаланың авторлары Орталық Азияның барлық мемлекеттері мен халықаралық қоғамдастық үшін Ауғанстаннан коалициялық күштерді шығарудан кейін өңірлік қауіпсіздіктің негізгі проблемаларын сипаттап отыр.

Мақалада ғылымдардың, саяси көшбасшылардың, БАҚ жарияланымдарының, мемлекет басшыларының түрлі пікірлерін талдау негізінде, іздеудің қиылысу нүктелер жолымен тәжік-ауған, түркімен-ауған, ауған-пәкістан және ауған-иран шекараларының жағдайлары, сондай-ақ Ауғанстанның тұрақты даму моделі мен Ауғанстанға қатысу бар орталық азия мемлекеттерінің және халықаралық ұйымдардың саясаты қаралды.

Авторлар қорытындылай келе, Ауғанстанда бейбітшілік орнатуды саясаттық және дипломатиялық әдістер арқылы, сондай-ақ ауған халқының экономикасын жаңғырту және әлеуметтік өмірге бағытталған ірі инфрақұрылымдық жобаларды іске асыру жолымен қол жеткізуге болады деп есептейді.

РАФИК ТАИРОВ

Candidate of Law, Director of the Department of Military and Defense Research, "Military and Strategic Studies Center" JSC (Astana, Kazakhstan)

SVETLANA KOZHIROVA

Doctor of Political Sciences, Professor of International Studies Chair at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

AFGHANISTAN AFTER 2014: CENTRAL ASIA'S SECURITY CHALLENGES AND SOLUTIONS

The authors of this article describe key issues of the regional security for Central Asian countries and the international community after the withdrawal of coalition forces from Afghanistan.

The article on the basis of the analysis of various opinions of scientists, political leaders, media publications, heads of states by finding common grounds considers the situation of the Tajik-Afghan, Turkmen-Afghan, Afghan-Pakistani and Afghan-Iranian borders as well as models for sustainable development in Afghanistan and policy of international organizations and the Central Asian countries in regard to Afghanistan.

In conclusion, the authors believe that peace in Afghanistan can only be achieved through political and diplomatic means, and through the consistent implementation of major infrastructure projects aimed at reviving the economy and social life of the Afghan people.

ЗАМИРА МУРАТАЛИЕВА

Саяси ғылымдар кандидаты, Қырғыз-Ресей славян университеті жанындағы Стратегиялық талдау және болжау институтының ғылыми хатшысы (Қырғызстан, Бішкек)

ШЫҰ ЭВОЛЮЦИЯСЫ ЖӘНЕ ОНЫҢ БАСЫМДЫҚТАРЫНЫҢ ТЕҢГЕРІМСІЗДІГІ

Мақалада автор ШЫҰ құрылу сәтінен бастап қазіргі күнге дейінгі қызметіне талдау жасап отыр. Қатысушы мемлекеттердің мүдделері және ШЫҰ шеңберінде стратегиялық серіктестік ерекшеліктері қаралды.

Автор Ұйымның қызметінде қауіпсіздік проблемалардан экономикалық ынтымақтасу жағына ауытқу байқалатынына көңіл аударады. Негізінде өзекті проблемаларды дамыту бойынша бірінші кезекте ШЫҰ халықаралық ұйымы көпжақты әрекеттесуді күшейту үшін құрылғанға қарамастан, уағдаластық және ынтымақтастық екі жақты деңгейде: ҚХР-РТ, ҚХР-КР, ҚХР -РК және т.б. болып жатыр.

Қорыта келе, автор мынадай пікірге келді, Шанхай ынтымақтастық ұйымдарының өңірлік тетігі жұмыс істеуі үшін тек мүше болуы мен қатысушы мемлекеттердің «корпоративті» мүддесін таныту ғана емес, тәжірибеде оларды жүзеге асыру үшін белгіленген міндеттер мен ресурстардың уақытша шеңберін нақты белгілеу қажет. Осы кезде ШЫҰ беделді субъекті және әлемдік сахнада естілуіге мүмкін болады.

ZAMIRA MURATALIYEVA

Candidate of Political Sciences, Associate Professor in the Political Science Department at the Kyrgyz-Russian Slavic University, Scientific Secretary of the Strategic Analysis and Forecasting Institute at the Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)

THE EVOLUTION OF THE SCO AND ITS PRIORITIES IMBALANCE

In this article, the author analyzes the work of the SCO since its inception to the present time. The interests of the participants and especially the strategic partnership within the SCO are considered.

The author focuses on the fact that there has been observed some skewness in the activities of the Organization from security issues towards economic cooperation. Basically agreements and close cooperation occur bilaterally: China - Tajikistan, Kyrgyz - China, China - Kazakhstan, etc., despite the fact that as an international organization the SCO was primarily established to strengthen multilateral cooperation on important development issues.

In summary, the author concludes that in order regional mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization begin to work in practice, it is necessary not only to single out and voice "corporate" interests of the participating countries, but also to indicate clear timeframes for certain tasks as well as resources to implement them. In this case, the SCO has a chance to become an influential subject and be heard on the world stage.

ФАРХОД ТОЛИПОВ

Саяси ғылымдар кандидаты, «Билим карвони» мемлекеттік емес білім беру мекемесінің директоры (Өзбекстан, Ташкент)

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕУРО-АТЛАНТИКА ЖӘНЕ ЕУРО-АЗИЯ АРАСЫНДА: ӨНІР ҚАУІПСІЗДІГІ ҚЫЗМЕТІНІҢ НАРЫҒЫ

Мақалада Орталық Азиядағы өңір қауіпсіздік жүйесін құру проблемалардың теориялық аспектілері қаралады. Осы проблеманың айналасындағы көптеген пікірталаста теоретикалық және тұжырымдамалық ыңғайлар дефициті байқалады.

«Өңір қауіпсіздігі» түсінігі бойынша Орталық-Азиятық өңірі аталып отыр, және бір мағыналық емес географиялық және геосаясаттық контексте кездеседі. Еуро-Атлантика және Еуро-Азия арасында болған жағдайда, бұл өңір өзінің сәулет қауіпсіздігін конструкторлауды және таңдау ауырталығын алып келеді.

Бізді қауіпсіздіктің заманауи сынды теориясына алып келетін, зерттеудің эпистемологиялық және онтологиялық өлшемдері - осы зерттеудің әдіснамалық негізі болып табылады. Бұл теория заманауи қауіптің табиғи кешенін және халықаралық қауіпсіздіктің проблемаларын зерттеуде реализм мектебінің ортодоксалды шеңберінен шығу қажеттігін көрсетеді. Осы жаңаша ыңғайлауда қауіпсіздік объектісі мен субъектісінің түсінігі кеңейеді және проблеманың нормативті аспектісіне акцент қойылады.

Мақала авторы екі бас факторлар – ұлттық мүдде туралы түсініктің гипер жоғалуы және деструктивті геосаясат, интеграциялық процеске маңызды деңгейде жағымсыз ықпал етті, ол бәсеңдетте түсті, тіпті тоқтап қалды. Халықаралық, өңірлік және ізгілік мүдделерінің мәртебесін көтеру жағдайында ұлттық мүддені анықтау қажет кезде, ОА ЖТМ менталды және стратегиялық қауіпін алдына түсті. Ол мынадай сұрақпен әлек болды: Біздің еліміз бен халқымыз 22 жыл ішіндегі тәуелсіздікте қауіпсіздіктің көбіне қол жеткізді ме? және өздерінің өмір сүруі мен дамуының қай жай-күйін қауіпсіздікке жатқызады? Бұл сұрақ ашық болып қала берді, себебі осы проблематикалық зерттеуде ашып көрсетілген жаңа сынды дискурсты талап етеді.

FARHOD TOLIPOV

Candidate of Political Sciences, Director of "Bilim Karvoni" Non-governmental Education Institution (Tashkent, Uzbekistan)

CENTRAL ASIA BETWEEN EURO-ATLANTIC AND EURO-ASIA: MARKET OF SECURITY SERVICES IN THE REGION

The article deals with theoretical aspects of a regional security in Central Asia. In many discussions around this problem there is felt a shortage of theoretical and conceptual approaches. The very notion of 'regional security' with regard to the Central Asian region is presented and used in an ambiguous geographical and geopolitical context. Caught between the Euro- Asia and Euro-Atlantic, the region bears the burden of selecting and designing its own security architecture.

Epistemological and ontological measurement of the studies, which brings us back to the contemporary critical theory of security, is the methodological basis of this study. This theory points to the complex nature of today's threats and the need to go beyond the orthodox school of realism in the study of international security problems. This new approach extends the concept of an object and a subject of security and emphasizes the normative aspect of the problem.

The author argues that the two main factors such as an exaggerated idea of national interests and destructive geopolitics – had largely a negative impact on integration processes slowing or even halting them. Newly independent states of Central Asia (NIS CA) have faced the mental and strategic challenges, when it is necessary to define national interests in the context of increased status of international, regional and humanitarian interests. He asks the question: Have our countries and peoples during 22 years of independence achieved greater security; and what condition of their existence and development they say is safe? This question remains open, because it requires a new and expanded critical discourse in the study of this problem.

БАЙРАМ БАЛЧИ

Саяси ғылымдар докторы, халықаралық зерттеулер орталығының аға ғылыми қызметкері (CERI Science Po, Париж, Франция), Таяу Шығыс Карнеги Қоры бойынша бағдарламаның консультанты (Вашингтон, АҚШ).

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ МЕН КАВКАЗ ҮШІН ТҮРКИЯНЫҢ САЯСИ ДАҒДАРЫС САЛДАРЫ ҚАНДАЙ?

Осы мақалада автор Орталық Азия және Кавказ жағынан 2013 жылдың соңына дейін болған саяси дағдарыстан кейінгі Түркияның сыртқы саясаты қатынасының өзгеруіне қатысты бірнеше өзекті мәселелерді көтеріп отыр.

Негізгі акцент келесі мәселелерге жауап іздеуге қатысты: Фетхуллах Гүлен мектебіне және мысалға, жергілікті ұлттық элитаның қатарына кірген, диплом алған мемлекемелер өкілдерінің саяси ниеттеріне Орталық Азия мен Кавказдың қауымдастығы және саяси кабинеттерінің көз қарасы қандай болады?

Қорыта келе автор, түрік премьер-министрі Реджеп Таип Эрдоган және Фетхуллах Гүленнің арасындағы қақтығыстың ықпай аймағы саяси даламен, саяси кеңістікпен шектеледі. Ол өз кезегінде осы күреспен толық өзгеруге тәуекел болады, оның мерзімін ұқзарту, егер ол бар болған жағдайда, 2014 жылғы наурыздағы және тамыздағы муниципалды және президенттік сайлаудан кейін туындайды. Бұл күрес екі лагерь үшін де өте маңызды, Орталық Азия және Кавказда, шет елдерде эпицентр ретінде жалғасады, яғни нақ осы кеңістік аясында

Гүленнің ықпалы барлығынан да артық орын алған. Алайда болашақта ниеттердің қандай болса да, Гүленнің ықпал аясы оның бар жердегі барлық мемлекетте сенімнің бөлігін жоғалтып отыр. Ол өз күшімен таң қаларлық жағдай, сондай-ақ сенімсіздік көрсетіп отыр. Себебі ол өзінің саяси ұмтылу бейімділігін жасыруға қаражаты жоқ, постсоветтік саяси «апат» режимі сияқты қаралып отыр. Орталық азия серіктестерге Түркиядағы барлық баршылық осы мемлекеттердегі олардың мақсаттарымен ешқандай ортағы жоқ екендігін дәлелдеу үшін, Гүленнің избасарларына көптеген қуат және уақыт қажет болады.

BAYRAM BALCHI

Doctor of Political Sciences, Senior researcher at CERI Science Po (Centre for International Studies and Research) (Paris, France), visiting scholar in Carnegie's Middle East Program (Washington, USA)

WHAT ARE THE CONSEQUENCES OF THE POLITICAL CRISIS IN TURKEY FOR CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS?

This article is relevant that in it the author raises several questions regarding the change in attitude towards Turkey's foreign policy after the political crisis occurred in late 2013 by the needs of Central Asia and the Caucasus.

The main emphasis is given to finding answers to the following questions: What will now be the view of public and political offices in Central Asia and the Caucasus towards the School of Gülen Fethullah and the political intentions of those representatives, for example of government agencies, who having received diplomas, joined the ranks of the local national elite?

In summery, the author comes to the opinion that the clash between Turkish Prime Minister Recep Tayyip Erdoğan and the sphere of influence of Gülen Fethullah is limited by the Turkish political sector, political space which risks being reversed by this battle; the delay, if it exists, will follow after the local and presidential elections to be held in March and August 2014. This battle, vital to both camps, will continue, of course, outside the country and probably may take place in Central Asia and the Caucasus as an epicenter, as it is the space where the sphere of influence of Gülen Fethullah has established better then elsewhere.

But whatever the intentions will be in the future, the sphere of influence of Gülen has lost some confidence in all those countries where it was instituted. It's strength causes surprise and disbelief as it has no more means to hide its political aspirations - inclinations regarded as "a disaster" by the post-Soviet political regimes. Much time and energy will be needed now to Gülen's followers to prove to Central Asian partners that their goals in these countries have nothing in common with those that they may have in Turkey.

АВТОРЛАР ҮШІН АҚПАРАТ

Мақаланы жазған кезінде келесі талаптарды ұстануыңызды сұраймыз:

1. Қазақ, орыс немесе ағылшын тілдеріндегі 10-12 беттік мәтін 14 кегілмен, бір интервалда «Times New Roman» қарпімен теріліп, Word for Windows пішімінде сақталуға тиіс.
2. Мақаланы жазған кезде мына тұрғыдағы талаптарды ұстануды сұраймыз:
 - *Автордың аты-жөні*
 - *Жұмыс орны, лауазымы*
 - *Ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы*
 - *Мақаланың аты (жол ортасында, нүктесіз жазылады)*
 - *Мақаланың мәтіні*
 - *Байланыс телефондары, факс, электрондық адрес.*
3. Пайдаланған әдебиеттерге сілтемені әр бетте тікбұрышты жақшада көрсетуін сұраймыз. Автор өз мақаласында қолданған дәйексөздер, сан немесе басқа да қолданған ақпараттарға сілтеме көрсетуі тиіс. Аббревиатуралар түсіндірілуін сұраймыз.
4. Мақала электронды түрде қабылданады.
5. Мақалаларға орыс және ағылшын тілдерінде түйіндемелер болуы қажет. Түйіндеменің көлемі 250-300 сөзден жазылады.
6. Редакцияның мақалаларды іріктеп алуға және авторға ескерте отырып редакторлық түзету енгізуге құқы бар.

Мақалалар журналдың электронды адресін opinion.kz@gmail.com

INFORMATION FOR FUTURE AUTHORS

The articles should meet the following requirements:

1. A text of 10-12 pages in the Kazakh, Russian or English languages should be typed in point size 14, single-spaced, font «Times New Roman» and saved in the format of Word for Windows.
2. Writing an article please give:
 - *An author's full name;*
 - *Official work place and position;*
 - *Academic degree and title;*
 - *Title of an article (in capital letters in the middle of the line, without a point);*
 - *A text of the article;*
 - *Telephone number, fax and e-mail*
3. References to literary sources in a text should be put in square brackets by the page. It is necessary to name sources of all quotations, figures and other information cited in an article. Please explain abbreviations.
4. Articles should be represented in electronic version.
5. Articles should have an abstract in Russian and English limited by 250-300 words.
6. The publisher reserves the right to select and edit articles and would inform authors about corrections made.

Articles should be sent to the e-mail account of the journal staff:
opinion.kz@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При оформлении статьи просим соблюдать следующие правила:

1. Текст объемом 10-12 страниц на казахском, русском или английском языках набирается 14 кеглем, одинарным интервалом, шрифт «Times New Roman» и сохранен в формате Word for Windows.
2. При написании статьи просьба привести:
 - *Ф.И.О. автора;*
 - *Официальное место работы и должность;*
 - *Ученая степень, ученое звание;*
 - *Название статьи (прописными буквами в середине строки, без точки);*
 - *Текст статьи;*
 - *Номера контактных телефонов, факса, адрес электронной почты*
3. Сноски на литературные источники просим указывать в квадратных скобках постранично. Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры просьба пояснить.
4. Статьи предоставляются в электронной версии.
5. Необходимо наличие резюме статьи на русском и английском языках. Количество слов в резюме 250-300.
6. Редакция оставляет за собой право отбора статей и внесения редакторских правок с обязательным информированием об этом автора.

Статьи высылаются на электронный адрес редакции журнала:
opinion.kz@gmail.com

17 мая 2013 года Исследовательский институт «Общественное мнение» (Казахстан), Ассоциация международных исследований (ISA) (США), Евразийский национальный университет им.Л.Н.Гумилева (Казахстан) провели Заседание членов Ассоциации международных исследований из Казахстана, США, Канады. В рамках заседания прошла презентация Ассоциации международных исследований, участники встречи рассказали о возможностях участия казахстанских исследователей в ежегодном конгрессе Ассоциации, об открытии секционных панелей на 55-ом конгрессе ISA в Торонто (Канада), в котором примут участие казахстанские ученые и эксперты.

Члены редакционного совета журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика», выпускаемого Исследовательским институтом «Общественное мнение» рассказали о подготовке специального номера журнала, который будет презентован на очередном 55 –ом конгрессе Ассоциации международных исследований (ISA) «Spaces and Places: Geopolitics in an Era of Globalization» в Торонто (26-29 марта 2014 года).

В рамках заседания во второй половине дня прошли мастер-классы членов ISA.

Модераторы – Ракишева Ботагоз Ислямовна, к.с.н., директор Исследовательского института «Общественное мнение», член ISA, проф. **Кожирова Светлана Басейовна**, д.п.н., член Исполнительного Комитета ISA .

В заседании приняли участие члены ISA:

Проф. **Грегори Глиссен** – профессор политологии университета Нью-Мексико (США), профессор Европейского центра им. Джорджа Маршалла по изучению проблем безопасности (США-Германия)

Проф. **Хуман А.Садри** – профессор Университета Центральной Флориды, член Исполнительного Комитета ISA (США, Орlando)

Проф. **Рубен Михайлович Азизян** – руководитель программ Азиатско-Тихоокеанского центра исследований безопасности (США, Гавайи)

Проф. **Михаил Александрович Молчанов** – профессор и заведующий кафедрой политических наук университета Св. Томаса (Канада)

Участники Заседания: казахстанские члены Ассоциации международных исследователей (ISA), ученые, эксперты, докторанты, магистранты

Светлана Кожирова

Хуман А. Садри

Айгерим Шилибекова

Грегори Глиссен

Раушан Елмурзаева

Рубен Азизян

Ботагоз Ракишева

Михаил А. Молчанов

Евгения Руднева

Елена Нечаева

Александр Коваленко

Бахыт Оспанова

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ “ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ”

Исследовательский Институт «Общественное мнение» образован в 2013 году. Директор Института - Ракишева Ботагоз Ислямовна, кандидат социологических наук, член ESOMAR.

Институт специализируется на изучении общественного мнения, проводит маркетинговые и социологические исследования. Исследования проводятся как в Казахстане, так и в других странах мира (сотрудники Института имеют опыт проведения исследований в 20 странах мира, в том числе Центральная Азия, страны Западной Европы, Китай, Монголия, США, Канада и т.д.).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:

Институт осуществляет социологические и маркетинговые исследования, с использованием различных количественных и качественных методов сбора данных:

Качественные методы

Экспертные интервью
Фокус-группа
Глубинное интервью
Биографические нарративные интервью
Наблюдение
Тайный покупатель

Количественные методы

Личные интервью
Телефонные опросы

Основные научно-исследовательские проекты института:

- Межнациональная и межконфессиональная оценка
- Социальная напряженность и конфликтный потенциал
- Этно-лингвистическая ситуация в регионе
- Региональная и национальная безопасность
- Социально-политическая и экономическая ситуация в приграничных районах Казахстана
- Общественно-политическая ситуация
- Избирательный настрой и поведение избирателей
- Экзит-пулл
- Формирование гражданского общества и т.д.

Партнеры и клиенты

Аналитический центр

- Центр Евразийского банка развития интеграционных исследований
- Центр военно-стратегических исследований Министерства обороны Республики Казахстан
- Центр исследования межэтнических и межрелигиозных отношений Академии Государственного управления при президенте Республики Казахстан
- Центр Программы обеспечения безопасности
- Институт государственной политики “Нур Отан”
- Академия бизнеса «Искер»
- Национальная палата предпринимателей

Международные организации

- Детский Фонд Организации Объединённых Наций
- Управление Европейской Комиссии в Казахстане
- Фонд Фридриха Эберта
- Государственный фонд Александра Князева
- Муниципалитет города Бургаса
- Корейский культурный центр
- Международный центр исследований Кореи
- Европартнеры 2007
- Программа развития ООН

Университеты

- Университет Гранады (Испания)
- Институт исследований мира и конфликта, университет Гранады (Испания)
- Софийский университет имени Св. Климента Охридского (Болгария)
- Школа гуманитарных и социальных наук при университете Назарбаев (Казахстан)
- Международный каталонский Институт мира в региональном правительстве (Испания)
- Академия Государственного управления при Президенте Республики Казахстан (Казахстан)
- Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)
- Институт исследований Центральной Азии, Ханкука университет иностранных языков (Сеул, Южная Корея)
- Институт при Евразийском Стамбульском университете
- Университет Торонто Миссиссога (Канада)
- Институт экономических исследований (IDE-JETRO) (Япония)
- Университет Индианы

Общественные ассоциации

- Ассамблея народа Казахстана
- Корпоративный университет «Самрук - Казына»
- Федерация казахских культурных центров в Западной Европе (Мюнхен, Германия)

Информационные ресурсы и агентства

- Антитеррор сайт www.counter-terror.kz/
- Info-RosInformation Agency
- Открытое акционерное общество «Казконтент»

Посольства

- Посольство Китайской Народной Республики в РК
- Посольство Федеративной Республики Германия в РК
- Посольство Республики Корея в РК
- Посольство Республики Болгария в РК
- Посольство Франции в РК
- Посольство Чили в РК
- Посольство Украины в РК
- Служба торгово-экономических дел при посольстве Болгарии

Государственные органы власти

- Генеральная прокуратура РК
- Министерство культуры и информации РК

ISSN 2224-0276

9 772224 027002

«**Public Opinion**» **Research Institute** was founded in 2013. The Director of the Institute is Rakisheva Botagoz, candidate of sociological sciences, member of ESOMAR.

The Institute specializes in public opinion study, it conducts marketing and sociological researches. The researches are carried out both in Kazakhstan and other countries of the world (Institute staff has a research experience in 20 countries of the world, including the Central Asia, Western Europe countries, China, Mongolia, USA, Canada etc.).

Institute team is the professional sociologists, the marketing specialists and the politologists with long-term work experience.

Members of the working group have 16 years of work experience in the field of sociological and marketing study. More than 700 research projects have been carried out in total.

«**Public Opinion**» **Research Institute** publishes a research journal «INTERNATIONAL RESEARCH. Society.Politics.Economics». The journal priority is to highlight current social issues. The journal focuses on results of the research projects conducted in the CIS countries as well as all over the world.

Consulting support for the journal is provided by famous and outstanding scientists and experts from Bulgaria, United Kingdom, Germany, India, Kazakhstan, China, Lithuania, Poland, Russia, U.S.A., Tajikistan, Uzbekistan, Turkey, Finland, South Korea, Japan – they are the members of the journal Editorial Board.

Editor-in-chief – **Svetlana Kozhirova**, Doctor of Political Sciences

Contact information

Astana 010000, the Republic of Kazakhstan
Tel./fax: +7 (7172) 78 35 59, 78 35 49

e-mail: opinion.kz@gmail.com
www.publicopinion.kz